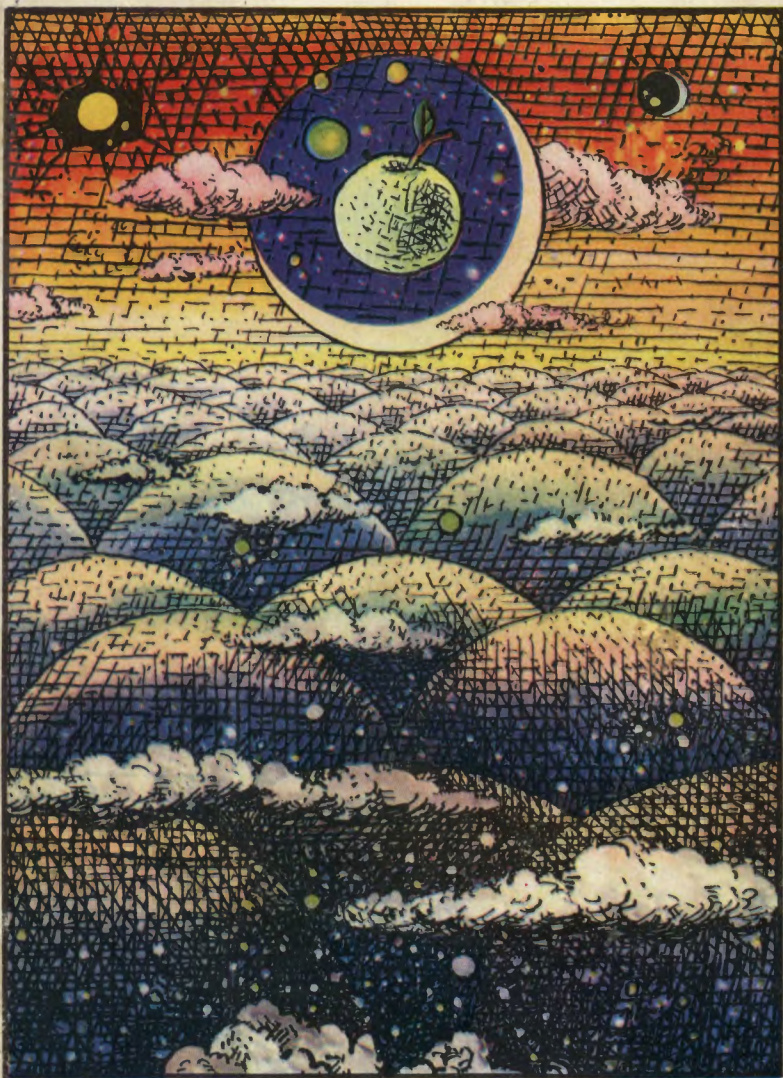

НФ

ISSN 0132-6783

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 21

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 21

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1979**

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Э. А. Араб-оглы
И. В. Бестужев-Лада
Д. А. Биленкин
Е. Л. Войскунский
Вл. Гаков
Г. М. Гречко
М. Б. Новиков
Е. И. Парнов

- С23**   **Сборник научной фантастики. Вып. 21. Сост.**
Вл. Гаков. М., «Знание», 1979.
256 с.

Тема очередного сборника научной фантастики — охрана окружающей среды. Каждый автор по-своему ставит эту проблему и по-своему решает ее.

В выпуске участвуют как признанные мастера научной фантастики (Г. Гуревич, О. Ларионова, Кир Булычев), так и те, кто только начинает свой путь в этой литературе (Э. Маринин, Г. Усова, В. Рыбаков и другие). В зарубежном разделе — Дж. Боллард, Г. Франке, Рэй Брэдбери. О современном состоянии проблемы можно прочитать в разделе публицистики.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- С**   **70500 — 035**
073[02] — 79   **Без объявл.**   **4700000000**

«БУДЕМ ЖЕ ЧУТОЧКУ УМНЕЕ...» (об авторах и темах сборника)

Фреза, вынесенная в заголовок, прозвучала не по-юношески мудро в рассказе самого молодого из авторов сборника, который вы держите в руках. Однако думаю, что и остальные участники дискуссии, развернувшейся на страницах сборника «НФ», все как один, подписались бы под этим резюме. Дискуссия посвящена проблеме, которая так или иначе присутствует в большинстве рассказов. Проблема серьезная, попытки отмахнуться от нее уже поставили человечество перед лицом грозной опасности, подстерегавшей его на многовековом и многотрудном историческом пути.

Основной лейтмотив рассказов, с которыми вы познакомитесь, — охрана окружающей среды. Не будем останавливаться на сегодняшнем состоянии проблемы — в последнем разделе вы прочтете статьи ученого и критика, в которых об этом сказано достаточно подробно. И если для какого-то читателя эта проблема до сих пор пребывала в разряде «отвлеченных», далеких от реальности, то хочется надеяться — после чтения этого сборника заблуждение рассеется. И как только будет закрыта последняя страница, еще одним защитником окружающей среды станет больше.

Отбирая произведения для этого выпуска «НФ», составитель не ставил перед собой задачу кого-то пугать, как не собирался и успокаивать. Попытаться показать проблему во всей ее сложности и в ее взаимосвязях, заставить читателя задуматься над ее возможными проявлениями — вот в чем виделась цель книги.

Не пугать и не успокаивать... Экологическая литература (не научно-фантастическая) уже испытала эти две крайности. На Западе, например, четко различают два полюса этой литературы — «алармистская» (от английского слова «alarm» — тревога) и «утешительная». Авторы-алармисты только страшили читателя экологической катастрофой, что и понятно — ужасы всегда высоко котируются на книжном рынке; пророки новой «технотронной» эры уповали на технологию, которая, мол, вывезет сама.

Со временем включились в экологическую кампанию и писатели-фантасты. Точка зрения прогрессивных западных фантастов на проблему в этом сборнике представлена двумя рассказами — крупнейшего современного английского писателя-фантаста Джеймса Болларда и ведущего фантаста ФРГ, известного ученого-физика и

популяризатора науки Герберто Франке. Невеселы их рассказы, но их никак не назовешь коммерческими «ужасами» на потребу обывателя. Это и не образец социального пессимизма, вотум недоверия человеку. Скорее мы имеем дело со страстным, хотя и внешне скупым и лаконичным, призывом опомниться, остановиться, пока еще не поздно. Иногда даже в самых мрачных пророчествах сквозят искренняя человеческая боль, обличающий гнев, надежда. Будем же чуточку умнее...

«Алармисты» и «утешители» сознательно или же подспудно, но упустили из виду главное — экологическая опасность в наши дни неотвратимо перерастает в проблему социальную. В странах социализма, где вся окружающая природа является общенародной собственностью, где она охраняется законом, причин для паники, отчаяния нет. Как нет причин для бесслучвенной веры в то, что все образуется само собой. Сейчас мы уже не можем позволить себе относиться к природе, как к чему-то изначально данному, неизменному, не подверженному влиянию общества.

Проблема существует, существует и в условиях социализма — об этом говорят постановления партии и правительства и выступления крупнейших советских ученых. Бессмысленно нынче взывать к сохранению природы в ее первозданном виде — современной экономике без использования природных ресурсов не обойтись, от этого никуда не денешься. Вопрос в том, как использовать, осваивать природу, с какими мерками подходить. Советский философ Г. Волков, говоря о капиталистическом природопользовании, метко заметил: «Если по отношению к рабочему применяется система «выжимания пота», то по отношению к природе естественна доктрина «выжимания ресурсов»... В социалистическом обществе впервые поставлена задача рационального природопользования, под которым понимается целый комплекс проблем — тут и преодоление отраслевого природопользования, и перевод производства на замкнутый экологический режим, и учет географических факторов, и многое-многое другое. Причем проблем — непростых, зачастую весьма запутанных. Но мы глядим в будущее с надеждой.

Убежденность в том, что проблема может и должна быть укрощена, вера в собственные силы покоятся на твердом фундаменте знания. Наука, само общество создали эту задачу — науке, обществу и решать ее. Поэтому экологическими вопросами у нас в стране заняты десятки тысяч специалистов из научно-исследовательских институтов, а забота об охране окружающей среды вменена в обязанность каждому предприятию, каждому хозяйственнику.

К проблеме стали относиться серьезнее, возник даже термин — «экологическое сознание». Подтверждение этому мы находим в пока неясных, но уже различимых сдвигах в массовом сознании. До-

статочно вспомнить, сколь популярны сейчас телепередача «В мире животных» или специальная полоса «Литературной газеты», с какой фантастической скоростью исчезают с прилавков книги Тропольского и Даррелла.

Позиция советских писателей-фантастов отлична от точки зрения их западных коллег, как разнятся и социальные среды, в которых живут и творят писатели. Вы найдете в произведениях советских авторов светлые картины будущего, в котором человек не только охраняет природу, но и «реставрирует» ее там, где предки уж чересчур перестарались. И откроете для себя новую мораль, в основе которой — обостренная ответственность за жизнь на Земле: и в космосе, существующую и даже еще не рожденную. И заразитесь тревогой и озабоченностью. И обнаружите новые, неожиданные грани в проблеме, которую неоднократно пытались упростить.

Но все без исключения рассказы сборника (а жанровый и тематический спектр их достаточно широк — тут и гротеск, и полусказка, и «охотничий рассказ», и просто шутка; психологическая проза, нравственно-этическая, лирическая; повесть, рассказ, миниатюра, даже «роман-конспект»...) проникнуты научным мировоззрением. А наука сейчас — это и диалектика, и системный подход, и логика и экстраполяция, и доказательство методом «от противного», и многое-многое другое. Главное же, чем вооружает наука писателей, это умением преодолеть как панические, так и прекраснотушные настроения, неистребимым желанием четко сформулировать проблему и во что бы то ни стало решить ее.

В этом выпуске «НФ» слово дается как признанным мастерам научной фантастики, так и тем, кто только начинает свой путь в этой литературе. В первом разделе вас ждет встреча с авторами, представлять которых нет необходимости, — на счету Ольги Ларионовой из Ленинграда, москвичей Дмитрия Биленкина, Георгия Гуревича и Кира Булычева не один десяток опубликованных рассказов, романы, повести, авторские сборники. Имена молодого писателя-ленинградца Андрея Балабухи и ученого-астрофизика из Баку, кандидата физико-математических наук Павла Амнузля тоже не раз встречались вам на страницах антологий и периодики.

Следуя хорошей традиции, сложившейся в сборниках «НФ», целый раздел предоставлен начинающим авторам.

Ленинградский инженер, в прошлом рабочий завода, Феликс Дымов уже опубликовал несколько рассказов в периодике, однако это имя еще предстоит открыть широкому читателю. А для другого ленинградца, аспиранта-востоковеда Вячеслава Рыбакова, участника I-го Всесоюзного семинара молодых фантастов и приключенцев, выступление на страницах этого сборника — дебют.

Дебютантами по праву могут считаться и харьковчанин Эрнест Маринин (это имя было открыто широкому читателю в предыдущем выпуске «НФ»), и учительница из Ленинграда Галина Усова, известная до сих пор как переводчица. Что касается инженера-изобретателя из Свердловска, кандидата технических наук Сергея Другаля, то он написал пока немного, всего несколько рассказов, однако и по ним можно с уверенностью судить: в советскую фантастику пришел сформировавшийся, самобытный художник.

Итак, одиннадцать писателей из пяти городов страны. Различен их возраст (на одном конце этого спектра заслуженный ветеран Г. Гуревич, на другом — В. Рыбаков, которому едва исполнилось двадцать пять), разнообразны творческие манеры; не одинаков и «угол атаки» проблемы. Различные точки зрения авторов ведут иногда и к полемике, но одно их всех объединяет и роднит: нет среди них равнодушных. Каждый по-своему, но беспокоятся, думают, ищут.

От необходимости думать, от ответственности решать не уйти ни в космические дали (повести О. Ларионовой и К. Булычева), ни под соблазнительное для многих прикрытие «чистой» науки (рассказ Ф. Дымова). Так же опасно упрощение экологической проблемы, сведение ее к лозунгу защиты животных (в рассказе Д. Биленкина читатель не найдет однозначных ответов на поставленные вопросы, но, прочитав рассказ, убежден в этом, непременно задумается над тем, что только что казалось очевидным).

Вмешательство в природное равновесие... А ведь еще три века назад были произнесены мудрые слова Фрэнсиса Бэкона о том, что подчинить себе природу можно только подчинившись ей. И коль скоро прогресс неотвратим и необратим, а воздействие технологической «второй» природы на «первую», естественную, столь фатально, то не заняться ли перестройкой самого человеческого организма, вместо того чтобы заниматься перестройкой окружающей среды (рассказ П. Амнузля)? В любом случае вмешательство должно быть обдуманным, спокойным и строго научным — иначе природа жестоко отплатит нам, какими бы благими намерениями мы не оправдали вмешательство. Результатом может быть отравленная вода (рассказ Г. Усовой) и даже погубленная в зародыше жизнь целой планеты (рассказ В. Рыбакова)...

Впрочем, термин «окружающая среда» можно не ограничивать только средой природной, хотя именно эта тема представляется фантастам самой животрепещущей. Тем не менее не забыта и «третья» природа, ноосфера — социальное, духовное, культурное окружение человека. Мир, сконструированный непосредственно сознанием и подсознанием человека, впервые описал, кажется, Станислав Лем в «Солярисе». Как вести себя человеку, какими моральными,

этическими нормами руководствоваться, когда все вокруг, в том числе и люди, построено по «чертежам» собственного мозга? Думается, что Э. Маринин в своем рассказе оригинально отвечает на этот вопрос. В рассказе Рэя Брэдбери снова звучит мысль о необходимости для человека еще одной «среды» — культурной: оказывается, в мире так же важно сохранить животных и растения, как и героев детских сказок... А исследователям на других планетах для нормальной жизни потребуются не только знакомые детали земной обстановки, но и... болдинская осень (рассказ А. Балабухи). Наконец, в весьма своеобразном по форме произведении (это даже не рассказ, а конспект ненаписанного романа) Г. Гуревич доказывает, насколько существенной является среда социальная.

В конечном итоге именно она, социальная среда, и определит решение экологической проблемы.

Прогресс будет продолжаться, и люди будущего, покуда они будут оставаться людьми, никогда не станут безгрешными богами, как не превратятся — хочется верить! — в безошибочных автоматов. И поскольку грандиозность задач, которые поставит перед собой человечество, будет возрастать, не исключены и ошибки. Но пока в людях будущего будет поддерживаться ответственность за окружающий мир, за жизнь, рожденную и нерожденную, они сохраняют природу. И вместе с ней сохраняют себя.

Они будут умнее (в этом уверены все писатели, с которыми вам предстоит познакомиться).

Вл. Г А К О В

■ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ОЛЬГА ЛАРИОНОВА

Где королевская охота

Генрих поднялся по ступеням веранды. Типовой сарай гостиничного плана — таких, наверное, по всем курортным планетам разбросано уже несколько тысяч. Никакой экзотики, бревен там всяких, каминов и продымленных антисанитарных потолков с подвешенными к балкам тушами копченых представителей местной фауны. Четыре спальни, две гостиной, внутренний бассейн. Минимум, рассчитанный на четырех любителей одиночества. Да, телетайпная — она же и библиотека. С видеокассетами, разумеется.

Он вошел в холл. Справа к стене был прикреплен длинный лист синтетического пергамента, на котором всеми цветами и разнообразнейшими почерками было начертано послание от прошлых посетителей Поллиолы к будущим:

НЕ ОХОТЬСЯ!

Бодули бодают голоногих!

Пожалуйста, не устраивайте помойку из холодильной камеры.

За гелиобатареями гляди в оба!

НЕ ОХОТЬСЯ!

Жабы балдеют от Шопена — можете проверить...

Какой болван расфокусировал телетайп?

НЕ ОХОТЬСЯ!!!

Последняя надпись была выполнена каллиграфическим готическим шрифтом. Несмываемый лиловый фломастер.

Этот пергамент привлекал внимание только в первый день, да и то на несколько минут. Они не впервые отправлялись по путевкам фирмы «Галакруиз» и уже были осведомлены о необходимости приводить в порядок захламленный холодильник и настороженно относиться к сырой воде. С бодулями же они вообще не собирались устанавливать контакта, тем более что еще при вручении путевок их предупредили, что охота на Поллиоле запрещена.

Стараясь не глядеть в сторону пергамента, Генрих прошел в спальню. Тщательно оделся, зашнуровал ботинки. Что еще? Фляга с водой, индивидуальный медпакет, коротковолновый фон. И самое главное — ринкомпас, или попросту «ринко». Все взял? А даже если и не все, то ведь дело-то займет не более получаса.

На всякий случай он еще прошел в аккумуляторную и, не за-

жигая света, отыскал на стеллаже пару универсальных энергообойм, подходящих для небольшого десинтора. Вот теперь он полностью экипирован. Он подошел к выходной двери, за которой в глубокой мерцающей дали зыбко подрагивали земные звезды, досадливо смел с дверного проема эту звездную, почти невесомую пленку и, стряхивая с ладони влажные тающие лоскутья, спустился на лужайку, где по свернувшейся траве еще розовели пятна крови. Прежде всего надо было настроить «ринко».

Компас был именной, нестандартный: вместо стрелки на ось надета головка Буратино с длиннющим красным носом. Нос чутко подрагивал — запахи так и били со всех сторон. Генрих положил «ринко» на розовое пятно и включил тумблер настройки.

Нестерпимое солнце Поллиолы, до заката которого оставалось еще сто тридцать шесть земных дней, прямо на глазах превращало розовую лужицу в облачко сладковатого смрада. Сколько полагается на настройку? Три минуты.

Только три минуты. А сколько прошло уже с тех пор, как прозвучал омерзительный выхлоп разряда?

Этого он сказать не мог. Что-то произошло у него с системой внутреннего отсчета времени, благодаря которой раньше он мог обходиться без часов — темпоральная ориентация была развита у него с точностью до двух минут.

Здесь что-то разладилось. Винават ли был жгучий, нескончаемый полдень Поллиолы, длящийся семь земных месяцев, спрятаться от которого можно было лишь внутри домика, где с заданной ритмичностью условное земное утро сменяло условную же земную ночь и так далее? Или виной было то, что произошло вчера?

Хотя тем условным земным днем, который можно было бы определить как «условное вчера», ровным счетом ничего не произошло. Перед обедом Герда отправилась купаться, Эристави поплелся за ней. Генрих же, убеждая себя в том, что последнее обстоятельство несколько его не раздражает, побрел в телетайпную и от нечего делать врубил уже отфокусированный кем-то зикран. Обнаружил свежую точку, развернул — ну так и есть, депеша с подопечной Капеллы. Опасения, причитания. С той поры, как он покинул свою фирму на Капелле, на этой неустоявшейся, пузырящейся, взрывающейся планете все время что-то не ладилось. Если бы не ценнейшие концентраты тамошнего палеопланктона, каким-то чудом вылечивающие лучевую болезнь в любой стадии, все работы на Капелле следовало бы безоговорочно прикрыть. Но пока этот планктон не научились синтезировать, Генриху приходилось периодически нянчиться с Капеллой.

Он пробежал глазами развертку депеши и вдруг с удивлением отметил, что не уловил сути сообщения. Что-то оталекало. И так с

ним бывало именно там, на Капелле, когда внезапно все его тело превращалось в настороженный приемник, пытающийся уловить сигнал опасности. Он знал, что такое бывает с животными — собаками, змеями, лошадьми. В таких случаях, не дожидаясь этой самой тревоги, его рука заблаговременно нажимала сигнальную сирену, и люди, побросав все, прыгали на аварийные гравиплатформы и поднимались на несколько десятков метров над поверхностью, которая уже начинала пучиться, как недобродившее тесто, плезаться комьями вязкой зеленой глины, уходить в преисподнюю стремительными бездонными провалами. В таких условиях строить, разумеется, можно было только на гравитационных подушках, а ведь это такое однообразное и неувлекательное занятие...

На Земле это состояние тревоги он испытал дважды: в Неаполе перед четырехбалльным толчком и в Чаршанге перед шестибалльным. С тех пор во время своих недолгих отпусков он забирался только на те планеты, которые были «тектоническими покойницами», как и Поллиола. И вдруг — сигнал. Что бы это значило?

А что надо отсюда убираться, вот что.

Генрих ударил кулаком по выключателю — экран погас. Ах ты черт, опять что-нибудь расфокусируется. Но это поправимо. Непоправимо обычно то, что непредсказуемо. Он выскочил тогда из телетайпной, скатился по ступеням веранды, помчался по горячей траве. До берега было метров сто пятьдесят, и он отчетливо видел, что на самом краю берегового утеса спокойно стоит Эри, глядя вниз, на озеро. Значит, ничего не случилось. Ничего не могло случиться. И все-таки он бежал, не разбирая дороги, и когда выскакивал из спасительной тени под отвесные лучи солнца, его обдавало жаром, как из плавильной печи. На таких местах трава сворачивалась в трубочку, подставляя лучам свою жесткую серебристую изнанку. Бежать по ней было сущей каторгой.

Эристави не обернулся, когда Генрих остановился сзади его, тяжело переводя дыхание. Ох уж эта восточная невозмутимость! Торчит, не шевелясь, на этом утесе уже битых полчаса в своей хламиде и бедуинском платке, а под складками одежды — четкие контуры портативного десинтора среднего боя. А ведь человеку на Поллиоле ничего не угрожало, иначе она не числилась бы в списках курортных планет. Озера и реки вообще были пустынные, если не считать белоснежных грудастых жаб почти человеческого роста. Но все-таки голос далеких кочевых предков не позволял Эристави доверять зыбкой неверной воде, и каждый раз, когда Герда, оставив у его ног свое кисейное платье, бросалась с крутого берега вниз, он не следовал за ней. Это было абсолютно не нужно, но он стоял на страже.

Генрих не разделял его опасений и теперь неприязненно созер-

цал его спину в аравийской хламиде. И что это Герда повсюду таскает за собой этого художника? Один раз и навсегда она объяснила мужу, что Эристави — это тот друг, который отдаст для нее все и ничего не потребует взамен. Но ведь ничего не требовать — это тоже не бог весть какое достоинство для мужчины. Генрих еще раз посмотрел на Эри, на кисейное платье, доверчиво брошенное у его ног, потом вниз. Герда нежилась у самого берега, в тени исполинских попухов. Дно в этом месте круто уходило вниз, метров на двадцать, а то и больше, и, как всегда бывает над глубиной, вода казалась густой и тяжелой.

Так вот и заглох он, чуткий звоночек тревоги, а ведь послушайся Генрих голоса своей безотказной интуиции — летели бы они сейчас к матушке-Земле. Если не втроем, то уж вдвоем, это точно.

А теперь он сидел на корточках над вонючей розовой лужицей и, хотя «ринко» уже давным-давно настроился, все еще не мог найти в себе решимость подняться и идти выполнять свой долг.

Долг человека — самого гуманного существа Вселенной.

Он выпрямился, машинально достал платок и вытер руки, словно пытаясь стереть с них запах крови.

Правда, этих пятен на траве было не так много, но по их расположению нетрудно было догадаться, что появлялись они на каждом выдохе раненого животного, которое в таких условиях должно было истечь кровью в ближайшие часы. На такой жаре — мучительная перспектива. Генрих никогда не баловался охотой, но стрелять ему все-таки приходилось — не на Земле и, естественно, в безвыходных ситуациях. Поэтому сейчас он думал только об одном: бросить подраненное животное медленно погибать от зноя — это всегда, во все времена и у всех народов считалось постыдным. Он задумчиво глянул на десинтор, перекинул его в правую руку. Заварили кашу, а ему расхлебывать.

Он направился к зарослям, куда вели окровавленные следы бодули. Вот один, другой... Копытца раздвоены как спереди, так и сзади. След странный. Никогда прежде не встречалось таких бодуль, с позволения сказать, двустороннекопытных. Хотя видел он и однорогих, и двурогих, и множественнорогих. И плюшевых, и длинношерстных. И куцых, и змеехвостых. Попадались также плеченogie и винтошene, розовогривые и лимоннозадые. Что ни особь, то новый вид. Но при всем невероятном множестве всех этих семейств и отрядов козло-, павиано-, дикобразоподобных здесь не водилось ни рыб, ни птиц, ни насекомых. И всяких там членистоногих, земноводных и моллюсков — тем более. Полутораметровые пятнистые жабы, передвигавшиеся в основном на задних конечностях, могли бы составить исключение, если бы не молочно-белое вымя, которое четко просматривалось между передними лапами. И вообще

все животные здесь были на удивление одинаковыми по габаритам — их рост составил бы от ста пятидесяти до ста восьмидесяти сантиметров.

И похоже, что здесь совершенно отсутствовали хищники.

Все эти кенгурафы и единороги, гуселапы и бодули, плешебрюхи и жабонды, которым люди не успели дать хоть сколько-нибудь научнообразные определения, а ограничились первыми пришедшими на ум полусказочными прозвищами, между тем заслуживали самого пристального внимания уже хотя бы потому, что они умудрялись безболезненно переносить не только двухсотдневный испепеляюще жаркий день, но и столь же продолжительную ледяную ночь.

Генриху, хотя он и не был специалистом по интергалактической фауне, не раз приходила в голову еретическая мысль о том, что Поллиола начисто лишена собственного животного мира, а все это сказочное зверье привнесено сюда с какими-то целями извне, тем более что следы пребывания здесь неизвестной цивилизации налично: Черные Надолбы, радиационные маяки на полюсах и все такое. Вот только что здесь было создано — полигон для проведения экологических экспериментов или просто охотничий вольер?

И пока он теоретически склонялся к первому, Герда решила практически узаконить второе.

Каприз этой очаровательной соломенной куклой — что значил перед ним мир какой-то захолустной Поллиолы? Ведь главное — это то, что беззащитное мифическое зверье обеспечивало ей поистине королевскую охоту!

Генрих передернул плечами, словно сбрасывая с себя всю мерзость сегодняшней ночи. Как там с ориентацией? Он положил на ладонь легкую черную коробочку, и носик-указатель безошибочно ткнулся туда, где заданный ему запах был наиболее свеж и интенсивен. А теперь — только бы не было дождя.

Он прошел по следу до самого края лужайки, давя рифлеными подошвами тугие трубочки свернувшейся травы — от капель крови она так же пожухла и скукожилась, как и от прямых солнечных лучей. Уж не ядовита ли эта кровь?.. А, пустое. Предупредили бы, в самом деле. Он дошел до «черничника» — молодая поросль этих исполинских деревьев (а может, кустов?) окаймляла лужайку, щетинясь черными безлистными сучками, ломкими, как угольные электроды. Да, в таких джунглях не разгуляешься. Так что бодуля не могла уползти далеко. Вот и обломанные сучки — сюда она вломилась. Он заглянул в просвет между сучьями: внизу на рыхлой и совершенно голой почве отчетливо обозначилась ямка, где бодуля упала, и дальше — неровная борозда, уходящая в глубь зарослей. Справа от борозды монотонно розовели пятна крови. Уползла-таки.

И теперь ему нужно идти по следу. А может, все-таки послать Эристави добить животное? Он не только художник, но и охотник.

Но Генрих знал, что пока он находится здесь, на Поллиоле, ни один из этих двоих больше не получит в руки оружия. Так что придется все заканчивать самому. Он бросил последний взгляд вниз, на ямку, и вдруг среди сбитых сучков заметил что-то чуть поблескивающее, свернутое спиралькой... Рога. Небольшие изящные рожки. Это ж надо умудриться — одним выстрелом и сбить оба рога, и ранить бодулю в правый бок... А, не это сейчас важно. Главное — поторопиться, а то она заползет невесть куда.

Он обошел стороной заросли черничного молодняка и некоторое время двигался по какой-то звериной тропе. Понемногу заросли стали реже и выше — кроны над головой сплетались, образуя сплошную темно-оливковую массу, и внизу можно было идти даже не нагибаясь. Генрих проверил направление по «ринку» — все правильно, он идет наперерез движению раненого животного, и если оно успело проползти вперед, то след должен вот-вот показаться. Прозевать он не может — земля, несмотря на жару, мягкая и влажная, ну просто мечта для следопыта-новичка. Да вот и борозда — свеженькая, прямо-таки демонстрационная. И следы по краям... Только вот чьи следы? Не бодулины же, в самом деле! Он хорошо помнил ее след: копытце, раздвоенное как сзади, так и спереди. А тут — когтистая четырехпалая лапа. И зеленоватая слизь в углублениях почвы и на древесных корнях.

Объяснение тут могло быть только одно: кто-то, цепкий и скользкий, словно громадный ящер, полз прямо по следу несчастной бодули, не отклоняясь ни на дюйм. Зачем?

Впрочем, это ясно. Желаемая развязка наступит даже раньше, чем он попытается вмешаться. И почему на Поллиоле не должно быть хищников? Отдыхающим гарантировали, что животные этой планеты абсолютно не опасны для человека. Но кто им запретит лакомиться друг дружкой? Святое дело. И приятного аппетита.

Он уже хотел повернуть назад, но что-то его остановило. Может быть, мысль о тех, что оставались там, в ночном коттедже: ведь чем дольше он будет отсутствовать, тем больше надежды на то, что они догадаются починуть Поллиолу до его возвращения и тем самым избавят его от тягостного диалога. И кроме всего прочего, оставался долг перед бодулей, долг, который он сам наложил на себя. Долг требовал однозначно убедиться в том, что эта злосчастная коза покончила счета с жизнью тем или иным способом. Иначе до конца дней своих он будет чувствовать свою вину. И потом его разбирало любопытство — ящеров они не наблюдали еще ни разу. Он поставил десинтор на предохранитель и двинулся дальше по

жирному подлиольскому чернозему. Удивительно он плодороден на вид, и как-то странно, что из него не торчит ни мелкой травки, ни, на худой конец, облезлого мха. Одни литые, непоколебимые стволы совершенно одинаковых деревьев.

Время шло, и Генрих чувствовал, что начинает раздражаться. Влажная атмосфера тенистых, парных джунглей отнюдь не располагала к быстрой ходьбе. Однако каков запас сил, да и крови, у здешних тварей! Или ее подгоняет страх перед преследующим ящером? Да и ящер ли это?

Это был ящер, и в просветах между черными гладкими стволами Генрих наконец разглядел его странное, нежно-зеленое тело. Он напоминал огромного панголина, только уж больно неуклюжего; крупная грубая чешуя тускло поблескивала, когда на нее падал редкий солнечный зайчик. Двигался панголин и вовсе несуразно, как человек, имитирующий на суше плавание на боку. Генрих рискнул приблизиться, но панголин обернул к нему заостренную морду, зашипел — черный узкий язык свесился до земли. Черт ее знает, эту тварь, может быть, она ядовита...

Тварь ползла не быстро, и Генрих решил обогнать своего конкурента. Он ускорил шаг и, держась на приличном расстоянии, короткими перебежками обошел ящера и двинулся вперед как можно быстрее, стараясь снова выйти на след бодули. Если верить не подводившему ранее чувству ориентации в пространстве, то подранок вел его по плавной дуге, чуть склоняясь влево. Значит, след будет вон за теми деревьями. Он пригляделся к посветлевшим стволам и чертыхнулся: а, напасть — огуречные пальмы! Мало того что они почти не дают тени, но к тому же и ходить под ними практически невозможно. Россыпи лиловых огурчиков — чтобы поставить ногу, нужно прежде разгрести целую грудку этих плодов. А чтобы найти след, как бы не пришлось встать на четвереньки.

Это предположение заставило его еще раз выругаться про себя и полезть в карман. Совсем забыл про «ринко». Тоже мне охотник! Вот было бы зрелище — Кальварский на карачках, вынюхивающий след упущенной дичи под сиреневыми корнизонами!

Он щелкнул затвором, и блестящая игрушечная головка завертелась вокруг оси, отыскивая точку, откуда несло заданным запахом. Сейчас он уткнется в груды аметистовых плодов... Ничего подобного. Носик прибора точно указал вправо, где должен был двигаться зеленый панголин. Генрих встряхнул «ринко», снова спустил затвор — носик неуклонно тяготел к ящеру.

Так. Приборчик спонтанно пересориентировался на другой запах, следовательно, придется положиться на естественный индикатор — чутье хищника, который сам приведет охотника к намеченной жертве. Надо только держаться не очень близко — вдруг этот пол-

зучий гад обладает маневренностью яванского носорога, который тоже на первый взгляд кажется неповоротливым...

Но панголина пока не было видно, и он не торопился выбирать-ся из-под тенистых деревьев на эту огуречную полянку. Генрих присел, вытирая пот. Ох, до чего же противно! Изменил своему золотому правилу: никогда не заниматься не своим делом. И вот вам. Болтайся в этой тропической бане, тычься в след, как фокстерьер. А там, позади, в прохладной тиши земного пространства и времени, ограниченного стенами их домика, уже потускнели призрачные заоконные звезды, и крик магнитофонного Шантеклера возвестил приход зари... Пастораль! А что? Да, пастораль, черт подери, и если бы кто-нибудь догадался, насколько ему хочется туда, назад, во вчерашнее утро, когда еще ничего не случилось и ничто не обещало случиться, он предпочел бы провалиться от стыда в одну из вонючих ямщ своей проклятой Капеллы.

Он недобро усмехнулся собственным мыслям: вчера, когда еще ничего не случилось... Оказывается, он уже обзавелся точкой отсчета времени! При одном воспоминании о тиши и прохладе вчерашнего утра струйки горячего лота еще проворнее побежали у него по спине, и пришлось почесаться лопатками о графитовую шершавину древесного ствола. Так что же там было вчера утром?

Да ничего особенного. В ожидании традиционного парного молока Генрих с Эристави сидели на тенистой лужайке в легких плетеных креслах. Да, все было так же, как и каждый день.

Герда вынырнула из зарослей, волоча за собой на белом пояске некрупного упирающегося единорога.

— Одного одра-таки заарканила, — констатировала она и без того очевидный факт. — Больше нет, кругом одни жабы. И все чешутся о деревья, как шелудивые. К чему бы это!

— К дождю, — отозвался Генрих.

Вероятно, он сказал это так, занятый собственными мыслями, но тем не менее это было похоже на истину. Дней десять назад, перед первым и единственным пока дождем, на местную фауну напала повальная почесуха: и единороги, и гуселалы, и бодули всех мастей оставляли клочья своей шерсти на прибрежных камнях, стволах исполинского черничника и даже на углах их коттеджа. Жабы, кстати, страдали меньше остальных. То, что они снова начали сходиться к озеру, несомненно предвещало дождь, и не просто дождь, а тропический ливень, который, еще не достигнув земли, будет скручиваться в тугие водяные жгуты, способные сбить с ног средней величины мастодонта; через десять минут после начала дождя по размытым звериным тропам уже помчатся ревущие потоки, и полилавшие от холода жабы будут прыгать с нижних ветвей в эту мутную стремительную воду, которая понесет их прямо в озеро...

— Сходи за хлебцем, Эри,— попросила Герда,— а то эта скотина и минуты спокойно не простоят.

Эри проворно сбегал на кухню, выгреб из духовки еще теплые хлебцы, но обратно на лужайку предусмотрительно не пошел, памятуя о пристрастии некоторых рогатых к голым ногам. Он высунулся из кухонного окна, подманывая единорога только что отломленной дымящейся горбушкой.

— Не давай скотине горячего,— велела Герда.

— Ты полагаешь, что трава на солнцепеке холоднее? — он все-таки подул на хлеб, потом обманнул его в солонку.— Ну, иди сюда, бьяша!

Единорог дрогнул ноздрями и затрусил за подачкой, проворно перебирая мягкими львиными лапами. Герда догнала его и, когда он тянулся за горбушкой, ловко подсунула под него ведерко. Зверь жевал, блаженно щурясь, и в ведерко начали капать первые редкие капли. Герда, придерживая ведерко ногой, принялась чесать пятнистый нерпичий бок — единорог фыркнул, присел, и в ведро ударили две тяжелые белоснежные струи. Это животное не нужно было даже донть — оно отдавало избыток молока абсолютно добровольно, и люди вряд ли догадались бы о том, как легко получить этот бесплатный дар местной фауны, если бы в зарослях то тут, то там не попадались белесые, быстро створаживающиеся лужи.

Герда выдернула ведерко, прежде чем животное переступило с ноги на ногу — как правило, такая манипуляция кончалась гибелью всего удоя. Она нацедила молоко в кружки, положила в маленькие корзиночки по теплomu хлебцу. Когда обносила мужчин, почувствовала влажную теплоту в туфле — опять эта скотина напустила ей туда молока. Каждый раз одно и то же. Она бегом пересекла затененную лужайку, скинула туфли и выставила их на солнцепек. Потом вернулась в свою качалку, забравшись в нее с ногами.

— А ты что, постишься? — спросил ее Генрих.

— Как-то приелось. Да и жарко.

Она не очень-то дружелюбно следила за тем, как мужчины завтракают. Когда кружки опустели, она подождала еще немного и кротко спросила:

— Ну и как сегодня — вкусно?

— Как всегда,— отозвался Эри.— Бесподобно.

Генрих снисходительно кивнул, стряхивая крошки с бороды.

— Тогда будь добр, Эри,— попросила Герда каким-то особенно страдальческим тоном,— достань мне из холодильника одну сосиску. Там на нижнем этаже открытая жестянка.

Эри, расположившийся было на кухонном подоконнике рисовать все еще пасшегося внизу единорога, кивнул и исчез в глубокой прохладе холодильного подвала. Было слышно, как он там переби-

рает жестянки. Наконец, он снова появился в проеме окна, шуганул единорога и протянул Герде вилку с наанизанной на нее четырехгранной сосиской.

— Благодарю,— сказала Герда с видом великомученицы. Все последние дни она демонстративно питалась ледяными сосисками, причем накал этой демонстративности от раза к разу неуклонно возрастал. Во всяком случае, мужчины старались в такие минуты на нее не глядеть. Всем было как-то неловко.

— Между прочим, забыла спросить,— продолжала она подозрительно невинным тоном,— а вчера вечером молочко от нашей коровки было не хуже, чем обычно?

Мужчины недоуменно переглянулись — вроде бы нет, не хуже.

— А это было жабье молоко,— сообщила она, помахивая вилкой и наслаждаясь произведенным эффектом.— Это вам за то, что вы кормите меня всякой консервированной пакостью.

Эри просто онемел. Дело было не в том, что именно она сказала — главное, что она так говорила со своим мужем. До сих пор он был для нее неоспоримым господином и повелителем — еще бы, сам Кальварский, гений сейсмoarхитектуры, величайший интуитивист обжитой Галактики, без которого не возводился ни один город в любой сейсмозоне! И миловидная дикторша периферийной телекомпании «Астралаф», обслуживающей акваторию Индийского океана. Шесть лет незамутненных патриархальных отношений, и вдруг...

— Ты просто устала от безлюдья, детка,— сказал тогда Генрих.— Давай-ка собираться на Большую Землю.

— И не подумаю,— возразила детка.— Я еще не взяла от Поллюлы все, что она может дать. Я еще не собрала свою каплю меда...

Если бы он мог тогда угадать, что ее капля меда окажется красного цвета!

Тогда и сейчас он пил бы свою утреннюю кружку молока — от жабы ли, от единорога, не все ли равно, вкус одинаковый. И не сидел бы в этом лиловом огуречном дерьме, тупо глядя слипающимися от бессонницы глазами на только сейчас появившегося из-за деревьев нелепо ковыляющего панголина. Явился-таки, искомый гад. На этот раз придется пропустить тебя вперед. Валяй. Догонишь бодулю (не может же она удирать без остановки!) — тогда можно будет выстрелить поверх твоей головы. Не бойся, десинтор не разрывного действия, без обеда ты не останешься. А опередить тебя надо из соображений гуманности... и безразличности.

Генрих отступил за огуречный ствол и подождал, пока ящер, по-прежнему двигаясь судорожными толчками, прополз мимо. Выйдя из-за дерева, Генрих с удовлетворением отметил, что пан-

голки проделал в россыпях огурцов заметную борозду — не надо разгребать пупырчатые плоды, чтобы найти след с четырехпалой лапой и регулярными розовыми пятнами справа.

Преследование ящера в этой овощной роще отличалось такой монотонностью, что Генрих окончательно перестал следить за временем и пройденным расстоянием. Сколько он шел, осторожно ступая прямо на панголиний след, полчаса или полдня? Убийственное однообразие колоннады растительных монстров могло усыпить на ходу. И усыпляло.

Из этого полудремотного состояния Генриха вывело падение. Под ногой злорадно хлюпнул раздавленный огурец, смачные липовые плевки усеяли штанину, и он почувствовал, что уже лежит на боку, и в левой кисти нарастает боль, нарастает жутко, по экспоненте. Ящер обернулся, удовлетворенно прошипел что-то на прощанье и исчез как-то особенно неторопливо. «Погоди, гад ползучий, — невольно пронеслось в голове, — я ж тебя догоню... Вывихнуть руку — это тебе не десинтором по боку. Я ж тебя доконаю...» Он вдруг спохватился на том, что сейчас выходило, он гнался уже не за бодулей, а за этим вот зеленым выползком, и то суммарное чувство досады, нетерпения и собачьей тяги вперед, по следу и есть, вероятно, атавистический охотничий инстинкт, в существование которого он до сих пор не верил.

Он положил десинтор на колени, выдернул из медпакета белую холодную ленту и наскоро перетянул кисть руки. Поднялся, поискала глазами — здесь растительной зелени не было, так что поблескивающую салатовую чешую панголина он должен был бы усмотреть издалека. Так ведь нет. И непрерывно прибывающая огуречная каша уже затянула след. Генрих выругался, засек направление по «ринко» и медленно двинулся дальше, разгребая предательские огурцы. Он упал еще раз четыре, и последний раз — на больную руку, так что боль, усиленная жарой, стала несколько выше допустимой. Мелькнула мысль — а не послать ли эту затею к чертям и не вызвать ли аварийный вертолет? Но тот же новорожденный охотничий инстинкт не дал этой мысли вырасти и овладеть усталым, обмякшим телом. Он шел и шел, и когда впереди, наконец, тускло блеснуло слизистое тело панголина, он увидел в просвете между деревьями беспорядочно валяющиеся здоровые ржавые трубы. Об одну из них самозабвенно терся ящер.

Генрих, стараясь не шлепнуться в шестой раз, осторожно приблизился. Ящер повернул к нему внезапно потолстевшую морду — вероятно, опухла от чесания, — встряхнулся, так что с него слетело еще несколько крупных чешуек, и с завидной легкостью юркнул в трубу. Через некоторое время он показался из дальнего ее конца, пересек чистое пространство — огурцов что-то стало меньше, — до-

полз к следующей трубе, почесался и влез в нее. С третьей трубой процедура повторилась. Ящер был уже довольно далеко, и Генрих обратил внимание на то, что после пребывания в каждой из труб ящер как бы розовеет. Он подошел поближе и поднял тяжелую, с ладонь, пластинку чешуи. И вовсе это была не чешуя, а сплюснутый тугим конусом клок шерсти. Налет, покрывавший жесткие, утончающиеся к кончику ворсинки, делал их зеленоватыми. От этого липкого кома шерсти тянуло кровью.

Но ведь этого не могло быть. Генрих потряс головой. Такая трансформация... Всего за несколько часов... А что толку размышлять, предполагать? Надо просто-напросто догнать животное, подстеречь на выходе из очередной трубы, и все станет ясно...

Пятнистое зеленовато-розовое тело, похожее на исполинского аксолотля, мелькнуло впереди и исчезло в хоричневом жерле. Но дальше трубы шли навалом, а три-четыре наката. Трубы! Он наклонился, потрогал. Ну, естественно, никакие это не трубы — свернутые пальмовые листья, причем каждый величиной с хороший парус. Вероятно, таков уж был жизненный цикл этих необычных деревьев — сначала опадали все листья, потом из верхушки ствола начинали выпсыпаться семечки, то бишь огурцы. А почему нет? Он взобрался на одну из этих гигантских сигар — ничего, выдержала. Но стало хуже, когда «сигары» пошли штабелем — он поколебался немного, потом все-таки полез в отверстие. Это была не та труба, через которую проползало животное (Генрих уже не рисковал называть это существо ни бодулей, ни панголином). Преодолев одно препятствие, Генрих растерялся: впереди был сплошной завал. А не пробить ли себе дорогу десинатором? Нет, поздно — сзади уже слишком много «сигар», если на такой жаре вспыхнут все разом, из огненного кольца не выберешься. Вызвать вертолет. Бессмысленно — «ринко» не возьмет следа с высоты птичьего полета.

Он снова ввинтил свое тело в потрескивающую лубяную трубу.

Часа через два он порядком обессилел. Подполз к выходу из очередной трубы, но вылезать не стал, а перевернулся на спину и блаженно вытянулся. Труба была шире предыдущих, прохладная и упругая наощупь. Вот если на такую встать — уже не выдержит, сплющится. И цвет не ржавый, а серо-серебристый. Как земная мать-и-мачеха с изнанки. Но к чему это — земная? Ничего тут нет земного. Даже времени. По своей усталости и все нарастающей жажде он догадывался, что их человеческое, условное утро уже кончилось и время перевалило, вероятно, за обед. Но для него не будет ни условного обеда, ни условного ужина, и никаких других условностей, вроде этого наивного лепета — «бодули», «кривули», «хенгурафы»... Сколько поколений резвящихся дачников сменило друг друга на этом курортном становище, и все они заученно пов-

торияли полусказочные названия, по числу перевалившие за добрую сотню.

И никому не пришло в голову поразмыслить над тем, а не есть ли это ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ ВИД — эдакий млекопитающий хамелеон, сухопутная камбала, объемный мимикродон?

Это озарение сошло на Генриха разом, и он с ужасом и каким-то восторженным изумлением понял, что преследовал не бодюлю и не ящера — он догонял поллиота. Самов необыкновенное существо, когда-либо встреченное человеком во всей Вселенной.

Обессиленный не столько жарой и болью в руке, сколько этим потрясшим его открытием, Генрих все еще лежал внутри «сигары», полуприкрыв глаза и собираясь с мыслями. Догнать этого мимикродона он должен, это просто необходимо, а вот что с ним делать дальше — это будет видно на месте. «Ну же, выкарабкивайся отсюда, увалень!», — сказал он себе.

Трубы здесь были совсем серебряные, больше метра в диаметре — преодолевать их было сущей радостью. А еще через четверть часа и они кончились, и Генрих пошел по земле, усталой опавшими, но еще не начавшими сворачиваться листьями. Естественный ковер был упруг и как будто помогал ходьбе. К тому же на граненых стволах стали попадаться еще не опавшие листья, торчавшие так, словно они были поставлены в узкие вазы. Тень под ними была прохладна и кислота, они источали знакомый запах растертого в пальцах щавелевого стебелька. «Ринко» уже не рыскал, а твердо держал направление — знак того, что цель близка.

Генрих прибавил шагу. Теперь он твердо знал, что будет делать: догонит поллиота, на всякий случай накинёт на морду петлю, затем завалит на бок и свяжет лапы. А тем временем подоспеет вызванный по фону вертолет. Есть ли в медпакете что-нибудь анестезирующее и парализующее? Ах ты пропасть, он и забыл, что это «пакет-одиночка». Автоанастезор вкладывается только в «пакет-двойку», когда на вылазку идут двое. Действительно, зачем одиночному путешественнику такой анастезор? Для облегчения задачи первого же попавшегося хищника?

Ведь такого случая, как этот, никто и никогда предположить не мог...

Ну, довольно приbedнаться — справимся и без фармакологии. Вот только связать покрепче... Он запнулся и, не совладав с внезапно нахлынувшим на него бешенством, выругался. Связать! Горесохотник, он даже не удосужился захватить с собой веревки. Вот что значит браться не за свое дело. Тысячи тысяч раз он радовался тому, что всегда делает только свое дело, и поэтому у него все в жизни получается без сучка и без задоринки. Строить — это его дело. Вытаскивать из-под каменной лавины зазевавшихся сопливых

практикантов — это тоже его дело. Сдав то, что практически невозможно было построить, да еще и там, где никто и никогда не строил, учинять вселенский сабантуй с озером сухого шампанского (весьма произвольное толкование сухого закона, действующего на других планетах) — и это было его дело.

И еще многое было его делом, но только сейчас он вдруг подметил, что в этих самых СВОИХ ДЕЛАХ он не был одинок, как теперь. Их всегда было много — сотрудников, практикантов, друзей, поклонниц, собутыльников... Даже с женщинами он предпочитал оставаться наедине только на самый короткий срок. Вот только Герда оказалась исключением из этого правила.

Ради нее он изменил своим привычкам и во второй раз, согласившись провести отпуск на этой обетованной планете — обители очарованных кретинов-уединенцев. Герда-то захватила с собой своего придворного художника. В виде буфера, вероятно.

А он попался, и комок одиночества захлопнулся за ним, и если бы не Эри, он бы давно сказал жене: бежим отсюда; но перед этим художником надо было сохранять позу, вот он и выделялся, играл роль Великого Кальварского... Доигрался. Впору вспомнить старинную песенку, сложенную каким-то неунывающим французом про свою легкомысленную Маринетту: «И я с десинтором своим был идиот, мамаша, и я с десингором своим стоял, как идиот!..» А может, и не с десинтором? Когда складывалась эта песенка, вряд ли существовало что-нибудь страшнее шестизарядных кольтов и атомных бомб ограниченного радиуса. Нет кольтов, нет атомов, а песенка осталась, и он стоит как полный идиот, а впереди...

Да, впереди явственно слышалось журчание воды.

Он шел и шел, не видя ни реки, ни озера, пока не понял, что журчание доносится из-под листьев, и странно было идти по этому зыбкому, хлюпающему настилу, но листья вдруг кончились, и он сразу же оказался по щиколотку в воде. Чистое галечное дно не таило в себе никакой опасности, и впереди, похоже, было так же мелко. Огуречные деревья, увенчанные парусами гигантских листьев, торчали теперь прямо из воды, и только немногие сохранили возле ствола крошечный островок, не более метра в поперечнике. На одном из таких островков вдруг что-то мелькнуло, тяжело плюхнулось в воду и поплыло дальше, двигаясь судорожными толчками. Генрих мог бы заранее предсказать, какой вид примет поллиот, — да, на сей раз это была жаба, только не привычно белоснежная, а розовато-пятнистая. Может быть, страшная рана на боку, которую он сумел разглядеть, несмотря на изрядное расстояние и глухую тень, создаваемую плотно сомкнутыми сверху листьями, затрудняла процесс депигментации? Или поллиот намеренно создавал пегую защитную окраску?

Несколько раз жаба подпускала его совсем близко, на расстояние прицельного выстрела, но в последний момент рябая туша стремительно окуналась в воду, и погоня, которой не виделось конца, возобновлялась во всей своей безнадежности. «Да постой же ты, глупая, — уговаривал ее Генрих не то про себя, не то вполголоса, — постой! Этот бег бессмыслен и жесток. Если бы у тебя был хоть один шанс, я отпустил бы тебя. Но шанса этого нет. Я вижу, как ты теряешь последние силы и последнюю кровь. Если бы не вода по колено, я давно догнал бы тебя. Так остановись же здесь, в этой пахучей, журчащей тени, где только черная колоннада граненых стволов, да мелкая звонкая галька под ногами, да неторопливо струящаяся вода, такая одинаковая на всех планетах. Зачем же возвращаться на сушу, где солнце наполнит твои последние мгновения нестерпимым зноем предсмертной жажды? Послушай меня, останься здесь...»

Не отдавая себе в этом отчета, он поступал точно так же, как несколько тысячелетий тому назад делали его предки, охотники древних времен: он уговаривал свою жертву, он доверительно нашептывал ей соблазны последнего покоя, обрывающего все страдания: и точно так же, как это было во все времена, его добыча продолжала уходить от него, истекая кровью и жизнью, но не понимая и не принимая предложенного ей покоя.

«Я не рассчитал наших сил; я ошибся, хотя и мог бы догадаться, что для того, чтобы выжить на вашей нелепой Поллиоле, с леклом ее дневного солнца и ледяным адом ночной мглы, надо гораздо больше выносливости, чем у земных существ — разумных и неразумных. И вот я — слабейший, прошу тебя: остановись. Если я не догоню тебя, брошу эту затею и оставлю тебя умирать в этом водяном лабиринте, никто об этом не узнает. Никто не будет ни о чем догадываться. Кроме меня самого. Со мной-то это останется до самой моей смерти. И уже я буду не я. Ты прикончишь Кальварского, понимаешь? Вот почему я прошу у тебя пощады. Я взялся не за свое дело, и мне не по силам довести его до конца. Хотя брался ли я? Оно просто свалилось мне на голову, как снег, как беда. Свалилось оно на меня, только вот за что? А, я уже начинаю лицемерить и перед тобой... Я знаю, за что. Видишь ли, однажды я взял живого человека... женщину... и сделал из нее для себя украшение, безделушку. Так надевают на банкет запонки — красиво, изящно, и главное — так принято. Конечно, так бывало не раз — мужчина берет в жены женщину, не давая ей ничего взамен, кроме места подле себя. Сколько уж раз так бывало за сотни и тысячи лет! И почти всегда — безнаказанно. Нам прощали, прощают и будут прощать. И меня прощали бы всю жизнь, не занеси нас нелегкая на Поллиолу. Здесь, вероятно, неподходящий климат для хране-

ния заповонок. Вот и поломалось то, что могло благополучно продержаться не такой уж короткий человеческий век. Мне просто не повезло. И тебе. Я не первый и не последний скверный муж и, подозреваю, дерьмовый любовник, а ты не в меру любопытная скотина, каковых возле нашего дома околачивалось десятками, но в данной ситуации расплачиваться приходится только нам двоим — мне и тебе. И не думай, что я плачу меньше, — убивать, знаешь, тоже не сахар, и если бы у меня была возможность предлагать тебе варианты, я выбрал бы борьбу на равных, где или я тебя, или ты меня. Но сегодня выбора нет, и давай кончать поскорее. Я все бреду и бреду по этой теплой водице, и ей конца и края не видно, и деревья пригнулись ниже, и ни одного просвета сверху, и все темнее и темнее, и я опять не успеваю прицелиться, как ты уплываешь, а я уже и на ногах-то не стою, а ведь предстоит еще дожидаться вертолета и еще как-то пробиваться через эту крышу — резать десинтором, что ли...»

Смутное беспокойство заставило его поднять голову. Темно, слишком темно. Но до здешнего вечера еще много земных дней. Крыша, сотканная из гигантских листьев, всего в трех-четырех метрах нависала над головой. Он-таки выискал просвет между этими бархатисто-серыми, словно подбитыми теплой байкой, лопухами, но когда он глянул в эту щель, он даже не понял в первое мгновение, что же там такое. А когда понял, то разом позабыл и свою усталость, и раздражение, да и самого поллиота, упрямо и безнадежно удиравшего от него без малого земные сутки.

Потому что там, прямо над самой листвой, почти задевая ее своим темно-лиловым брюхом, провисла жуткая грозовая туча.

А что такое дождь на Поллиоле, Генрих уже имел представление.

Он попытался сосредоточиться и приникнуть: даже с учетом его ползанья на четвереньках в огуречных россыпях, и с преодолением штабелей листовых труб, и со всем этим водоплаванием он проделал за это время не меньше двадцати пяти — тридцати километров. Долотопный вертолетик, приданный их базе отдыха, проделает этот путь по пеленгу за полчаса. Но вот пробьется ли он через грозовой фронт? Скорее всего, молнии расколошматят его на третьей минуте. А другого вертолета нет. И ничего более современного здесь тоже нет, потому что существует нелепая традиция: на заповедных планетах пользоваться техникой пещерной эпохи. Да, девственные леса Поллиолы были ограждены от выхлопных струй турбореактивных вездеходов, и за эту бережливость Генриху предстояло расплатиться в самом недалеком будущем...

Из безысходного оцепенения его вывело усиливающееся журчание. Вода прибывала, видимо, где-то неподалеку дождь уже на-

чался, и через несколько минут эта тихая заводь должна была превратиться в бешеный поток, какой они уже наблюдали десять дней назад. Выход один — взобраться на дерево. И поскорее. То есть так скоро, как только это может сделать человек, не имеющий ни веревки, ни ножа — один гладкий ствол перед носом.

Он вытащил десинтор и перевел регулятор на непрерывный разряд. На вид поверхность ствола была твердой как сталь, но под разрядом десинтора она вдруг с шипом и пеной начала превращаться в кипящий кисель. Ах ты чертовщина! Вместо ступеньки — клейкая промоина. Нет, не выход. Давай, великий Кальварский, шевели мозгами. Ствол отпадает. А листья? Вот один свесился совсем низко, до него метра три. Ни рукой не достанешь, ни допрыгнешь. Но можно пробить десинтором маленькую дырочку, а в медлаете еще осталась лента...

На то, чтобы проделать отверстие и закинуть в него бинт с грузиком, потребовались секунды. Генрих осторожно притянул лист к себе, больше всего на свете боясь, что сейчас он отделится от своего основания, — нет, обошлось. Он встал на конец листа ногами, провел ладонью по гладкой поверхности — да, по ней вверх не взберешься. А если разрезать? Точными движениями он рассек лучом левую половину листа, и еще, и еще. Несколько толстых лент, истекающих терпким соком, свесились серебристой бахромой. Так. Теперь связать каждую пару двойным узлом, и по этим узлам забраться наверх. Сделано. И уже там, держась за толстенный черенок, Генрих глянул вниз: все окрестные деревья торчали прямо из замутненной воды. Если его смочет вниз... Он прополз еще немного и вздохнул с облегчением: основания всех черенков, уходя в глубину ствола, образовывали коническую чашу, на дне которой виднелись крохотные, не крупнее фасоли, огурчики. Он успел еще пожалеть о том, что не догадался отрезать кусок листа и прикрыться сверху, когда первые капли дождя застучали кругом с угрожающей частотой. Дерево, на вершине которого он укрывался, было немного ниже остальных, и поэтому вокруг себя он не видел ничего, кроме листьев. Дождь шел сплошной стеной. Розовая молния вспыхнула у него перед глазами — он присел и невольно зашмурился.

Молнии, прямые, неразветвленные, били под несмолкаемый грохот разрядов. Где-то недалеко с шумом повалилось дерево, затем другое и третье. Гроза бушевала уже около получаса, и Генрих не смел глянуть вниз, где вода, наверное, поднялась до середины ствола. От усталости и нервного напряжения его била дрожь, под сплошным потоком дождя не хватало воздуха. Если это продлится еще часа два, то он не выдержит. Сползет вниз, в наполненную водой чашу, и никто никогда не найдет его здесь...

А ведь до сегодняшнего дня ему так не хватало именно воды! Удушливый полдень Поллиола толкал его к озеру, и он не переставал радоваться тому, что хоть на это-то его соломенная куклолка оказалась пригодной: только здесь он узнал, что она была неплохой пловчихой. Правда, Генриха раздражало то обстоятельство, что на берегу, как алебастровая колонна, торчал в своей белоснежной вавилонской хламиде неизменный Эристави. Конечно, смотреть — это всегда было неотъемлемым правом художника, но уж лучше бы он плавал вместе с ними. Хотя бы по-собачьи. А Герда заплывала далеко, на самую середину озера, а один раз — даже на другую сторону. Именно там они впервые увидели огуречное дерево — громадный, высотой с Александровскую колонну, графитовый стакан. Листья с него уже опали, и прямо через край верхнего среза перекатывались пупырчатые светло-сиреневые огурчики, словно стакан варил их, как безотказный гриммовский горшок. Огуречная каша затянула бы весь берег, если бы здесь не паслось великое множество представителей местной фауны, с одинаковым хрустом и аппетитом уминавших свежавывающие огурцы. Они еще долго забавлялись бы этим огородным монстром, если бы глаза Герды вдруг не расширились от ужаса.

Он глянул тогда выше, по откосу, и тоже увидел ЭТО. Они еще несколько минут стояли, читая готическую надпись, сделанную лиловым несмыслимым фломастером, а затем тихо спустились к воде и как-то удивительно согласно, почти касаясь друг друга плечами, пересекли озеро, не обращая внимания на солнце.

Все это время на высоком берегу недвижно белела хламида Эристави. Взгляд художника был спокоен, почти рассеян: сейчас, когда рядом с его божественной Гердой был хоть кто-то — пусть даже муж, — его уже не пугала потенциальная опасность темно-зеленых озерных глубин, над которыми с легкостью серебряной улейки скользило светлое женское тело. В других случаях присутствие Генриха как бы не замечалось художником, не принималось во внимание. Их сферы никогда не пересекались — Эристави боготворил Герду и рисовал ее; муж не умел ни того, ни другого. Существование их было мирным, ибо обе сосуществующие стороны добродушно желали своему противнику провалиться ко всем чертям, но не более. Оба были слишком заняты: Генрих — ничегонеделаньем, Эристави — созерцанием (в присутствии Герды) и рисованием (в ее отсутствие).

Выжимая волосы и не глядя на художника, Герда прошла так близко от него, что он явственно слышал звон каждой капли, хотя расстающейся с ее телом. Следом, посапывая от усталости, тяжело взбирался с камня на камень Генрих. В другой раз он попросту прошел бы мимо. Но сегодня был особый случай.

— Странное дело, Эристави,— проговорил он, останавливаясь перед художником.— Там, на другом берегу — могила. Мы ведь не оставляем своих на чужих планетах... Но там — имя человека.

Они возвращались к коттеджу, стараясь ступать как можно тише, словно боясь вспугнуть густую жаркую тишину бесконечного полдня. Когда они подходили к дому, внутри него прозвучал мелодичный удар гонга, и благодушный немолодой голос возвестил: «Солнце село. Спать, дети мои, спать. Завтра я разбуду вас на рассвете. Приятных сновидений!»

Солнце стояло прямо в зените, и они избежали по горячим доскам крыльца, ступая по собственным теням, и когда они перешагнули через порог, проемы окон и дверей бесшумно затянулись непрозрачной пленкой. Сумеречная прохлада наполнила дом шорохами влажных листьев, гудением майского жука и мерцанием земных звезд. А там, снаружи, продолжало сверкать бешеное белое солнце, и до заката его оставалось еще больше ста земных дней...

Воспоминание о солнце вернуло Генриха к действительности. Озеро, могильный камень с лиловой надписью... Все это приобрело четкость и правдоподобие бреда. Еще немного, и он совершенно перестанет владеть собой. Солнце, сотни раз проклятое, надоевшее до судорог, где ты?..

Дождь прекратился, когда он уже терял сознание. Час ли прошел или три — этого он не мог определить. Тучи все так же ползли, чуть не задевая верхушки деревьев, и между ними и туголиственной крышей этого необычного надводного леса плотной пеленой стояло марево испарений. Генрих обернулся, пытаясь сориентироваться, и невольно вздрогнул: еще одна туча, чернее прежней, шла прямо на него. Хотя нет... не шла. Стояла.

Он никогда здесь не был, но сразу же узнал это место по многочисленным фотографиям и рассказам: это были Черные Надолбы. Одна из загадок Поллиолы — огромный участок горного массива, без всякой видимой цели весь изрезанный ступенями, конусами, пирамидами, где скальные породы были оплавлены и метаморфизованы совершенно недоступным людям способом. До этой чернеющей гряды было совсем недалеко, метров двести, и Генрих, не задумываясь, прыгнул вниз, в мутноватую, подступающую к самой листве воду. Течение подхватило его, понесло от одного ствола к другому; он сэкономил силы и не особенно сопротивлялся, не боясь, если его снесет на несколько сотен метров. Два или три небольших водоворота доставили ему пару неприятных минут — пришлось нырять в непрозрачной воде. Он уже начал бояться самого страшного, что он потерял направление и теперь плывет в глубь водяного лабиринта, когда перед ним вдруг черным барьером подня-

лась базальтовая стена. Если бы не дождь, поднявший уровень воды, эта стена стала бы почти непреодолимым препятствием на его пути. Сейчас же он проплыл немного вдоль нее, отыскивая место, где она шла почти вровень с водой, и, наконец, ползком выбрался на берег.

И только тут он понял, что больше не в состоянии продвинуться вперед ни на шаг. Даже вот так, на четвереньках. Он лежал лицом вниз, и перед его глазами влажно блестела полированная поверхность черного камня. Пока нет солнца, он позволит себе несколько минут сна, а за это время прилетит вертолет. Он нащупал на поясе зажиматель автотепленика. Контакт. Ну вот еще минут тридцать—сорок, и все закончится.

Он медленно прикрыл глаза, но темнота наступила раньше, чем он успел сомкнуть ресницы. Сон это был — или воспоминание? Наверное, сон, потому что он попеременно чувствовал себя то Генрихом Кальварским, то каким-то сторонним наблюдателем, или вдруг начинал слышать мысли собственной жены — то, чего ему не удавалось в течение всей их совместной жизни. Сновидение отбросило его назад, в прохладу вчерашней ночи, и южные звезды мерцали в едва угадываемых окнах, и Герда, как разгневанное привидение, расхаживала по их широченной — пять на пять — постели, и ему во сне мучительно хотелось спать, но слова Герды, холодные и звонкие, валились на него сверху, из темноты, словно мелкие сосульки.

— Оставь нас в покое, — просил он, — оставь в покое и меня, и этого несчастного мазилу. Ну, меня-то ты не сможешь подначить нарушить закон, но ведь Эри может и дрогнуть. Твои кровожадные взоры, обращенные на местных копытных, твои фокусы с жабьим молоком, твое гадливое пожирание сырых сосисок... Или ты действительно хочешь натолкнуть его на мысль о свежем бифштексе?

— Что за пошлость — наталкивать на мысль! Если бы я хотела (действительно, хотела) от него (и только от него) свежего мяса (и ничего другого), то я бы так ему и сказала: поди подстрели бодулю и зажарь мне ее на вертеле.

— И подстрелит, и зажарит?

— И подстрелит, и зажарит.

— И на попечении такого браконьера остается моя жена, когда я отбываю на Капеллу!

— Надо тебе заметить, что ты слишком часто это делал, царь и бог качающихся, сейсмонеустойчивых земель. Слишком часто для любого браконьера, но только не для Эри.

— И его божественной, недоступной, неприкасаемой Герды.

— И его божественной, да, недоступной, да, неприкасаемой Герды.

— Ты не находишь, что лесное эхо, которое завелось в нашей комнате, больше гармонировало бы со звездами северного полушария?

— Какая жалость, что мы заказали южные звезды!

И тут он услышал не ее слова, а ее мысли. Какая жалость, повторяла она, какая жалость... Пока все напрасно. Она действительно не пыталась навести Эристави на мысль об охоте — зачем? Она охотилась сама. Но ее охота здесь, на Поллиоле, пока была безрезультатной. Она расставила капкан, цепкий капкан собственного каприза, и осторожно, круг за кругом, загоняла в него Генриха. Он должен был сдаться, сломиться, в конце концов попросту махнуть рукой. Он должен был в первый раз в своей жизни подчиниться ее воле, но с этой поры она не позволила бы ему забыть об этом миге подчиненности всю их оставшуюся жизнь.

Но дичь ускользала от нее, и Герду охватывало бешенство:

— Хорошо! Я больше не прошу у тебя ничего — даже такой малость, как одно утро поистине королевской охоты. Нет так нет. Теперь меня просто интересует, насколько в тебе всемогуще это рабское почитание правил и параграфов, это твердолобое нежелание поступиться ради меня хоть чем-то — не своей драгоценной Капеллой, зачем — хотя бы полудохлым козленком, не уникальным, нет, а таким, каких тут десятки тысяч. И абсолютно не влияющим на экологический баланс Поллиолы. Меня интересует, почему ты, мой муж, не хочешь выполнить мой маленький каприз — да, каприз; а вот Эристави смог бы, хотя, насколько я помню, я не позволяла ему коснуться даже края моего платья.

— Потому что это значило бы нарушить закон.

— Да его тут все нарушали, ты что, не догадываешься? Все, кто приписывал на нашем пергаменте: «Не охоться!» Думаешь, почему? Да потому, что при всей своей привлекательности здешние одры, конечно, абсолютно несъедобны. Я об этом давно догадалась и, как видишь, мечтаю не о бифштексе...

Она так и не решилась сказать, о чем она мечтает, потому что есть вещи, которые язык не поворачивается произнести вслух. Но он снова понял ее, почувствовал, как она смертельно устала, и во все не от нескончаемого полдня проклятой прожаренной Поллиолы, а от собственного вечного пребывания в двух ипостасях одновременно: Герды Божественной — и Герды Посконной. Шесть лет назад перед нею встал трагикомический выбор Коломбины — между сплошными буднями и вечным воскресеньем. Она выбрала первое. Но воскресные, праздничные огоньки продолжали дразнить ее из всех углов — и Эри, и не только Эри. Он был самым верным, самым восторженным, самым почтительным. Но были же и сотни других. Тех, что ежедневно видели ее в передачах «Австралафа». Самые

сумасшедшие письма она получала с подводных станций. Да и китопасы были хороши, если бы не стойкая флегматичность Генриха, дело давно уже дошло бы до бурных объяснений.

Атмосфера бездумной восторженности — питательная среда, в которой культивируются хорошенькие теледикторши, — незаметно стала для Герды жизненной необходимостью, когда она, на свою беду, случайно попала на глаза самому Кальварскому. И все пошло прахом. Если на телестудии еще с грехом пополам он проходил как «супруг нашей маленькой Герды», то во всей остальной обжитой части Галактики уже она была только «а-кто-это-еще-там-рядом-с-Генкой?». Само собой разумеется, что рядом с Кальварским могла находиться только такая особа, которая смотрелась по высшему классу. Это требование было соблюдено, и Генриха больше ничего не волновало: рядом с ним была Герда, а в остальном хоть трава не расти.

За шесть лет супружества роли не переменились, изменился разве что сам Кальварский — из Генки он сделался Генрихом. Эдакая подернутая жирком душа космического общества. Вчера ночью эта вполне упитанная душа лежала у ее босых ног, и Герда чувствовала — что бы она ни сделала, ему все будет безразлично. Она вот так, босиком, может взобраться на Эверест, а он только пожмет плечами и скажет: «Ну, погуляла? А теперь иди сюда...»

И странность его полусна, заставлявшая его дословно воспроизводить все происшедшее минушей ночью, принудила его повторить, как вчера:

— Ну, погуляла? А теперь иди-ка сюда, божественная и неприкасаемая. Ну иди, иди...

И, как вчера, — бешеный прыжок прямо с постели, через липкую звездную перепонку, затянувшую дверной проем, через ступени веранды, на свернувшуюся от зноя траву, в неистовое пекло стоячего солнца.

Пыльная недвижность иссохшей травы, исполинский черничник тополиных габаритов, и на фоне всей этой привающейся, осточертевшей сказочности — алое полыхание свежего, как парное мясо, холста, с которого надменно и насмешливо глядела на Герду непредставимо прекрасная женщина-саламандра, повелительница светлого огня и темных сил. Не богиня людей — богиня богов.

И безумные глаза Эристави, ошалевшего от бессонницы, зноя и этого внезапного появления той, которую он тайком от всех писал условными, земными ночами. Глаза, впервые за это лето не спрятавшиеся в тени спасительных ресниц.

— Насколько я вижу, ты изменил своей графике с презренным маслом, — голос ее неправдоподобно спокоен. — Хвалю. Алтарный образ просто великолепен. Багрец и золото. Полузмея, полу-Венера.

Короче, Иероним Босх в томатном соусе. Ну, а теперь сооруди перед этим полотном жертвенник, застрели вон ту белоснежную бодулю — рога можешь не золотить — и сожги ее, как приличествует истинному язычнику, с душистыми смолами и росным ладаном. А мы — я и вот она — мы посмотрим. Ну?

Она подходит к сырому еще полотну, и Генрих отчетливо видит, как Герда и ее изображение обмениваются короткими, удовлетворенными взглядами. Так смотрят только на союзника, но не на портрет и не в зеркало.

— Мы ждем, — напоминает Герда, и ее свистящий шепот разносится, наверное, по всей Поллноле. — И я не шучу!

Две пары немигающих, остановившихся глаз одинаково глядят на Эристави. Он знает, что эта женщина не шутит. Он знает, что недопустимое произойдет, и не просто потому, что так повелела она. Просто слишком долго тянулось другое недопустимое — не имея на то никаких прав, он все-таки находился подле этой женщины. Это не могло кончиться просто так, ничем. Но ведь чудовищные поступки не всегда расшвыривают людей, подобно взрыву, иногда они связывают. Сопричастностью, пусть — но связывают... Он поднимает свой десинтор — прицельный двенадцатимиллиметровый средне-дистанционный разрядник. Он был слишком хорошим стрелком, этот потомок древних охотников, и никогда не пользовался разрывным оружием. Он и сейчас знает, что не промахнется, и если медлит, то только потому, что так и не может решить — все-таки промахиваться ему или точным выстрелом в глаз уложить эту вполне земную на вид оленюшку?..

Но Генрих тоже знает, что его жена не шутит, и этого секундного колебания ему достаточно, чтобы бросить свое тело вперед, через ступени веранды, и он успевает, как успевал везде и во всем — еще бы, Великий Кальварский, пара их с Гердой; и выбитый из рук Эристави десинтор летит прямо к мольберту, и Генриху не приходит в голову проследить за его полетом, и спохватывается он только тогда, когда жуткая белая молния коротко бьет прямо по досчатым ступеням, и Генрих вдруг понимает, что в отличие от вчерашней ночи Герда стреляет не по белой бодуле, а по нему, и немело посланные разряды щепят дерево и полосуют сухую траву, подымая белые клубы терпко пахнущего дыма.

Он рванулся в сторону, чтобы короткими перебежками выйти из зоны обстрела — и наконец проснулся. В узкий просвет между тучами било жаркое солнце, и пар подымался дымными клубами с полированной поверхности черного камня. Ступени циклопической лестницы уходили прямо в низко мчащиеся облака, и где-то совсем рядом, метрах в пятнадцати над собой, он увидел огромного зверя,

на светло-золотистой шкуре которого едва проступали бледнеющие на глазах пятна.

Он вскочил, словно его подбросило. Как он мог забыть?

Он доковылял до первой каменной ступени, оперся о нее грудью и непослушными пальцами попытался нашарить на поясе кобуру десинтора. Кобуру он нашел. Но вот десинтор... Неужели вывалился во время прыжка в воду?

От бешенства и бессилия Генрих даже застонал. Каждая новая неудача казалась ему последней каплей, но проходили считанные минуты — и на голову валилось еще что-нибудь, похлеще предыдущего. Потерять десинтор!

Великий Кальварский.

А полляют лежал прямо над ним, на полтора десятка ступеней выше. лежал на боку и сучил лапами, как новорожденный младенец. Агония? Нет. Приподнялся, пополз вверх. Пятен на нем уже не видно, и сейчас он как будто бы напоминает бесхвостого кенгурафа масти оленя. А может, и не кенгурафа. Вот переполз на ступеньку выше... еще выше...

Скорее он похож на обезьяну — естественно, ведь для карабканья по скалам это наиболее удобная форма, и он наверняка ушел бы и на этот раз, если бы не жуткий лиловый лишай на правом боку. Да, правой передней лапой он едва двигает. Выше... А что, если там пещеры, скрытые сейчас облаками? Он же заползет черт знает куда, и с его жизнеспособностью будет подыхать без питья и корма много-много дней.

Высота ступеньки была чуть ниже груди, и Генрих взобрался на нее не без труда. Перебрался еще на одну. И еще. Жара и духота. Бешеный стук крови в висках. И тупая, чуть было не позабытая боль в вывихнутой руке. Максимум еще четверть часа, и здесь будет вертолет. А пока не упустить поллюты из вида. Он поднял глаза — это еще что? Ласты? Исполинские перчатки?

Пора бы побыстрее догадываться. Никакие это не ласты, а кожа с лап. Животное содрало со своих конечностей шкуру, как перчатку. Вот и жабын перепонки между пальцами. Поллюты удивительно легко расстаются с тем, что им больше не потребуется — с рогами, шерстью, даже шкурой. Впрочем, земные змеи проделывают аналогичные манипуляции. Вот только наращивают поллюты совсем не то, что они имели до этого, и к тому же — с невероятной быстротой. А почему — невероятной? Всего в пять—десять или сто раз быстрее, чем головастики отращивают себе хвост. Но и мухомор растет в сто раз быстрее, чем самшит. Почему новый хвост получается другой формы? Вероятно, здесь действует механизм, ненамного превосходящий по сложности тот, что управляет окраской камбалы. Детали этого механизма, конечно, прелюбопытнейшие — например,

как тут, на Поллисле, обстоит дело с гомеостазисом... Но об этих деталях уместнее будет говорить после того, как они вместе с поллиотом доберутся до вершины ступенчатой пирамиды.

Между тем расстояние между ним и его жертвой медленно сокращалось. Это само по себе радовало Генриха, но беда была в том, что животное уже достигло последней ступени, и в белесой дымке густого тумана, льнущего к вершине, он старался не терять контуры неподвижного тела. Похоже, что поллиот набирался сил. Неужели дальше спуск? Тогда надо спешить. Перехватить на гребне. Проклятье, ветер откуда-то появился, сырой, но не приносящий пролады. Еще шесть ступеней. Пять. Четыре...

Неподвижное тело поллиота вдруг ожило. Он приподнял голову, уже успевшую обрасти светлой гривой, и не то зевнул, не то просто хотел обернуться к преследователю, но внезапно его тело свела судорога — и он исчез. Впереди не было ничего, только идеальная прямая каменного парапета, через который переливались на Генриха сгустки липкого тумана. Генрих закусил губы, упрямо мотнул головой и ринулся вверх. Последние ступени он одолел одним духом, выметнул тело на верхнюю ступень и чудом удержался: за полуметровым парапетом почти отвесно уходила вниз стена ущелья. Глубину его оценить было трудно — нагромождение черных каменных обломков только угадывалось под плотным, многослойным туманом.

Генрих сполз обратно, ступенькой ниже, задохнулся вязким туманом и потерял сознание.

Гибкие щупальца аварийных захватов отодрали его от поверхности скалы, втянули в кабину вертолета. Он с трудом открыл глаза. Идеальные параллели каменных гряд уходили вниз, ступенчатые маршевые испарений. Генрих потянулся, перехватил управление на себя. Вертолет завис неподвижно. Генрих вытащил ринко — нет, отсюда прибор направления не брал. Придется искать вслепую. Он плавно развернул машину, отыскивая лестницу. Ее-то найти было нетрудно. Взмыв на гребень, перевалил его и окунулся в ущелье. Липоватая простокваша тумана — пришлось снова довериться автопилоту. Наконец, машина села на какой-то крупный обломок скалы, и Генрих выбрался наружу.

Туман стремительно таял, и лучи прорвавшегося сквозь тучи солнца изничтожали его остатки с мстительной быстротой. Влажные глыбы четких геометрических форм были, казалось, заготовлены впрок для какого-то дела, но вот негодились и были свалены за ненадобностью на дне ущелья, которое отсюда, снизу, казалось бездонной пропастью. Под солнечными лучами все вокруг приобрело праздничный вид — и нежно-фиалковое небо, и огромные свер-

кающие капли на черной, как рояль, полировке камня, и озорное цоканье сорвавшегося сверху камешка...

Он машинально проследил за этим камешком — и увидел тело. Поллиот лежал мордой вниз, и широко раскинутые лапы его были ободраны в кровь, видимо, он не падал, а все-таки скользил вдоль слегка наклонной стены, пытаясь уцепиться хоть за какую-нибудь трещинку, и от этого его лапы... Только это были не лапы. Это были израненные, окровавленные человеческие руки. И тело, лежащее на черной шестигранной плитке, было телом человека, вот только там, где у Генриха оно было закрыто полевым комбинезоном, кожа поллиота имела цвет и фактуру тисненой ткани. Длинные темно-русые волосы падали на шею, и ветер, поднимаемый медленно вращающимися лопастями вертолета, шевелил прядками этих неподдельных человеческих волос.

Генрих медленно расстегнул молнию комбинезона, стащил с себя рубашку и осторожно, стараясь не коснуться мертвого тела, укрыл голову и плечи этого удивительного существа. Затем он вернулся к вертолету и, покопавшись в грузовом отсеке, вытащил мощный крупнокалиберный десинтор, которым в полевых условиях обычно пробивали колодцы или прорезали завалы. Сгибаясь под его тяжестью, он пробрался между базальтовыми кубами к стене ущелья, где случайно или намеренно оставленный выступ образовывал что-то вроде козырька. Под этим навесом он выжел в камне неглубокую могилу и, удивляясь тому, что у него еще находятся на это силы, перетащил туда укутанное рубашкой тело поллиота. В яме оно едва уместилось, но для того, что задумал Генрих, большего было и не нужно. Он отступил шагов на десять, с натугой поднял десинтор и, вжав его в плечо, нацелил разрядник на каменный козырек, нависший над импровизированной могилой.

Непрерывный струйный разряд ударил по камню, и мелкое черное крошечко брызнуло вниз. И тут случилось то, чего Генрих надеялся избежать — острый осколок полоснул по ткани, укрывавшей лицо поллиота, и рассек его. Самодельный саван распался надвое, и там под градом черных осколков вместо жабьей морды поллиота Генрих увидел собственное лицо.

В неглубокой базальтовой могиле лежал не просто человек — это был Генрих Кальварский.

Надо было остановиться, выключить разрядник, что-то сделать, но оцепенение, охватившее Генриха, тупой глубинной тяжестью стиснуло его со всех сторон и не дало шевельнуться. Вот теперь он понял, что такое последний ужас. Последний, после которого уже ничего не бывает. Десинтор, сжатый заостренными пальцами, продолжал гнать вверх плазменную струю, и вниз сыпалась уже не щебенка — черные ухающие глыбы рассекали воздух и врезались

намертво в стремительно растущую каменную гряду. Над могилой вырос целый холм, а Генрих все еще не мог заставить себя шевельнуться. Лицо, открывшееся ему всего на несколько секунд, было погребено под многотонной насыпью.

И все-таки оно стояло перед ним.

Генрих сделал жалкую попытку внушить себе, что это было обманом зрения, плодом больной фантазии, порожденной душным адом нескончаемого тропического дня.

Но из памяти всплыла могила на другом берегу озера, и камень с лиловой надписью на нем. И та же рука на пожелтевшем пергаменте, тот же лиловый росчерк — бессильная попытка если не исправить, то хоть предупредить...

Не охоться. Говорили же тебе — не охоться! Что, ты не охотился? Вынудили тебя? Тоже мне оправдание. Убийство есть убийство. Может, ты скажешь, что рана на теле поллиота — дело рук твоей жены? Но ведь только сейчас, во время этой великолепной охоты, ты понял, кто был виноват в том, что она схватилась за десинтор. Нечего оправдываться. Нечего твердить себе, что и в пропасть ты его не толкал, сам сорвался...

Это так. Но там, под камнями, твое лицо. Твое.

Он вдруг поймал себя на том, что разговаривает с собой как бы со стороны. Но с чьей стороны?

Он затравленно оглянулся, и ему показалось, что причудливые камни, полускрытые дымными завитками испарений, хранят в себе отпечатки многоликого мира Поллиоты, мира, так и не понятого людьми, которые с тупым животным упрямством пытались найти на Поллиоте привычные земные законы. И первый закон — «сохрани себя!».

А поллиоты не были подчинены этому странному, дикому закону. Способные принять любой облик, они не прикидывались деревом или камнем, не дано им было это умение — хранить себя.

Но, принимая вид своего убийцы, они выполняли другой, высший закон: они оберегали всех остальных. Откуда бы ни появились они на этой загадочной планете, как бы они ни развились, грозить им могло только одно: пришельцы из другого мира. И против этих несомненно разумных, высокоразвитых врагов, которые могли посягнуть на этот заповедный уголок даже не со зла, а так, из прихоти, ради забавы, — против них у поллиотов имелось одно оружие — аксиома, одинаково звучащая на любом языке Вселенной: «Убивая меня, ты уничтожаешь себя самого...»

Батарея в десинторе иссякла, и каменный дождь прекратился. Волоча ноги, Генрих подошел к свежему кургану, вогнал в рукоять новую обойму и, перекалибровав луч на минимальную толщину, вижжг на самом крупном обломке:

ГЕНРИХ КАЛЬВАРСКИЙ

Больше здесь ему было делать нечего. Он доплелся до вертолета, зашвырнул в кабину десинтор и забрался сам.

Он задал автопилоту программу на возвращение и вытянулся прямо на полу кабины. Прохлада и монотонное жужжание так и тянули его в сон, но у него было еще одно дело, последнее дело на Поллиоле, и он не позволял себе прикрыть глаза. Иначе — он знал — ему не проснуться даже тогда, когда вертолет приземлится на поляне перед домом.

Когда он долетел, полянка, умытая недавним дождем, радостно зеленела еще не успевшей свернуться от зноя травой. Глупый доверчивый поллиот в шкуре единорога ласся там, где недавно алел подрамник со свежим холстом.

В домике никого не было. Лист пергамента, на который они давно уже перестали обращать внимание, желтел на стене. Под надписью, сделанной лиловым фломастером, висела изящная змейка почерка его жены:

ЗАКАЗЫВАЙТЕ НА НОЧЬ ЗВЕЗДЫ ЮЖНОГО ПОЛУШАРИЯ

Места под надписью больше не оставалось.

Генрих упрямо вернулся к вертолету, достал десинтор и прямо на стене тем же узким лучом, что и на камне, стал писать:

НЕ ОХОТЬСЯ! НЕ ОХОТЬСЯ! НЕ ОХОТЬСЯ!

И еще раз.

И еще.

И еще...

КИР БУЛЫЧЕВ

Закон для дракона

...Вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змиями, драконами, страусами, казуриями и многими другими лютыми зверьями, которые не только проезжим, но и жителям самим наскучили.

Иван Стафенгаген

География.

С.-Петербург, 1753

Павлыш проснулся за десять секунд до того, как по внутренней связи его вызвали на мостик. Проснулся, потому что работали вспомогательные двигатели. Если не жить долгие месяцы в громадном волчке, который стремительно ввинчивается в пустоту, почти неуловимый гул вспомогательных двигателей не вызовет тревоги. Но еще не зная, что произошло, Павлыш сел на койке и, не открывая глаз, прислушался. А через десять секунд щелкнул динамик и голос капитана произнес:

— Павлыш, поднимитесь ко мне.

Капитан сказал это сухо, быстро, словно был занят чем-то совсем иным, когда рука протянулась к кнопке вызова. Капитан оторвался от своих дел ровно настолько, чтобы сказать четыре слова.

Снова щелчок. Тихо. Лишь настырно, тревожно, как еле слышная пожарная сирена, гудят вспомогательные двигатели — корабль меняет курс.

В штурманском углу мостика горел свет. Глеб Бауэр раскрыл звездный атлас, придавив им ворох навигационных карт. Капитан стоял у пульта и курил, слушая по связи старшего механика. Потом сказал:

— Надо сделать так, чтобы хватило. Мы не можем задерживаться.

— Привет, доктор, — сказал Глеб.

Через его плечо Павлыш разглядывал объемный снимок планеты на странице звездного атласа. Сквозь завихрения циклонов на снимке просматривались зеленые и голубые пятна.

— Что случилось? — спросил он тихо, чтобы не отвлекать капитана.

— Берем больного. Срочный вызов, — ответил Бауэр.

Капитан набирал на пульте данные, которые передали механики.

— Должно получиться,— сказал он наконец.

Он отошел от пульта и показал Павлышу на потертое «капитанское» кресло, в котором сам никогда не сидел, но, как хозяин, всегда предлагал посетителям.

— Садитесь и прочтите, что мы от них получили. Немного правда, но вы поймете.

Павлыш принялся читать голубые ленты гравиграмм.

«База-14 космическому кораблю «Сегежа». Срочно.

Станция на Клерене запрашивает медицинскую помощь. Кроме вас в секторе никого нет. Сообщите возможности.

Вторая гравиграмма:

«База-14 космическому кораблю «Сегежа». Срочно.

Ваш запрос сообщаем. Связь с Клереной неустойчива. Подробности неизвестны. Даем позывные станции. Если не сможете оказать помощь своими силами, информируйте базу».

Третьей шла гравиграмма с Клерены.

«Рады, что вышли на связь. Есть пострадавшие. Врач тяжелом состоянии. Желательна эвакуация. На станции спасательный катер. Можем встретить орбите».

В следующей гравиграмме Клерена сообщала данные для корабля о месте и времени встречи, затем шел текст, имевший прямое отношение к Павлышу:

«Ваш запрос состоянии остальных пострадавших сообщаем; справимся своими силами. Предложение прислать врача принимаем благодарностью. Работаем сложной обстановке. Доклад пришлем катером».

Капитан увидел, что Павлыш дочитывает последний листок.

— Извините,— сказал он,— что не разбудили сразу. Решили, что не откажетесь.

Павлыш кивнул.

— Но, впрочем, отказаться не поздно...

— Если сомневался,— вмешался Бауэр,— я с удовольствием тебя замену. Я даже больше похож на доктора. Для этой роли ты выглядишь слишком легкомысленно.

— Когда рандеву с катером? — спросил Павлыш.

— Сегодня вечером. В двадцать два.

— А характер ранений доктора... и что там за сложности?

— Через полчаса снова выйдем на связь. Милош справится здесь без тебя?

— Он летом проходил переподготовку. К тому же здесь хорошая аппаратура и связь с базой — всегда можно получить консультацию.

— Я так и думал,— сказал капитан с облегчением.

— Сколько я там пробуду? — спросил Павлыш.

— Месяца два, — сказал капитан. — Если все плохо, придется сворачивать станцию.

2.

Как только сообщили, что катер поднялся с планеты, Павлыш поспешил к переходнику. На то, чтобы выгрузить раненого и взять Павлыша, было шесть минут. Бауэр шел сзади, катил контейнер с медикаментами и вещами, нужными на станции, и вслух завидовал. Следом вышагивал Милош и повторял, как урок: «Второй ящик слева, в правом углу...» Он не столько опасался, что забыл, как лечить, страшнее было забыть, где что лежит.

— Он тебе поможет, если что, — сказал Павлыш, не оборачиваясь.

— Кто?

— Твой пациент. Он же медик.

...Когда лок отошел в сторону и два человека в потертых, когда-то голубых комбинезонах вкатили носилки, Павлыш с первого взгляда понял, что этот пациент еще не скоро начнет подсказывать Милошу, как его лечить.

В белой массе бинтов была широкая щель — глаза и узкая — рот. Глаза открыты и застыли, будто в испуге. Павлыш провел над ними ладонью — показалось, что человек мертв. Но узкая щель в бинтах дрогнула, человек заметил этот жест.

— Ничего, — сказал он тихо, — ничего...

Капитан наблюдал эту сцену с мостика по телесвязи. Он понял, что Павлышу трудно ступить в проход, в катер и оставить больного.

— Иди, Слава, — сказал капитан. — Если надо, вызовем базу.

Носилки стояли в проходе. Люди, вкатившие их, ждали.

— Там, — начал доктор. Он был в сознании, но говорить ему было больно, а удерживаться в сознании невероятно трудно. Он будто цеплялся за край действительности, висел на нем, держась кончиками пальцев, хотел сказать что-то важное...

— Пошли, — сказал один из людей с планеты. Он был очень велик. — А то не успеем.

— Тут письмо, — второй человек, ниже ростом и, видно, очень худой — комбинезон на нем висел — протянул Милошу большой синий конверт. — Мы только это успели подготовить. Здесь отчет и данные наблюдений.

Милош взял конверт, но вряд ли сообразил, что делает. Бауэр отобрал у него конверт.

Павлыш положил руку на плечо Милошу.

— Приступай,— сказал он.

Раненый был без сознания.

3.

«Наверно, эти люди сильно устали,— думал Павлыш.— Или я им не понравился». Катер вошел в высокие облака. Громоздкий человек управлял машиной. Он был сказочно грязен. И второй человек, худой, тоже был сказочно грязен. Павлыш подумал, что, может быть, у них на планете нет воды и разбились все зеркала.

Словно догадавшись, о чем думает новый доктор, пилот обернулся.

— Дикое зрелище, правда? — Голубые глаза на буром лице казались фарфоровыми.

Павлыш не посмел оспаривать его мнение.

— Мы не познакомились. Я Джим,— сказал громоздкий пилот.

— Лескин,— отозвался худой. Он полулежал в кресле, закрыв глаза.

— Владислав Павлыш.

— Доктор Павлыш,— сказал Лескин.— Что ж, очень приятно.

— Что с больными? — спросил Павлыш.

— Разное,— ответил пилот Джим. Лескин снова закрыл глаза.— У Леопольда сломана нога. У Татьяны-большой лихорадка. У остальных что придется.

— А у вас? — сразу перешел к делу Павлыш.

— У меня? — Пилот с трудом повернулся к Лескину, но поддержки не получил. Тогда он отпустил штурвал и закатал выше локтя рукав. Там обнаружился глубокий, еще не заживший шрам, словно по руке ударили топором.— А лихорадкой я уже два раза болел,— поспешил он успокоить Павлыша.

— Джим, не запугивай доктора,— сказал Лескин. Голос у него был высокий и чуть капризный.

— Как спустимся, я вами займусь,— сказал Павлыш.— Через два дня и следов не останется.

При этих словах Лескин окончательно проснулся и сказал наизусть:

— Вы нетактичны, молодой человек. Стрешний — замечательный врач.

— Я не хотел поставить под сомнение...

— А я повторяю, что Стрешний — отличный врач и делал все, что было в человеческих силах. Вы же, не зная наших условий...

Павлыш хотел было огрызнуться, потому что считал себя тоже неплохим врачом, но сдержался. Лескин, вернее всего, ревновал.

Стрешний был его другом. А Павлыш выступал в роли безусого лейтенанта, которого прислали во взвод, где вчера ранили любимого командира.

У Лескина было длинное лицо с мягким, обвислым носом, но большего разобрать было нельзя: лицо было разрисовано грязью, словно у индейца, вышедшего на тропу войны.

— Рация у нас слабенькая,— провел отвлекающий маневр Джим, который явно был человеком миролюбивым.— Экспедиционная, второй вариант. Мы уж так обрадовались, что вы к нам идете. Очень боялись, что доктор не выдержит. А этот юноша у вас толковый?

— Он третий механик,— сказал Павлыш.— По второй специальности — хирург.

Павлыш не стал сообщать новым знакомым о своих сомнениях и тревогах.

4.

Катер замер. Кресло снова прижалось к спине. Павлыш нащупал на груди пряжку. Лескин протянул руку в грязной перчатке, чтобы помочь. Пилот Джим уже поднялся и опустил шторку на пульт.

— С приездом,— сказал он.— К счастью, моросит...

Рядом с ним Павлыш чувствовал себя карликом.

Лескин подобрал сумку Павлыша.

— Не спешите,— сказал он,— нас встретят.

В дверь постучали. Три раза. Джим пробрался назад, чтобы открыть грузовой люк. Лескин сказал:

— Не задерживайтесь.

Павлыш шагнул через порожек, и Лескин, поддерживая его под локоть, настойчиво, словно хотел посекретничать, потащил к вездеходу, стоявшему в трех шагах от катера. Люк вездехода был распахнут, перед ним стоял мальчишка, измазанный, как и остальные, глядел на небо и не обращал на Павлыша никакого внимания. Джим вытаскивал контейнер, Павлыш хотел ему помочь, но здесь это было не положено. Лескин втолкнул его в вездеход, в обычный экспедиционный вездеход, обжитой, словно дом. Павлыш даже кинул взгляд на второй от люка крюк, где обычно висела его камера, как в прошлом году на Буране.

Джим и мальчишка вталкивали в люк громоздкий контейнер, и это было непросто. Они торопились. Лескин уселся у открытого верхнего люка, глядел наружу и молчал.

Когда погрузка закончилась, маленький водитель обернулся к Павлышу и сказал глубоким, красивым голосом:

— Здравствуйте, доктор. Я — Татьяна-маленькая.

Павлыш представился, еле удержавшись от желания сообщить, что никогда еще не видел столь грязной женской физиономии.

Татьяна-маленькая уверенно уселась на место водителя и рванула вездеход так, что Павлыш чуть не врезался головой в крюк. Вездеход подкидывало на ухабах. Они не удосужились сделать дорогу. Через несколько минут вездеход пошел вверх, с трудом карабкаясь в крутизну, потом, наконец, оказался на плоской вершине холма.

5.

Вездеход проехал ровную площадку и резко остановился. Свет за иллюминаторами изменился. Стал теплым, желтым.

— Вот и приехали, — сказала Татьяна.

Павлыш отметил, что его спутники сразу расслабились, словно напряжение, владевшее ими, исчезло.

— Помогите подхватить контейнер, — сказал Джим. — Обидно будет разбить что-нибудь, когда мы уже приехали домой.

— Там, кстати, селедка, — сказал Павлыш. — И черный хлеб.

— Селедка, — сладострастно произнес Джим. — Я сам понесу ящик, как скупой рыцарь свой любимый сундучок. — У Джима была слабость к цитатам и поговоркам.

Татьяна открыла люк, и никто не мешал Павлышу выйти первым.

Вездеход стоял в гараже, сооруженном надежно, как крепостной бастион. Двери были закрыты, гараж освещен ярко, и с первого взгляда было видно, что он удобен и даже уютен, как бывают уютны рабочие кабинеты или мастерские, хозяева которых не заботятся о впечатлении на окружающих, а просто живут здесь и трудятся.

Перед вездеходом стояла тонкая женщина с короткими, легкими, вьющимися темными волосами, которые опускались челкой на лоб. У нее было маленькое лицо с острым подбородком и большими глазами, с губами полными и чуть загнутыми кверху в уголках. Она была принципиальной чистюлей — ни на комбинезоне, ни на лице, ни на узких ладонях не видно ни пятнышка грязи. С водой здесь в порядке, отметил Павлыш.

— Доктор Павлыш? — спросила она, не став ждать очередного ответа. — Здравствуйте. Меня зовут Нина Равва. Я начальник станции. Вы будете жить в комнате, где раньше жил Стрешний. Отдохните, потом пообедайте с нами.

— Спасибо, — ответил Павлыш.

Что-то загрохотало по крыше, словно на нее рухнул камнепад. Задрожали лампы. Одна из них лопнула, посыпались осколки.

Все замерли, ждали. Камнепад продолжался.

— Что это? — спросил Павлыш, но никто его не услышал.

— Пошли! — крикнул Джим. — Он теперь не скоро уgomонится.

— Сколько раз я говорил, — сказал Лескин, — чтобы покрасить крышу в зеленый цвет.

— Надо бы... — начала Татьяна-маленькая, но Нина ее перебила.

— И не думай. — Они друг друга отлично понимали.

Павлыш обратил внимание на серую полосу пластыря на лбу Татьяны и, когда та провожала его до комнаты, сказал ей:

— Если у вас тоже царапина, загляните ко мне, а то загнойтся.

— У меня почти зажило, — ответила Таня, и Павлыш не поверил. — И вообще шрам украшает разведчика. Совершенно не понимаю Нину, которая даже челку отпустила, чтобы никто не видел, как ей дракон по лбу полоснул. Хорошо еще, что глаз цел.

Они остановились перед дверью.

— Заходите, — сказала Таня. — Здесь жил Стрешний. Только ничего не перекладывайте. Доктор вам этого не простит. Он аккуратный.

6.

— Обед через полчаса, — сказала Татьяна. — Мы проходили мимо столовой. Третья дверь от вас. Запомните?

— Спасибо, а где госпиталь?

— Вам все Нина расскажет. Вы за больных не беспокойтесь. Если бы дело только в них, мы бы вас не звали. Будут другие, — закончила она убежденно и тут же переменяла тему: — В шкафу — вещи Стрешнего. Вы можете пользоваться. Он не обидится. Там накомарник и так далее.

Татьяна исчезла.

Оставшись один, Павлыш решил переодеться. Он прибыл в синем повседневном мундире службы и походил на попугая среди воробьев. Он распаковал сумку, достал мыло, щетку. По раковине суетливо бегали маленькие насекомые, похожие на черных муравьишек. Павлыш смыл их струей воды, умылся, потом подошел к окну. Сквозь решетку виднелся склон холма, на вершине которого стояла станция. По склону, убегавшему вниз, к лесу, рос мелкий кустарник, среди которого поднимались редкие коренастые деревья. А дальше, до горизонта, тянулась скучная серо-зеленая равнина. Далеко, в дымке, можно было разглядеть еще один холм. Километрах в трех по равнине текла река, отражавшая светлые, сырые облака, полупрозрачные, пропускавшие солнечный свет, отчего

все предметы отбрасывали легкие расплывчатые тени, а сами оставались бесплотными и невесомыми. Площадка перед станцией была пуста, лишь у края ее над столбом с каким-то прибором висел рой насекомых.

В келье оставались следы пребывания Стрешнего. На столике лежали книги, разрозненные листки, кассеты. В углу валялся свернутый грязный комбинезон. Но койка была аккуратно застелена.

Среди бумаг на столе лежала толстая книга в зеленом переплете. Павлыш открыл ее. Доктор оказался консерватором. Он не только вел дневник, но вел его от руки. Почерк доктора показался Павлышу легким для чтения, буквы округлые, каждая отдельно.

Глаза помимо воли пробежали по первым строчкам:

«...Мой дневник не может представлять ни научной, ни литературной ценности. Скорее, это средство организовать собственные мысли...»

Тут Павлыш понял, что уже прошло сорок минут. Нехорошо. Все уже собрались в столовой, новый человек на далекой станции — событие, придется отвечать на обязательные вопросы, а ведь далеко не всегда знаешь, что нового в Большом театре и закончена ли шахта на Луне. Павлыш взглянул в зеркало. Доктор должен подавать пример окружающим — подтянут, выбрит, аккуратен. И тут раздался взрыв.

Станция содрогнулась. Кто-то пробежал по коридору. И стало тихо.

7.

Столовая была пуста. Люди покинули ее в спешке — чистые тарелки стояли на столе, из-под крышки кастрюли поднимался пар, стулья были отодвинуты, один из них упал, и никто не удосужился его поднять...

— Ох уж эти тайны,— в сердцах пробурчал Павлыш, ставя стул на место.— Загадки, тайны и летучие голландцы. Сейчас окажется, что я здесь один. Остальные исчезли в неизвестном направлении.

Собственный голос прозвучал неестественно, и Павлыш осекся. Он постоял несколько секунд прислушиваясь, потом покинул столовую и пошел по коридору к выходу, к гаражу.

Станция была невелика, но выглядела обширной из-за множества дверей, закоулков и тупичков, лабораторий, складов и комнатушек неизвестного назначения. Потыкавшись в двери, Павлыш остановился перед дверью побольше других, которая, как ему показалось, вела в гараж. Дверь была закрыта изнутри на основательный самодельный засов. Павлыш с трудом отодвинул его. Ошибка: оказалось, что дверь вела прямо на улицу. В лицо Павлышу пахло теплым влажным воздухом, наполненным жужжанием насекомых.

Павлыш сделал шаг наружу, и тут его грубо схватили за плечо и рванули назад.

Лескин закрывал засов.

— Вы с ума сошли? — спросил он бесцеремонно.

— Извините, — ответил Павлыш, — я еще не освоился с обычаями.

— Если будете осваиваться, недолго здесь проживете, — сообщил Лескин. К удивлению Павлыша, он был умыт и оказался вполне респектабельным человеком лет пятидесяти, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, словно природа использовала для их изготовления не резец, а стамеску.

— В лучшем случае напустили бы полную станцию комаров, — продолжал Лескин. — Перезаразили бы всех лихорадкой. Себя в первую очередь. И не обижайтесь. Привыкнете. Тоже при виде открытой двери будете впадать в ужас. Вы столовую искали?

— Нет, — ответил Павлыш. — Обедающих.

— Обедающие в гараже. Обед задерживается. А я вас искал. Дверь в гараж была совсем рядом.

— Заходите, — сказал Лескин уже мирно. — Сейчас они вернутся.

Гараж был пуст. Вездеход исчез. Лескин прислушался и поспешил к рубильнику у ворот гаража.

— Не пугайтесь, доктор, — сказал он.

Павлыш не знал, чего ему следует пугаться, и на всякий случай отступил к стене.

В воротах гаража показался тупой лоб вездехода. Вездеход полз медленно, с достоинством, как лесоруб, возвращающийся домой с добрым бревном. Так же торжественно вездеход пересек гараж и замер, уткнувшись в дальнюю стенку. На буксире он приволок громадную серую тушу, с которой свисали два черных лоскута, каждый с парус фрегата.

На фоне белого прямоугольника ворот прыгали две человеческие фигурки. Они вели себя, как куклы в театре теней, размахивали ручками, суетились. Нечто большое и темное застило на мгновение свет, и тут же затрещали выстрелы. Потом дверь закрылась и словно отрезала шум.

— Все здесь? — спросила Нина. Лицо ее было закрыто чем-то вроде паранджи. Она держала в руке пистолет.

— Все, — ответил Джим, прыгивая с вездехода. — Я пересчитал.

Татьяна-маленькая подошла к серой туше, поставила на нее ногу.

— Магараджа Хайдерабада и убитый им тигр-людоед. Где фотограф?

— Не паясничай, Татьяна,— сказал Лескин.— Может, он еще живой.

— Ни один тигр не уходил живым от выстрела молодого магараджи,— возразила Татьяна.

Татьяна где-то потеряла пластырь. Весь лоб у нее был в крови. Павлыш отметил это, но в тот же момент ноги поднесли его к чудищу, распластанному на полу. Это был дракон. По крайней мере, другого слова Павлыш не смог подобрать. Голова не меньше метра в длину, поблескивали желтые зубы, стеклянные глаза угрожающе лучились, а черные паруса оказались крыльями.

Так вот кто виновник бед и несчастий, поверженный и побежденный.

— Вот такая птичка-невеличка,— сказал Джим, подходя к Павлышу.— Не приходилось раньше встречать? Размах крыльев — пятнадцать метров.

— Не дай бог,— сказал Павлыш.— Я не стремлюсь к таким знакомствам.

Рядом с Павлышом стоял невысокий лысеющий человек с полным добрым лицом.

— Это он вас преследовал? — спросил Павлыш.

— Преследовал? — сосед Павлыша улыбнулся.— Преследовал. Как мягко сказано. Будто девушку преследовал настойчивый поклонник. Нет, он на нас охотился.— Человек неловко опирался на палку.

— Значит, вас можно поздравить?

— Да, это первый,— сказала Нина, откидывая паранджу.— Познакомьтесь: Леопольд. Наш сейсмолог и геофизик.

— Поглядите,— сказала Татьяна, поднимая край крыла.— Это я вчера стреляла. В крыло попала.

— А как же смертельный выстрел магараджи? — спросил Леопольд. Он поморщился. Стоять ему было больно. Он держал ногу на весу.

Под крылом обнаружилась лапа, которая заканчивалась загнутыми когтями, похожими на ятаганы.

— Кинжал бы сделать,— сказал Джим.— Цены ему на Земле не будет. У коллекционеров.

— Еще наберешь себе кинжалов,— сказала Нина,— этого мы разрежем на мелкие кусочки, чтобы узнать, как он устроен.

Она посмотрела на Павлыша, как бы давая понять, что это уж его задача.

— Так он не единственный? — спросил Павлыш.

Вопрос развеял разведчиков.

— А с кем же мы воевали, пока вездеход в гараж заезжал? — спросила Татьяна. — Там его родственники. Они будут жестоко мстить.

И как бы в подтверждение ее слов вновь загрохотало по крыше. Грохот стоял такой, что объясняться приходилось знаками. Плотный скроенный гараж раскачивался, и Павлышу захотелось поскорее убраться в открытую дверь, что вела внутрь станции. Джим погрозил потолку массивным кулаком, но этот жест никакого действия на хулиганов не оказал. Лескин вытащил пистолет и направил его вверх. Нина схватила его за руку. Все стояли запрокинув головы и ждали — и тут крыша не выдержала. В отверстие, показавшееся в лопнувшем металле, хлынул белый свет, и Павлыш разглядел желтые ятаганы, рвущие металл, словно картон.

В.

От недолгого, но шумного и яростного боя с драконом, который обязательно желал отомстить за смерть своего родственника, у Павлыша остались сбивчивые, отрывочные воспоминания, как у человека, который хочет представить себе по порядку, как проходила семейная ссора, но не может понять, почему бабушка запустила в тетю сковородкой. Он помнил, как Лескин стрелял вверх, помнил, как дракон протискивался в дыру и одна из его лап болталась в воздухе, норовя подцепить кого-нибудь из людей, отступивших к стене, помнил, что Джим подключил пожарный шланг и струя воды, попавшая в раскрытую пасть, заставила чудовище отпрянуть, но что он делал в эти две-три минуты сам, так и не вспомнил, хоть и надеялся, что не проявил особой трусости.

— Вот и все, — сказала Нина, глядя в широкое, с рваными краями отверстие, над которым низко летели облака. — Придется сегодня ночью чинить крышу. Добровольцы есть?

— Я сделаю, — сказал Джим. — Вы мне не помощники.

— А я? — спросил Павлыш.

— Вам придется возиться с этим, — Нина показала на дракона.

— Не вздумайте от него чем-нибудь заразиться, — предупредил Лескин.

— А теперь вернемся в столовую, — сказала Нина, — и продолжим прерванную трапезу. Леопольд, отправляясь в лазарет, доктор зайдет к вам после обеда.

Павлыш наскоро обработал рану Татьяны-маленькой, которая с одинаковым стоицизмом переносила боль и укоры Павлыша и даже успела поведать, как удалось убить дракона.

— Это еще доктор Стрешин придумал. Ведь их ничего не берет. Можно даже пулей в голову попасть, но мозг такой малюсень-

кий, что только добро переводить. Стрешний догадался сделать чучело человека и подсоединить к заряду взрывчатку. Три дня они приманку не брали. Может, только на движущуюся цель реагируют...

— Их много? Потерпите, сейчас кончаю.

— Ничего, я терпеливая. Сразу много не бывает. Я их уже различать научилась. Этот, которого взорвали, довольно маленький. А есть мамаша — она просто застилает солнце. Это она, по-моему, к нам лезла. Они крутят в небе как коршуны — и совсем нестрашно. А пикируют, как камень. Секунда — и он здесь. Если ты в черном или зеленом, еще может обойтись, а любое светлое пятно для них, как для быка красная тряпка. Вы, может, заметили, что мы даже лица грязью мажем?

— Заметил.

— Это не патология, а необходимость.

— А как-нибудь без грязи нельзя?

— Что еще придумаешь! Грима у нас нет. Скафандры светлые. В них и вовсе не выходи. Можно сообразить плащ из одеяла. Нина так и делает. Но в здешней жаре только она и может в нем работать. Грязь удобнее.

— С вами все. Пошли обедать.

9.

— Садитесь, доктор,— сказала Нина.— Пора вводить вас в курс дела.

Павлыш послушно сел. Татьяна убежала в госпиталь кормить больных.

— Мы вас как будто специально пугаем. Не планета, а кошмар какой-то,— сказала Нина.— Фантастический роман. Срочный вызов с далекой станции. Там какая-то неведомая угроза уносит жизнь за жизнью. Затем появление незнакомцев, носилки, загадочное путешествие над страшной планетой...

Джим принес кастрюлю с супом и разлил по тарелкам. Поваренок в его руке казался чайной ложечкой. И тарелка у него была особая, видно, возил с собой — в нее умещалось литра три.

— Разгадка таилась в страшном чудище, которое преследовало мирных ученых,— сказала Татьяна.

— И его кормили молоденькими научными сотрудницами,— поддержал Джим.

Лескин не участвовал в игре. Он принялся за суп, ел методично, как-то скучно, словно взрослый, случайно попавший на детский праздник.

Татьяна вернулась из лазарета, села.

— Как же получилось, что о драконах не было известно раньше? — спросил Павлыш.

— Сами удивляемся, — сказала Нина. — Почему-то первая экспедиция о них ни словом не упомянула. Я думаю потому, что их лагерь был далеко отсюда, на берегу моря, там были свои проблемы и своя фауна.

— Также не всегда приятная, — добавила Татьяна.

— Да. А когда они искали место для постоянной станции, то им приглянулся наш холм. Тогда шли дожди. Проливные дожди с утра до вечера. А в дожди эти твари не летают. Отсиживаются в гнездах.

— Это мы сейчас ходим, задржав головы, — сказала Татьяна. — А тогда было, как на курорте. Только-только дожди кончились, потеплело. Мы с Ниной куда-то ехать собрались. Я в вездеходе сидела, а она прибор несла. Как она среагировала, уму непостижимо. Я сижу, а Нина влетает в люк, прибор где-то потеряла, люк захлопнула, а он к-а-а-к бабахнет по крышке. А я ничего не понимаю... Помнишь, Нина?

Нина кивнула. Павлыш же позволил себе усомниться, что Нина когда-либо гуляла по этой планете, как по курорту.

— Хорошо, — сказала Нина, дождавшись, когда Татьяна закончила. — Все ясно. Павлыш уже видел дракона. У нас есть и другие проблемы. И лучше с ними познакомиться сразу. Проблема номер два — комары. Это не комары, а изверги, для меня лично хуже драконов. Жало в сантиметр длиной, пробивают любую ткань. Они выходят на охоту за нами, как только зайдет солнце. Если искусают, заболевшь лихорадкой. Сейчас Татьяна-большая в госпитале лежит. Вот так и живем — днем драконы, ночью комары, а нам приборы круглосуточно проверять...

— Вы не подумайте, — сказал Леским, покончив с супом, — что мы жалуемся на жизнь. Везде есть свои трудности.

— Я и не думал...

— Погодите. С другой стороны, вы можете недооценить наши проблемы в силу той легкости, с которой у нас, к сожалению, говорят о серьезных вещах. Если не принять мер, то мне трудно представить, чем это кончится. Вы ешьте, суп остынет.

— Он не может, — сказала Татьяна, — он придумывает, как избавиться от драконов. Мы все через это прошли, доктор.

Лазарет оказался кельей чуть побольше других. На одной половине стояло две кровати. Ближняя к двери была застелена, на второй лежал Леопольд.

За ширмой, на другой половине тоже была кровать. На ней спала темнокожая курчавая женщина.

— Тня, ты слышь? — спросил Леопольд, когда Павлыш кончил осматривать его ногу.

— Нет. Я проснулась. Доктор, я хочу с вами познакомиться, — голос был слабым.

У Татьяны-большой был жар, лоб влажный, глаза блестят... Губы светло-голубые на шоколадном лице.

— Через час начнется последний припадок, — сказала Татьяна. — Я уже знаю. Третий раз болаю. Зато я драконов не боюсь. Они на черных не бросаются.

— А на той неделе кто на тебя бросался? Медведь?

— Это был дракон-дальтоник, — сказала Татьяна.

Она поглядела на Павлыша не без кокетства. Павлыш ей понравился.

— Там на полке должна стоять тетрадь доктора Стрешнего, — сказал Леопольд. — На ней написано: «Комариная лихорадка». В ней же история болезни Татьяны.

Павлыш достал тетрадку. Знакомый почерк. Словно Павлыш гринял дежурство в клинике.

Когда Павлыш добрался до гаража, дракон уже был разложен на полу — перепончатые крылья расправлены, когтистые лапы прижаты к брюху, оскаленная пасть запрокинута. Дракон стал почти похож на бабочку на булавке под стеклом.

Джим стоял на крыше вездехода и снимал дракона сверху. Остальные ждали, пока он кончит съемку, и мешали ему советами. Особенно Лескин, который считал, что Джим все делает неправильно. Он считал фотографирование своей епархией.

Дракон был страшен. Нетрудно было представить себе, каков он в «рабочем состоянии» — управляемый снаряд в полтонны весом.

— И за что он нас так не любит? — задумчиво сказала Таня-маленькая.

— Плохо то, — сказала Нина, увидев вошедшего Павлыша, — что мы не можем до окончания срока бегать от драконов. В конце концов они нас поодиночке перережут.

— Вы не устали, Павлыш? — спросила Нина. — Тогда будете руководить вскрытием.

Павлыш вдруг понял, что пора знакомства прошла. Никто больше не будет сравнивать его со Стрешним, заранее уверенный в том, что прежний доктор лучше. Начинается работа. Павлыш вышел на дежурство, и теперь он должен придумать, как отделаться от драконов.

..К полуночи Павлыш измотался так, словно весь день таскал камни. Главное было позади — расчлененный дракон по частям расставан по холодильникам и сосудам. Примитивная, но удачно скроенная боевая машина где-то на уровне птеродактиля. Его было очень трудно убить. Наверное, мина-ловушка — оптимальное средство борьбы с ним. Еще лучше обзавестись зенитной пушкой. Правда, Павлыш понимал, что любой запрос такого рода на базу привел бы к тому, что на станцию вместо пушки прислали бы психиатра.

— Ну что ж, — сказал в ответ на эту информацию Джим, который никогда не унывал. — Будем закладывать мины. Где наша не пропадала...

— Отнеси сердце в холодильник, — сказал Павлыш. — Потом займемся его желудком. И на сегодня все.

Павлыш освоился и даже начал помыкать разведчиками. Джим послушно поволок на склад пластиковый мешок с десятикилограммовым сердцем дракона.

В половине второго, обнаружив, что желудок дракона почти пуст, если не считать дюжины камешков, Павлыш объявил конец

рабочего дня, довольно длинного первого дня на незнакомой планете (еще утром он был в нескольких тысячах километров от этого райского уголка). Они с Джимом долго мылись под душем, стараясь, довольно безуспешно, стереть с себя запах дракона.

— Выяснил, доктор, кого жрут драконы? — спросил Джим, вытираясь.

— Никого они не жрут, — ответил Павлыш. — Я не шучу.

Уже засыпая, Павлыш добрался до каюты и провалился в сон, как в бездонную яму.

11.

— Доброе утро, доктор, — сказал Джим. Он стоял над кроватью Павлыша, наклонив голову, потому что ему везде приходилось нагибаться. — Я тебя не разбудил?

Вопрос был лишним. Он разбудил Павлыша.

— Сколько я проспал?

— Недолго, — ответил Джим. — Семь часов. После вчерашних дел можно проспать и больше. Но мы с Таней-маленькой собирались в лес, и я подумал, что тебе может быть интересно. Заодно вывезем останки дракона. А то он очень плохо пахнет. Кстати, Татьяна-большая уже встала и дежурит по кухне. И даже поставила чай в расчете на то, что ты по утрам завтракаешь. Опасайся! Татьяна — женщина тропическая и очень эмоциональная. Ну хорошо, я пойду грузить мясо.

Сначала Павлыш заглянул в лазарет. Леопольд читал. Нога его не беспокоила. Павлыш присел на край койки, и они поговорили с Леопольдом о пустяках. Доктора любят на утренних обходах поговорить о пустяках с выздоравливающими. Кроме того, Павлышу и Леопольду было приятно поговорить друг с другом, они испытывали взаимную симпатию.

Татьяну-большую Павлыш нашел в столовой. От вчерашнего приступа и следа не осталось. Она обрадовалась, увидев доктора, и Павлыш подумал, что она вообще-то очень здоровый и энергичный человек и ей весело и интересно жить на свете. Пятнистый комбинезон сидел на ней элегантно, как парадный мундир капитана звездного лайнера.

— А, знаменитый драконоборец, здравствуйте! — сказала Татьяна. Она уплыла на кухню, гремела там кофейником. Потом крикнула оттуда: — Когда перебьете всех драконов, оставьте мне одного маленького.

— Зачем?

— У нас в деревне он будет пользоваться большим успехом. Старики говорят, что раньше в наших краях было полно драконов.

Потом перевелись. Некоторые до сих пор в эти сказки верят. Раньше вообще было много разных зверей.

— А теперь?

— Теперь некоторых не осталось.

— Татьяна, у вас, наверно, тоже есть идеи, как избавиться от дракона?

— Я — счастливое исключение. Но совет дать могу. Обратитесь к нашему главному теоретику — доктору Стрешнему. От него должен остаться дневник. Он всегда уверял, что он — последний представитель племени мемуаристов.

— Я видел этот дневник. Но не имел разрешения его читать.

— Стрешний бы не обиделся. А вы там отыщете что-нибудь полезное, его некоторые соображения могут натолкнуть вас на разгадку.

Татьяна принесла кофе. Вошел Джим.

— Пора ехать, — сказал он.

12.

Джим прицепил тележку с останками дракона к вездеходу, и они отвезли груз вниз, к мусорной яме. Других драконов не было. Шел мелкий, частый дождь, а драконы такой погоды не любят.

Потом вездеход отправился вниз к реке, где Джим, как геолог, давно собирался осмотреть обнажения, но все руки не доходили.

Павлыш сидел рядом с Таней-маленькой, которая вела машину.

— Здесь много зверья? — спросил Павлыш.

— Мало, — ответила Таня. Она закусила нижнюю губу, темная прядь упала на бинт. Таня показалась Павлышу похожей на маленького ковбоя, которому на rodeo попался особенно вредный мустанг.

Пологие берега ручья, поросшие кустами и колючей травой, становились все круче, ручей, пополнявшийся ключами и дождевой водой, превращался в настоящую реку. По полосе гнилой травы и обломков ветвей можно было догадаться, как высоко поднималась вода в половодье. Вездеход перевалил через толстый поваленный ствол и замер у невысокого обрыва, где река подточила склон холма.

Джим вылез первым. Он задержался у люка, вглядываясь в небо.

— Я займусь делами — сказал Джим, — а вы, если хотите, погуляйте вокруг. Только осторожно.

Павлыш с Таней прошли несколько метров вниз по течению и остановились над прозрачной быстриной, где играли синие мальки.

— А комары здесь есть?

— Не знаю,— сказала Татьяна, поднимая капюшон, потому что дождь неожиданно усилился и капли, взбивая мыльные пузыри, застучали по воде.

Павлыш увидел на земле клочок белой шерсти. Он поднял его.

— Вы говорили, что здесь мало зверей...

— Это сурок пострадал. Наверное, сурок,— Татьяна подошла.— А вы мне сначала показались снобом. Знаете, такие прилетают иногда из Дальнего Флота. Все на них блесит, как на древнем генерале. И смотрят они на нас, болезных, с презрением: ах, какие вы грязные и неухоженные, какие вы обыкновенные!

— Вы изменили свое мнение к лучшему?

— Дракона вы славно распотрошили. Будто всю жизнь этим занимались.

Разговаривая, они прошли дальше, в лес. Впереди, на полянке, Павлыш услышал какую-то возню. Он схватил Таню за руку, и она, на мгновение позже Павлыша поняв, в чем дело, замерла.

Поверх кустов поляна казалась пустой и безжизненной. Шуршание, чавканье доносились снизу. Они осторожно приблизились к прогалине.

Две небольшие птицы дрались над полуобглоданным скелетом какого-то крупного животного. Не обращая на них внимания, здоровая многоножка вгрызалась в череп, сбрасывая ножками белые пушинки шерсти.

— Татьяна! Павлыш! — кричал Джим.— Вы куда подевались?

— Пошли,— сказала Таня.— Это всего-навсего сурок.

— Сурок? Я думал, что они маленькие.

— Большие, но безобидные. Мы их иногда встречаем в лесу.

Джим стоял у вездехода. Дождь перестал.

— Скорей! — крикнул он.— Дракон прилетел!

Павлыш поднял голову. Под самой тучей медленно кружил дракон. Павлыш подтолкнул Татьяну, чтобы она первой забиралась в люк. Опуская крышку люка, Павлыш еще раз взглянул вверх. Дракон все так же кружил над ними, на вид мирный и безопасный.

13.

Когда вездеход добрался до холма, небо совсем просветлело. Облака неслись быстро, будто спешили куда-то в другой район, где срочно требовался дождь. Начало парить.

Павлыш не стал дожидаться, пока вездеход подойдет к дверям гаража, откинул люк и выскочил на упругую, вытоптанную землю у здания станции.

— Я открою дверь! — крикнул он Джиму.

— Назад! — крикнул Джим.

И тут же Павлыш почувствовал острый укол. И еще один... Нападение комаров было неожиданным и предательским: ведь им положено было дожидаться ночи. Павлыш остановился, отмахиваясь от них.

Джим что-то кричал.

Павлыш понял, что единственное спасение — скорее скрыться в гараже. Он подбежал к двери и взялся за широкую рукоятку, чтобы отвести дверь в сторону. Двигатель вездехода взревел, будто машина тоже кричала на Павлыша, и тут Павлыш непроизвольно взглянул вверх.

Дракон падал на него как камень.

Павлыш не мог оторвать глаз от увеличивающегося, словно в мультипликационном фильме, чудовища. Он даже различил зубы в открытой пасти. И в то же время не мог заставить себя побежать, скрыться, спрятаться — это было нереально, это не могло к нему относиться... Ведь он мирно открывал двери гаража и никогда не обижал драконов...

На самом деле Павлышу только казалось, что он стоит неподвижно. Он успел метнуться в сторону и упасть вдоль стены, а дракон, вытянув когти, щелкнул ими, словно кастаньетами, в метре от земли, и пока он соображал, почему в когтях нет такого тепленького и вкусненького человечка, вездеход, чуть не раздавив Павлыша, подпрыгнул к стене, и дракону волей-неволей пришлось подниматься вверх, проклиная людскую солидарность.

Дверь гаража открылась, и Лескин, выскочив оттуда, помог Павлышу укрыться в здании. Вездеход аполз следом, и дракону ничего не оставалось, как долбить клювом многострадальные ворота гаража.

— Ну, теперь до ночи носа не высунешь, — сказал осуждающе Лескин. — Дождь кончился, драконы взбесились, а некоторым из нас доставляет удовольствие изображать из себя гуляющую мишень.

— Поздравляю с боевым крещением, — сказала подошедшая Нина Равва.

Начальница, как ей и полагалось, была спокойна и серьезна.

— Обидно как, — сокрушалась Татьяна-маленькая. — Теперь и в самом деле не выйдешь. А я хотела новую мину заложить.

— И почему это драконы не любят врачей? — спросил задумчиво Джим, ни к кому не обращаясь. — Нарочно за ними гоняются!

— Драконы знают, что когда-нибудь у нас появится врач, который отгадает, почему драконы хотят нас съесть, — ответила Нина.

— Это не я! — спросил Павлыш.

— А вы уже попали на след?

Павлыш подумал, что опасность, которая нависает постоянно, становится частью быта. Пройдет еще несколько недель такой жизни, и драконы сравняются с комарами. Люди научатся стрелять в драконов из рогатки, морить их дустом, отпугивать чем-нибудь. И будут работать. Нельзя же останавливать работу только потому, что за тобой охотятся неуязвимые драконы.

— Павлыш,— сказала Нина.— Вам следует посетить свой кабинет в качестве пациента. У вас щека разодрана. И вообще вы грязны как смертный грех. А врач должен всем нам подавать пример.

Так Павлыш вступил в кровное братство.

14.

Умывшись и заклеив щеку пластырем, Павлыш присел у стола, чтобы перевести дух. Им овладела предательская слабость. Даже при умеренном воображении нетрудно было себе представить, каково пришлось бы Павлышу, протяни дракон свои когти на полметра дальше. А у Павлыша воображение было развито отлично.

Он взял в руки дневник доктора, открыл его, захлопнул снова. Надо поговорить с Ниной. Дневник и в самом деле может пригодиться.

И тут же вошла Нина.

— Я вам не помешала? Пластырь придает вам боевой вид.

— Спасибо. Хотя я к этому не стремился.

— Читаете записки Стрешнего?

— Хотел бы, но не решаюсь. Вряд ли он предназначал их для посторонних.

— В этом вы ошибаетесь. У доктора была слабость — может, в роду у него был графоман,— он не только любил читать вслух отрывки из дневника, но и подсовывал его всем, кто пытался избежать этого развлечения под предлогом того, что не воспринимает чтения на слух.

— Это относилось к вам?

— Ко мне. Так что читайте спокойно. Стрешний будет рад.

— Джим сказал, что драконы не любят врачей. А как все случилось со Стрешним?

— Он занимался комарами. Устроился на склоне в кустах, а когда шел обратно, задумался, забыл взглянуть на небо... Это еще что за шутки?

Нина смотрела на пол. По полу черной ниточкой бежали муравьишки.

— Я их уже вчера видел, но не придавал значения.

— Нет, это что-то новое. Если еще и они кусаются...

Павлыш проследил за направлением муравьиной ниточки — она

поднималась к умывальнику и возвращалась обратно, скрываясь под койкой.

— Они спешат на водопой,— сказал Павлыш.— На нас, как я понимаю, внимания не обращают.

— Хорошо бы...

Нина стойко несла бремя ответственности. Она — начальник станции, с нее спрос. Павлыш подумал, что молодой женщине надо обладать особыми данными, чтобы занять место, которое обычно занимают матерые волки, разведчики, прошедшие по двадцать планет.

Уже потом, через несколько дней, Павлыш узнал, что Нина относилась именно к этой породе матерых. Клерена ее шестая планета, и никто в центре не сомневался, что она справится с работой не хуже других. Она была из тех мягких на вид, всегда ровных и вежливых стальных человечков, которые без видимых усилий везде становятся первыми — и в школе, и в институте, и в науке. Нина несла на себе бремя ответственности за станцию, и ни у кого не возникало вопроса, почему этот жребий пал на нее. Но чтобы это понять, Павлышу пришлось прожить на станции не один день.

— Я пришла, потому что подумала, что новый человек должен взглянуть на наши беды иначе — у нас уже выработались стереотипы, они мешают.

— Может, вы все-таки чем-то прогневили драконов?

Нина смотрела на муравьиную дорожку.

— Надо будет проверить, как они пробрались в станцию. Займетесь, Павлыш!.. Как мы могли прогневить драконов?

— Беспричинной агрессивности в животном мире не бывает.

— Мы на них не нападали. И готовы к компромиссам. Но они ведь доступны только разумным существам.

— Вы могли не заметить. На кого еще нападают драконы?

— Вы вчера исследовали его желудок.

— Нина, ты здесь? — в дверях показалась Таня-маленькая. Ее комбинезон был украшен ожерельем из зубов дракона. Зрелище было жуткое.

— Тебя Лескин всюду разыскивает. Он уверен, что магнитное поле ведет себя неподобающим образом.

— Ну и что?

— Как всегда. Он уверен, что добром это не кончится.

— Я пошла,— сказала Нина.— Лескин пессимист. В каждой экспедиции положено иметь пессимиста. У меня подозрение, что психологи нарочно подсунули его нам, чтобы уравновесить безудержный оптимизм Тани.

Оставшись один, Павлыш принялся читать дневник доктора Стрешнего.

Доктор и в самом деле любил писать подробно и обстоятельно. Павлыш представил себе, как, наклонив голову, доктор любит-ся завершенной конструкцией фразы, стройностью длинных абзацев и видом редких, старинных слов. Первые страницы были заняты описанием холма, строительства станции, посвящены быту, характеристикам его спутников, характеристикам длинным, подробным, однако осторожным — доктор рассматривал свой дневник как литературное произведение и никого не хотел обидеть. На пятой странице дневника Павлышу встретилось первое рассуждение, относящееся к теперешним событиям.

«Дожди скоро сойдут на нет. Начнется весна. Планета должна обладать умеренно богатой фауной, нынешнюю скудость я склонен объяснить неблагоприятным временем года. Я могу представить, как с повышением температуры и появлением солнца из нор, из гнезд и берлог выползут, выбегут, вылетят различные твари, и некоторые из них могут быть настолько сообразительны, что захотят вступить с нами в какие-то отношения. Я не имею в виду разум. Мой опыт подсказывает мне, что для развития разума эта планета еще не созрела. Однако очень немного шансов за то, что нас не обойдут вниманием, — уж очень мы очевидны и шумны, непривычны и по-своему бессознательно агрессивны. Сегодня утром у меня возник небольшой конфликт с Татьяной-большой, которая наблюдала за стройботом, сооружавшим «выгребную яму» станцим, — ведь от части отходов мы избавиться не сможем и должны их как-то спрятать. Именно спрятать. Не нарушая обычной жизни нашего окружения. Со свойственным этой милейшей женщине легкомыслием она удовлетворилась тем, что стройбот выкопал глубокую яму. «Где же герметическая крышка для нее?» — задал я закономерный в моем положении вопрос...»

Прошло еще несколько дней, и ожидания доктора Стрешнего начали сбываться.

«Сегодня меня укусил комар. Скорее всего, это не комар, а насекомое, функции которого по отношению к нам, людям, схожи с функциями комара на Земле, — он мал, тихонько жужжит и, главное, кусается. Поэтому, дабы не отягощать нашу фантазию придумыванием новых названий, будем называть этого мучителя комаром. Я тут же предупредил Нину, что нам следует принять меры против засилия комаров. Именно засилия, подчеркнул я, ибо значительно больше шансов за то, что этот кровопийца не случайный экзотический гость на нашем холме. За ним последуют иные любители моей крови...»

Через три дня Леопольд заболел лихорадкой. Его трепало три дня, и три дня доктор Стрешний боролся с врагом невидимым, неизвестным, непобедимым, к счастью, не настолько упорным, чтобы

погубить свою жертву. На третий день лихорадка отступила. Сочетание опыта и некоторого везения позволило доктору связать лихорадку с комарами, и потому в течение недели, за которую почти все сотрудники станции успели переболеть (включая самого Стрешнего), дневник был полностью посвящен комарам. Из этих записок Павлыш заинтересовали фразы, которые он подчеркнул, чтобы не потерять.

«Комары гнездятся где-то по соседству с нами. Вылетают после захода солнца и, видно, хорошо реагируют на тепло. Я до сих пор не знаю двух очень важных вещей: кто, помимо нас, является объектом нападений комаров и, второе, каков их жизненный цикл. В первую же свободную минуту отправляюсь на поиски их убежища».

Сделать этого доктор не успел, потому что появились драконы. Беда страшнее комаров. В дневнике подробно описывались все случаи нападения драконов на людей. Доктор старался найти в них какую-то логику, связь. Он сам поставил восклицательный знак на полях страницы, где было написано: «Дракон не оставил мысли настичь Леопольда, даже когда тот скрылся в здании. Он старался проникнуть в дверь, вытащить его наружу».

Павлыш не заметил, как вошла Татьяна-маленькая. Дверь была открыта, и Павлыш, углубившись в чтение, понял, что она, заглядывая через плечо, читает вместе с ним дневник, только когда у него над ухом звякнули зубы дракона — Татьянино ожерелье.

— Я не хотела вам мешать, доктор, — сказала она. — Но я вам сегодня почти спасла жизнь, и вы не имеете права меня выгнать. Тем более, что у меня тоже есть своя твория.

— Выкладывайте, — сказал Павлыш, закрывая дневник.

— Конечно, драконы людей не любят. И знаете почему? Когда-то, лет десять назад, сюда прилетала звездная экспедиция. Не наша, чья-то еще. И они тоже были антропоидами. Пока эти люди здесь жили, они жутко невзлюбили драконов. Гонялись за ними, искали их гнезда, разбивали молотками драконьи яйца и убивали птенцов. А у драконов замечательная память. Вот они и решили, что их враги вернулись. Убедительно?

— А что ты предлагаешь? — ушел от прямого ответа Павлыш.

— Я? Пока что ходить на четвереньках, а в свободное от этого время искать остатки базы тех, кто был раньше нас.

— Почему на четвереньках?

— Чтобы они нас за людей не принимали.

— Челуха, конечно, — сказал Павлыш, решив, что Татьяна шутит. И тут же подумал, что в шутке скрывается любопытное наблюдение. — А ведь правда, когда дракон на меня пикировал, он щелкнул когтями слишком высоко.

— Ага,— обрадовалась Таня,— ведь это основание для эксперимента. Правда?

Павлыш улыбнулся, ничего не ответил. Таня тут же испарилась. Павлыш снова открыл дневник Стрешнего.

«Я полагаю, что популяция холма стабильна и ограничена в пространстве, а дальность полета комаров невелика. Надо прсверить, пометив несколько особей...»

Павлыш перевернул страницу.

«...Когда наступает ночь и тебе не спится, ибо ничто не отгоняет сон надежнее, нежели неразрешимая проблема, стоящая перед тобой, то воображение, не сказанное дневными реалиями, разрывает рамки логики и подсказывает решения, которые днем показались бы нелепыми, детскими, наивными... Я пишу именно ночью, сейчас третий час, станция спит — хотя нет, не спит Джим, у него приступ лихорадки, я недавно заглядывал к нему. Меня окружают образы, рожденные прошлым этой планеты, где нет места человеку, в котором человек не вписывается и, возможно, не сможет вписаться в настоящее. Мы привыкли награждать окружающий мир разумом — это остаток тех далеких эпох, когда и лес, и горы, и море, и солнце были живыми, большей частью злыми и коварными, редко добрыми существами, которым было дело до любого слова, мысли, сомнения первобытного человека. Мир, еще не подвластный людям, враждебный им, был населен чуждым разумом, направлявшим на людей дожди и снега, ветры, засухи и свирепых хищников... А здесь? Не скрывается ли за целенаправленной озлобленностью драконов и комаров воля, чуждый нам, враждебный разум, для которого наши конкретные, кусающие враги не более как орудия мести, а может, и проще — лейкоциты, изгоняющие из организма чуждое начало. За решеткой окна сыплет мелкий дождь, планета выжидает... Нет, пора спать».

На этом записи обрывались. Доктору не удалось вернуться к дневнику.

15.

Посреди столовой стояла Таня-маленькая. Разлохмаченная, глаза горят, драконьи зубы сверкают на груди. Над ней возвышался мрачный Лескин. Нина сидела за столом и старалась не улыбаться.

— Если бы ты погибла,— разъяснял Лескин Тани,— то нам пришлось бы сворачивать станцию. Неужели ты полагаешь, что кто-нибудь разрешит экспедицию, в которой собрались разведчики, отдающие себя на растерзание разным тварям?

— Нет,— сказала Таня-маленькая.— Я так не думаю.

— Ага,— Лескин увидел Павлыша.— У меня есть подозрения, что доктор причастен к этой выходке.

— Я не причастен,— послышался с ответом Павлыш.— Потому что не знаю, что произошло.

— Танечка,— сказала Нина ласковым голосом.— Посвяти Павлыша в курс дела.

— Клянусь, что доктор здесь ни при чем! — воскликнула Татьяна.— Он даже и не подозревал. В общем, я выгнала на площадку вездеход, накинула на себя одеяло, выползла через нижний люк и отправилась через открытое пространство.

— Джигит не боится рогов и копыт,— загадочно процитировал Джим. Осуждения в его голосе не было.

— Я поползла, а драконы надо мной летали.

— Не летали, а пикировали,— поправил Лескин.

— И пока Лескин, который наблюдал за этим из окна обсерватории, пробирался сквозь решетку, забыв, где дверь,— продолжала Таня,— я приползла обратно. А он расстроен, что не успел меня спасти.

— Ясно,— сказал Павлыш.— Вы хотели убедиться, нападают ли драконы на ползучих тварей. И изображали такую тварь.

— Вы очень сообразительный,— согласилась Татьяна.

— И они кинулись,— сказал Джим.— И хорошо, что опыт не удался. А то пришлось бы нам ползать. Представляете меня ползучим?

Татьяна-большая крикнула из кухни:

— Я несу бульон, и перестаньте рассказывать ужасы, а то у вас пропадет аппетит!

Павлыш сел на свое место рядом с Ниной. Та спросила его громко:

— Вы обратили внимание, что Татьяна отползла на несколько метров и успела вернуться? И драконы щелкали когтями у нее над головой, но промахивались.

— Вот именно! — услышала эти слова Таня-маленькая.

— Мужчины имеют право падать на колени только у моих ног,— подытожила дискуссия Татьяна-большая.— К женщинам это не относится. Учтите, доктор. Не смейте унижаться перед драконами.

— Учту,— сказал Павлыш.

— И все-таки я не могу справиться с возмущением,— вмешался Лескин.— Нельзя же, в конце концов, регулярно сводить к шутке трагический аспект нашего пребывания на этой планете. Вы смеетесь, забыв не только о грубейшем нарушении дисциплины, совершенном Татьяной, но и забываете при этом, что наше поведение приведет к тому, что драконы нас всех перебьют.

Вечером, когда солнце село и наступил тот благословенный час, когда драконы убираются восвояси, а комары еще толком не принялись за свое черное дело, станция опустела. У каждого накопилось множество неотложных дел, все выбились из графика и спешили наверстать часы вынужденного безделья. Павлыш догнал Джима у выхода.

— Ты очень спешишь?

— Нет, не очень.— Вежливость и отзывчивость были его сильными сторонами. Наверное, в школе он давал списывать нерадивым ученикам. Все кому не лень эксплуатировали Джима. Павлыш знал, что Джим спешит, потому что, кроме своей работы, ему надо было обойти датчики Леопольда. Но что делать — Павлыш не был благороднее других.

— Джим, покажи мне норы.

— Какие норы?

— Доктор Стрешний наблюдал, как комары вылетают из нор.

— Наверно, они везде вылетают. Пойдем, покажу тебе норы.

Джим шел впереди. Он был закутан в одеяло с подшитыми на кистях рук резиновыми манжетами. На голове высилось пластиковое сооружение, схожее с шлемом старинного водолаза. Большие очки и повязка придавали ему вид полярника, из последних сил стремящегося к полюсу. Павлыш понимал, что мало чем от него отличается. Свою спецодежду он позаимствовал у Стрешнего, а Леопольд, мастер на все руки, этот костюм подогнал и усовершенствовал.

— Смотри,— сказал Джим, остановившись у откоса.— Норы.

Откос был усеян пещерками сантиметров тридцати в диаметре.

— Кто здесь, кроме комаров, живет?

— Стрешний думал, что сурки. Они в дождь живут в норах, а в сухой период откочевывают в лес.

— А они не кусаются?

— Что ты, они безобидные. У них не рот, а пустая формальность. Хоботок. Они им в земле роются, насекомых выискивают.

— Какие же они сурки?

— Кто-то первый их так назвал. Назвали бы муравьедами, были бы они муравьедами. Хоть груздем назови, только не клади в ящик. Я пойду, ладно?

Павлыш устроился у норы и решил подождать. Моросил дождь, драконов не ожидалось. Комары резвились вокруг, но их было мало. Под защитным костюмом в двойных перчатках было жарко. Норы казались глазами чудовища. Ниточки, ведущие к разгадке, пересекались где-то рядом. Но пока Павлыш не мог их разглядеть...

Словно струя пара протянулась из черной норы. Она изгибалась кверху, распыляясь веером по ветру. Павлыш пригляделся. Мама родная! Это же комары! Десятки тысяч насекомых покидали свое жилье, отправляясь на охоту. Доктор был прав. Они гнездились в норах.

Комары реагировали на тепло. Они сворачивали с курса, чтобы полакомиться кровью Павлыша, не только из ближайшей норы, но и из дальних, из кустов ниже по склону...

Через две минуты нервы Павлыша не выдержали, и он пропустил наверх. Он добежал до станции, увешанный комарами, как елка инеем, и долго смывал их горячим душем. Зато придумал более или менее приемлемый метод борьбы с комарами: поставить у нор что-нибудь теплое — и готова ловушка.

Трех комаров Павлыш сохранил. Принес их в коробочке к себе в келью. Раздевшись, выдвинул сантиметров на пять ящик стола, положил туда коробочку, приоткрыл и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Комары, как истребители-перехватчики, вырвались из щели ящика и, ни разу не сбившись с курса, вцепились в протянутую им навстречу руку. Павлыш вытерпел уколы и с некоторой жапостью к себе смотрел, как набухали его кровью тела кровопийц. Наконец изверги насосались и удовлетворенно, один за другим поднялись с руки и отправились искать укромное место, чтобы отдохнуть от трудов праведных. Такое место нашлось в простенке между койкой и умывальником.

Павлыш листал дневник Стрешнего и поглядывал на комаров. Те мирно дремали на стене. Может быть, на них не распространяется... И тут один из комаров неловко взмахнул крылышками, попытался взлететь, но не смог и упал на пол. И замер. Через несколько секунд его примеру последовал второй комар. И третий.

Павлыш присел на корточки. Комары лежали на полу лапками кверху. Дохлые. Можно было не проводить дальнейших анализов. Комары отравились кровью Павлыша. Закон взаимной несъедобности (что за открытие в биологии и каннибализме!) был на этой планете всеобщим. Отношения людей с местной фауной никогда не станут гастрономическими. Комаров влекло только тепло.

17.

— Как бы взглянуть на сурка? — обращаясь к Нине, спросил за ужином Павлыш.

— Я их вблизи и не видела, — сказала Нина. — Только мельком. Они очень пугливые и осторожные.

— Они на пингинов похожи, — сказала Татьяна-большая.

— Я добуду для вас,— сказала Таня-маленькая.— Я видела одну жилую нору внизу.

Сурок был нужен Павлышу. Комары жили в сурочьих норах.

Сурка Татьяна приволокла на следующее утро.

— Доктор,— объявила она, заглядывая в лазарет, где Павлыш занимался с Леопольдом лечебной гимнастикой.— Ваше задание выполнено. Пленный доставлен.

Павлыш сразу догадался, в чем дело.

— Допрашивать буду я сам. Где его разместили?

— Лежит связанный в танке.

— Он не сопротивлялся?

— Нет. Я хотела его в станцию занести, а Нина запрещает.

— А почему? — спросил Павлыш, спеша за Таней по коридору.— Ведь на улице водятся драконы.

— Она думает, что он заразный. Разве ее переспоришь?

— Конечно, она права... А дождь идет?

— Драконов не видно. Не бойтесь.

— Я не боюсь драконов. Кто в наши дни боится драконов?

Вездеход стоял у приоткрытых дверей гаража. Рядом ждала Нина, которая сегодня была дневальной и потому получила в наследство фартук с оборками. Однако он не превратил начальника в домашнее существо. Даже челка, которая должна была закрывать шрам на лбу и при том отлично гармонировала с фартучком, не спасала положения. Словно разгадав взгляд Павлыша, Нина сказала:

— Я отлично готовлю. Вы в этом сами сегодня убедитесь.

И тут же продолжала другим тоном:

— Павлыш, если вам это животное абсолютно необходимо, возьмитесь с ним сами. Я не позволю никому до него дотрагиваться. Он совершенно дохлый, чумной какой-то.

— А ты откуда знаешь? — возмутилась Таня.— Он же в вездеходе лежит. Его никто, кроме меня, не видел. Он душечка, очень милый.

— Я заглядывала внутрь. Я тоже любопытная... Татьяна!

Татьяна уже была возле вездехода. Она распахнула люк и, прежде чем Павлыш успел помочь, выволокла связанного сурка наружу.

— Я его уже трогала руками,— сказала она.

Павлыш нагнулся над сурком. Тот лежал на боку и мелко дышал. Размером он был со среднюю собаку. У него было округлое, продолговатое тело с короткими ручками и ножками, и если поставить его столбиком у норы, то можно принять за настоящего сурка. На этом сходство кончалось — достаточно было взглянуть на переходящую в хоботок белую морду. Сурок дергался, стараясь освободиться от пут, но делал это как-то формально, будто хотел

показать, что не настолько уж он смирился с судьбой, как кажется.

— Только не развязывайте,— предупредила Татьяна,— а то сбежит. Где я еще такого поймаю? Сурки на дороге не валяются.

Сурок виновато вздохнул. Он-то валялся на дороге.

Несколько комаров вилось над сурком. В любой момент мог появиться и дракон. Павлыш, отстранив Таню, подхватил сурка на руки — он оказался легким и горячим, понес его анутрь.

Сурок умер через два часа. Он был истощен, болен всеми своими болезнями (Нина, как всегда, оказалась права), спасти его Павлыш не мог, зато исследовал его кровь, содержимое желудка — сурок все-таки сослужил свою службу науке.

Картина складывалась довольно логичная, не хватало последнего штриха. Когда Павлыш возился со своей жертвой, в лабораторию заглянула Нина и задала несколько вопросов. И Павлыш понял, что ей ясен путь его рассуждений.

Последний штрих нашелся поздно вечером.

18.

Павлыш в столовой играл в шахматы с милейшим Леопольдом, вел мирную беседу об искусстве — оба ставили Боттичелли выше Рафаэля и несколько гордились собственной смелостью. Вдруг в комнату ворвалась Татьяна-большая в защитной одежде, страшная, как марсианин со старинной картинки, и, срывая маску, воскликнула:

— Больше в этом аду работать не буду! Отправьте меня на Юпитер или Меркурий, пусть там не будет воздуха, ничего не будет!

— Что случилось? — вскопил Павлыш.

— Нина вас зовет, доктор. Она считает, что это интересно. Она какой-то моральный урод. Она даже мышей не боится. Это уж слишком. Да куда же вы! Оденьтесь сначала! Там комары. А тебя, Поль, я никуда не пущу. Без ноги остался, теперь без головы... Я буду играть с тобой в шахматы.

Разумеется, Леопольд ее не послушался. Он догнал Павлыша у переходника. Одет он был странно — Павлыш не сразу догадался, что он успел стянуть с Татьяны защитный плащ. Павлыш поддержал Леопольда, и тот на одной ноге допрыгал до выхода. За дверью в глаза ударил свет прожектора, и голос Джима остановил их:

— Замерьте! Кто сделает первый шаг — погибнет.

Павлышу неясно было, шутит ли геолог или неточно цитирует очередного классика. Но он послушно замер. Голос Джима доносился сверху, из темноты за лучом прожектора.

— Они на куполе обсерватории,— сказал Леопольд.

Павлыш огляделся. Ничего. Потом взгляд его упал вниз.

Вся площадка была похрыта черным текущим ковром. Слово земля раскрыла все поры и выпустила наружу мириады муравьишек. Казалось, что стоишь на берегу нефтяной реки.

— Доктор, вы такое видели? — спросила Нина сверху.

— Нет, не приходилось, — ответил Павлыш, отмахиваясь от комаров.

— Если это будет продолжаться, — сказал Лескин, — придется эвакуировать станцию.

Муравьи текли за порогом в полуметре от башмаков Павлыша. В их бессмысленном на первый взгляд копошении чувствовалась система, стремление. И хоть каждый муравей бежал в свою сторону, все море постепенно перемещалось вправо, к краю холма.

— Они пришли откуда-нибудь? — спросил Павлыш. — Кто видел, как это началось?

Голос Татьяны-маленькой внезапно раздался с крыши над головой Павлыша, будто с одной из вышедших специально, чтобы осветить эту сцену, лун.

— Я пошла на склад за запчастями к рации, смотрю, муравьи бегают. Я тогда позвала Нину, она с Лескиным в обсерватории была. И Джим пришел. Все так быстро произошло, что я отступила на крышу, а они — на купол. Интересно, это навсегда или временно?

— Временно, — сказал Павлыш, делая шаг вперед. — Муравьи не кусаются. — Он разгреб ногой муравьиный поток, который, все ускоряя движение, водопадом скатывался за пределы освещенного круга.

К тому времени, когда остальные слезли со станционных вершин, лишь арьергард муравьиной армии проходил по площадке. Земля была взрылена, словно кто-то прошелся по ней граблями.

— Значит, они вылезали прямо из-под земли?

— Да, я видела, — сказала Татьяна-маленькая.

— Знаете, это напоминает мне переселение леммингов, — сказала Нина.

Павлыш кивнул. Он был согласен с Ниной. Нина думала о том же, что и он сам. И Павлыш был на девяносто процентов уверен, что и с драконами можно справиться и он знает как, хотя десять процентов риска заставили его воздержаться от оглашения своих рецептов. До завтра.

19.

Утром Нина спросила:

— Павлыш, вам понадобится вездеход?

— Я только что хотел его попросить у вас.

— Что, на Ньютона упало яблоко? — спросил Джим.

— Упало, — согласился Павлыш. — Осталось подобрать.

— Татьяна, проверь аккумуляторы, — сказала Нина. — В оба конца километров двадцать пять. А дороги никакой.

— Нина! — воскликнул Павлыш. — Вы гений.

— Не ручаюсь, — сказала Нина. — Надо было раньше догадаться.

— Нина у нас во всем первая, — поддержала Павлыша Таня-маленькая. — Даже в биологии. Куда мы едем, доктор?

Павлыш обернулся к Нине.

— Не кокетничайте, Слава, — улыбнулась Нина. — Вы знаете лучше меня. К соседнему холму. Правильно?

— Правильно.

— А с доктором поедут Таня-маленькая и Джим. Остальные — здесь.

— В конце концов, — сказал Лескин, — я совершенно свободен...

Дорога через лес оказалась трудной, вездеход в твердых, но не всегда благоразумных руках Тани-маленькой прыгал, как кузнецик. Просто чудо, что пассажиры не поломали себе руки и ноги.

— Мы, как я понимаю, — произнес Лескин, когда вездеход замедлил ход, пробираясь сквозь кустарник, — едем посмотреть, где живут драконы. Если верить рассуждениям нашего начальника и Павлыша, они прилетают с соседнего холма. Что ж, логично...

Он замолчал, давая возможность Павлышу продолжить.

— Мы нанесем им удар прямо в логове?

Павлыш только тут заметил, что Лескин взял с собой пистолет. Джим тоже заметил это и сказал:

— Только не твоей пушкой, Лескин.

— Я не просил брать с собой оружие, — сказал Павлыш.

— А я, доктор, лишен вашего альтруизма. Вы не можете знать, что нас ждет. Мой опыт подсказывает...

Татьяна нахмурилась и заставила вездеход перепрыгнуть через неширокий овражек. Пассажиры вездехода посыпались друг на друга, и беседа на время прервалась. Когда машина снова выбралась на ровное место, Татьяна сказала:

— Павлыш гуманист, а мы, разведчики, жестокие люди. Павлыш не позволит нам обижать безобидных крошек. У них же есть дети. А Лескин выйдет к ним с пальной ветвью. И правильно, что Нина разрешила ему поехать. Без астронома станция в конце концов обойдется.

— Вы действительно полагаете, доктор, — сказал Лескин, не обращая внимания на речь Тани, — что драконов надо щадить?

— И не я один. Нина тоже так думает. И Таня, по-моему...

— Я от них без ума,— сказала Татьяна и бросила машину вперед.

Уцепившись за ремень над сиденьем, Павлыш произнес монолог:

— Человечество,— сказал он с чувством,— величайший из преступников, и лишь долгим раскаянием оно может замолить свои грехи. Кто-то умный сказал: «Где появляется человек, природа превращается в окружающую среду». Мы тщательно изменяли эту среду в своих интересах, не думая о природе. Мы уничтожили массу живых существ, некоторых начисто.

— И вы бросаете обвинение в наш адрес,— сказал Джим,— за то, что мы подняли руку на природу этой планеты исключительно, чтобы драконы нас не сожрали.

— Мы рады их не грогать,— сказала Татьяна.— Но они нас все равно трогают. Держитесь, сейчас прыгнем.

Машина снова прыгнула. Павлыш потерял счет прыжкам и ухабам. Вездеход вилял по девственному лесу, перебираясь через ручьи и овраги.

— Мы мыслим и действуем по древним стереотипам,— сказал Павлыш.— Вот все здесь люди образованные, слушали лекции о невмешательстве и так далее. И готовы следовать заповедям, которые с таким трудом дали человечеству. Но стоило вас задеть, как в вас сыграл охотник. Убей дракона! — такой вы придумали лозунг.

— Павлыш, не обобщайте,— сказала Таня.— Охотник сыграл только в Лескине. Он не верит в дружбу с хищниками.

— Не верю,— сказал Лескин твердо.

Павлыш понял, что его монолог не оказал на окружающих большого влияния. Они обо всем этом знали не хуже Павлыша. Хорошо рассуждать в вездеходе, куда хуже, если тебе надо снимать показания с приборов, а над тобой кружит дракон и ничего не знает об экологии и гуманизме.

Вездеход пересек по дну широкую реку, выполз на дальний берег и начал медленно взбираться по склону, огибая большие деревья.

— На холм подниматься? — спросила Татьяна.

— Уже приехали? — удивился Павлыш.— Тогда лучше въехать повыше и найти открытое место, но так, чтобы не привлекать внимания.

— Придется кружить,— сказала Татьяна.— И мы в результате поднимем больше шума, чем въезжая на холм напрямик.

— Ну, как знаешь.

Машина заурчала, продираясь сквозь кусты. Стало светлее. Потом вездеход нырнул носом и оказался на ровной террасе. За иллюминатором тянулся обрывчик, усеянный сурочьими норами. Машина остановилась.

— Чуть на сурке не наехала, — сказала Татьяна. — Выскочил, растаял, перед носом. Правил дорожного движения не знает.

Павлыш увидел в боковой иллюминатор, как из норы метрах в пяти от вездехода высунулась узкая белая морда с вытянутым, словно для поцелуя, рыльцем. Маленькие черные глаза смотрели на машину с обидой. Хоботок был черным от облепивших его муравьев. Сурку помешали обедать.

— Глядите, — воскликнула Таня, — маленьких гонят!

По поляне слешил, переваливаясь, сурок. Передние лапы болтались у живота, он подгонял к норе двух детенышей, которые сопротивлялись и моровили улизнуть, чтобы вблизи взглянуть на невиданного гостя. Наконец родителю удалось загнать чад в нору и заткнуть ее телом так, что наружу торчал лишь округлый белый зад.

— Поедем дальше? — спросила Таня.

— Да, они нас не боятся. Выберемся на плоскую вершину.

Казалось, что сурков там сотни. При виде вездехода они бросали свои неспешные дела, замирали столбиками, затем либо улетывали, либо уходили не спеша, соблюдая достоинство. Над сурками вились стайки комаров, но те не обращали на них внимания.

Вездеход перевалил через пригорок и замер на краю обширной голой площадки, где росло громадное изогнутое ветрами дерево.

20.

Площадка была пуста, но обжита — кое-где валялись завядшие ветки и шары драконьего помета. Она была вытоптана. «Жаль, — подумал Павлыш, — что экспедиция попала сюда впервые в разгар дождей, которые смыли с нашего холма все эти очевидные следы чужого жилища».

— Логово, — сказал Лескин со значением.

— Спрятали бы пистолет, — сказал ему Павлыш.

— Я не буду стрелять без нужды, — в голосе Лескина звучало предостережение, словно Павлыш хотел отдать его товарищей на растерзание драконам, а он был их единственным защитником.

— А как же гуманизм? — спросила Таня.

— Всему есть разумные пределы, — ответил Лескин без улыбки. Павлыш откинул боковой люк.

— Комары налетят, — предупредил Джим.

— Вряд ли.

— Поглядите, — сказала Татьяна. — Там, под деревом.

В углублении, выстланном ветками, между корнями лежало три круглых яйца, каждое с полметра в диаметре.

— Татьяна, подгони туда вездеход,— приказал Лескин.

— Вы что задумали?

— Не вмешивайтесь, доктор! — взорвался Лескин. — Хватит с нас правильных слов и разумных действий. Ваши фавориты — злобные хищники и всегда будут угрозой для людей. Если есть возможность уменьшить число этих гаденышей, мы должны это сделать!

— Это похоже на истерику,— Павлыш старался говорить спокойно. — Вы пытаетесь поставить себя на одну доску с местными зверями и навешивать справедливость в их мире с позиции силы.

— Не в их мире! В нашем мире! Этот мир уже никогда не будет таким, каким был до прихода человека. Мы должны сделать его удобным и безопасным.

Павлыш взглянул на Джима и Таню. На чьей они стороне?

— Лескин, ты этим ничего не добьешься,— сказал Джим.

Астроном опустил пистолет. Вспышка миновала. У всех осталось тягостное чувство ненужной размолвки. Татьяна, разряжая паузу, сказала:

— Возьмем одно яйцо? Самое крупное во Вселенной. Музею не простят, если мы этого не сделаем.

— Может, в следующий раз? — спросил Павлыш, но не стал спорить.

Вездеход подъехал к дереву. Павлыш взглянул на Лескина. Тот сидел спокойно, но избегал встретиться с доктором взглядом. Высунувшись из люка, Павлыш посмотрел наверх. Никого.

— Не беспокойтесь,— сказал Лескин,— я прикрою в случае чего.

Павлыш прыгнул на вытопанную землю. Лескин вылез вторым и остановился, прижавшись спиной к борту машины. Вроде бы смирился, но Павлыша не оставляло предчувствие, что он ждет любого предложения, чтобы открыть стрельбу. «Ну, ничего,— подумал Павлыш,— сейчас уедем». Он поднял ближайшее яйцо. Оно было тяжелым и скользким. Павлыш передал его Джиму.

— Смотрите, какая кроха! — Татьяна по пояс вылезла из верхнего люка.

По площадке к вездеходу не спеша топал сурчонок, вытянув хоботок, расставив лапки и являя собой высшую степень любопытства.

— Захватим его тоже! — крикнула Татьяна.

Павлыш шагнул к сурку и замер...

Вслед за сурчонок к дереву мирно брел серый дракон. Он лениво переставлял лапы, крылья вяло волочились по земле. Со стороны можно было подумать, что это мудрец, размышляющий о бренности жизни. Дракон был здесь хозяином и отлично об этом знал. Он равнодушно взглянул на вездеход...

— В машину! — крикнул Павлыш Лескину, полагая, что тот стоит за его спиной.

Павлыш подхватил сурка, как ребенка, которому угрожает злой пес, повернулся к вездеходу и пропустил тот момент, когда Лескин начал палить в морду приближающемуся дракону.

И в решающий момент получилось так, что некому было его остановить. Павлыш метнулся к машине с сурчонком на руках, кинул его Татьяне, не успевшей спрятаться в люк. Джим стоял внутри вездехода, укладывая, чтобы не разбилось, драконье яйцо... и последующая минута состояла из более или менее длительных отрывков, не связанных вместе.

Павлыш нырнул в люк, чтобы успеть к рычагам вездехода, ведь Тане с сурчонком в руках на это потребовалось бы лишнее время... Притом Павлыш успел краем глаза заметить, как остановился, осел на хвост пораженный дракон, как он раскрывает желтую пасть и расправляет напрягшиеся крылья... Лескин продолжает с остервенением палить в дракона и идет ему навстречу... а сверху камнем валится другой дракон...

Павлыш рванул машину так, чтобы отрезать дракона от Лескина, и перед ним, как в неумелом любительском фильме, мелькают тучи, ствол дерева, завалившаяся набок земля, черные крылья... Только бы не задеть Лескина... Крики, грохот... Ударив Павлыша в плечо, в боковой люк выскочил Джим... Татьяна помогает ему втащить в вездеход тело астронома, и когти драконов барабанили по броне вездехода...

Потом наступила тишина, как звон в ушах, сквозь звон пробивался гул невыключенного двигателя и хриплый стон.

— Я должен был, — твердым спокойным голосом сказал вдруг Лескин, — защитить Павлыша... Я хотел... — и голос оборвался.

Павлыш заставил себя отпустить рычаги управления... Сделать это было нелегко, потому что пальцы словно вмерзли в металл. Лескин лежал на полу кабины. Татьяна разрезала окровавленный комбинезон. Сурчонок сжался в комок в углу, зажмурился.

21.

Спасательный катер вызвать они не могли — негде сесть. Везти Лескина на вездеходе до станции было опасно. Он потерял много крови. Павлыш, как мог, перевязал его и дал обезболивающее:

— Спустимся к реке, — сказал он. Теперь некому было оспаривать его власть.

Джим сел на место водителя. Павлыш с Таней поддерживали Лескина, оберегая его от ударов. Джим вел машину осторожно, но

все равно вездеход подкидывало. Может, даже лучше, что Лескин потерял сознание.

Выйдя к реке, вездеход вошел в воду и километра четыре плыл вниз по течению. У низкого, пологого берега, метрах в ста от которого начинался невысокий прозрачный лес, Павлыш попросил Джима вывести вездеход на берег и остановиться у первых деревьев. Лескина вынесли на траву. Доктор с Таней остались с ним, а Джим должен был гнать машину за медикаментами и спасательной капсулой, в которой без риска можно доставить раненого на станцию.

— Опасно все-таки,— сказал Джим, возвращаясь в машину.— А вдруг прилетят?

— Не беспокойся,— сказал Павлыш.— Драконов не будет.

— Ты уверен, доктор?

Павлыш с Татьяной смотрели, как вездеход пересекает реку и, проламываясь сквозь кустарник, поднимается по дальнему склону. Он исчез, но некоторое время до них доносился треск ветвей и рев машины. Потом стало тихо. Иногда постанывал Лескин. День был облачный, сухой.

— Не сердись на него, Слава,— сказала Таня. Она сидела рядом с Павлышом, обхватив колени руками. Павлыш поднял кисть Лескина, проверяя пульс.— Он защищал тебя.

— Я не сержусь.

— Яйцо дракона разбилось.

— Я и не заметил. А как сурчонок?

— Остался в кабине. И не подозревает, что все случилось из-за него.

Ветер перебежал через реку, взрыбил воду.

— Знаешь, Таня,— сказал Павлыш,— может быть, скоро наша станция будет стоять здесь.

— На берегу? Хорошо бы.— Таня совсем не удивилась.

— Тебе нравится?

— Вода рядом, купаться можно. Летом жарко будет. А почему?..

— Я расскажу тебе небольшую детективную историю. Ведь каждый детектив должен кончаться сольным выступлением сыщика, который сознается в своих заблуждениях и делится прозрениями, приведшими к выводу, кто же подсыпал яд в любимую чашку старой графини.

— Рассказывай, сыщик,— сказала Татьяна. Она устала, беспокоилась за Лескина и поддерживала игру без обычного энтузиазма.

— Это преувеличение.

— Разумеется. Вся литература строится на преувеличениях. А какие были версии? Что на планете живут тротлодиты и драконы

приняли нас за них. Вряд ли. Уровень эволюции не тот. Вторая версия твоя; прилетали сюда когда-то пришельцы и разозлили драконов, у которых хорошая память.

— Я понимаю, это так, чепуха, а не версия.

— Эта версия не хуже любой другой. В конце концов все сводится к двум вариантам: либо мы помешали драконам, либо они нас за кого-то принимают...

— Мне повезло. В день, когда я приехал, вы поймали дракона. Я его исследовал. И что же обнаруживается? Метаболизм драконов не позволяет им питаться людьми. Больше того, тут же я узнаю, что комары, которые с ожесточением нападают на людей, также не могут пить нашу кровь. Они от нее погибают. Получается все равно как если бы люди собирали только поганки и нарочно питались ими, умирая в мучениях. И главное, те и другие буйствуют лишь в районе нашего холма. В лесу их уже нет.

— И тогда появилась новая версия,— сказала Татьяна.

— Конечно! Назовем ее версией трагической ошибки. Мы заняли чужой дом, не заметив этого. Комары летят на тепло — тепло сурков. Откуда им знать, что это не то тепло. А драконы принимают нас за других, за свою обычную добычу, за сурков.

— Поэтому, когда дракон тебя хотел схватить, он щелкнул когтями на высоте метра от земли? Когда я устроила эксперимент с ползанием, дракон также промахнулся, сжав когти в метре от земли? И поэтому они бросаются на светлое?

— Их подводит инстинкт. Они привыкли охотиться именно так.

— Но ведь сурков на нашем холме нет!

— Это нас и сбивало с толку. Иначе трудно было бы не догадаться, в чем дело. И именно это заставило нас занять место сурков в рационе комаров.

— А где же...— начала Таня, но Павлыш перебил ее:

— Значит, существует экологическая ниша. Каждый холм — стойкое сообщество. Комары живут в норах сурков и пьют их кровь. И вернее всего, сами они тоже чем-то нужны суркам. Может быть, те едят их личинки. Сурки питаются муравьями и контролируют их численность... Драконы тоже не без пользы соседствуют с этим сообществом. Но строго следят, чтобы была неприкосновенна их территория. И поедают слабых, нерасторопных.

— А я сидела на крыше,— вспомнила Татьяна.

— Нашествие расплодившихся сверх меры муравьев и стало для меня последним штрихом в картине этого мира,— сказал Павлыш.— Ладно, пойдем дальше. Что же получается? Мы прилетаем, высаживаемся на холме. В период проливных дождей, когда жизнь на планете замирает. Мы начинаем строить, заваливаем норы, поднимаем шум, сурки гибнут или убегают в лес. Там нет их привычной

пищи, и они постепенно вымирают. Помнишь сурка, которого ты привезла? Он был больным и полудохлым. Комары в процессе эволюции привыкли обходиться «своими» сурками. Улететь они не могут. Сурков нет, они летят на тепло, кусают нас и дохнут. А драконы лишаются родного крова. Они рады бы сменить холм, но у каждого холма, вернее всего, есть свой род властителей, и другие драконьи роды не пустят к себе на холм чужаков...

— А если здесь тоже будет что-то похожее? — Татьяна обернулась, прислушиваясь к звукам леса.

— Все зависит от нас. Перед тем как переселяться, поглядим, не мешаем ли мы кому-нибудь.

— Согласна, — сказала Татьяна. — Мне тут нравится.

22.

«Сегежа» вышла на орбиту через десять недель после того, как Павлыша обменяли на доктора Стрешнего. Она должна была спустить свой катер с грузами для станции. Нина с Павлышом отправились к посадочной площадке пешком, потому что Татьяна-маленькая с Джимом чинили вездеход — безотказный работяга забастовал именно тогда, когда надо было показать гостям, что те прибыли на образцовую станцию.

Они укрылись от жгучего солнца под навесом, рядом со станционным спасательным катером. По скользкому, блестящему боку катера шествовала длинная вереница оранжевых пауков. Впереди самый большой, командир, за ним остальные по росту. Пауки не удерживались на металле, порой кто-нибудь из них гулко падал на пластиковый пол, остальные тут же смыкали строй.

— Гнездо отыскали, — сказал Павлыш.

Пауки любили птичьи яйца и всегда шныряли по-соседству.

— Грабители, — сказала Нина. — И как положено, трусливы.

Она накрыла ладонью паука-разведчика, бегавшего перед строем. Паук притворился мертвым. Нина выкинула его в кусты. Остальные пауки забежали, рассыпали строй, не зная, куда идти.

— Пускай суетятся. Может, попугай успеет перепрятать яйца.

Цицерон, который не отставал от Нины, решил, что Нина бросила паука, чтобы он притащил его обратно, и поспешил в кустарник.

— Далеко не отходи! — крикнула ему Нина.

С ветки сплет большой попугай. Он высмотрел блестящую пуговицу на мундире Павлыша и решил взять ее на память. Павлыш отмахнулся:

— Лучше бы яйца как следует прятал. Не видишь, что пауки идут?

— Тебе хочется улететь? — спросила Нина.

— Нет.

— И мне не хочется. Тем более, что работы здесь хватит на-долго. Может, останешься?

— Стрешний возвращается.

— Вы с ним сработаетесь.

— Ты же знаешь, что я все равно улечу.

Попугай сделал еще один заход, целясь в пуговицу.

— Мы постепенно вживаемся в эту не очень дружную семью.

И должны быть тебе благодарны, — сказала Нина.

— Спасибо. Без меня результат был бы тот же.

— Не знаю. Всегда остается опасность эскалации вражды. И с каждым шагом все труднее обернуться назад и отыскать мгновение первой ошибки. Ведь могло случиться, что станцию бы сняли, а планету закрыли для исследований, пока не найдется «действенных методов борьбы с враждебной фауной».

Из-за поворота показался исцарапанный лоб вездехода. Машина замерла у ангара. Таня выпрыгнула из люка. За ней вывалился Наполеон.

— Нина, — сказала Татьяна, — мы заказывали открытые тележки. Их привезли?

— Сейчас узнаешь. Потерли. Наполеон, ты куда?

Татьяна догнала Наполеона, щелкнула по белому хоботку, тот обиделся и сел на выгоревшую траву.

Катер с «Сегежи», сверкая под солнцем, медленно опускался на поляну. Цицерон, перепугавшись, примчался из кустов и уткнулся мордой Нине в живот. Он забыл о пауке и сжимал его в кулачке, как конфету.

Люк катера откинулся, и в земле протянулся пандус. Жмурясь от яркого света, появился Глеб Бауэр. Он разглядел Павлыша, вышедшего из тени, и крикнул:

— Слава, ты загорел, как на курорте!

Доктор Стрешний, показавшийся вслед за Бауэром, сразу посмотрел на небо. Нина сказала:

— Это не сразу проходит.

Сурок Цицерон осмелел и направился через поляну к Глебу, протягивая лапу, словно за подаянием. Его страшно изба-ловали.

— Присматривай за сурками, Таня, — сказал Павлыш. — У Клеопатры не сегодня-завтра появится потомство.

— Не страдай, Слава, — сказала Нина. — Ты просто не представляешь, как будешь жить без своей Клеопатры.

Глеб умилился, глядя на Цицерона.

— Что за чудо! Как зовут тебя, пингвин?

Цицерон понял, что к нему обращаются, и склонил голову набок, размышляя, чем поживиться от нового человека.

— Это сурки? — спросил Стрешний, поздоровавшись. — Так и не удалось поглядеть на них вблизи.

— Нельзя попрошайничать, — сказала Нина Цицерону. — А то прилетит дракон и тебя возьмет.

Наполеон вскочил и засеменял к людям, изображая жадного кладонискателя, который опоздал к дележу приисков на Клондайке.

Высоко-высоко в ослепительном, солнечном небе кружил дракон, не обращая на людей и сурков никакого внимания.

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

Иду по трассе

1.

Они ушли в ночь. А может быть — в день? Что сейчас за тучами — солнце или звезды? Мухин выпрямился во весь рост, посмотрел вверх, стараясь в крошечной тьме воздушного дна увидеть нижнюю кромку облачного слоя. Он увидел не тучи, а корабли. «Палладе» и «Тиниус» уходили на запад, ныряя в воздушных течениях. Снизу они казались пляшущими огоньками, блуждающими звездами.

«Пора и мне, — подумал Мухин. — А где остальные — Крюгер и Маневич? Ушли, не видно их, не слышно. Пора и мне». Мухин повторил эти слова, будто хотел привыкнуть к их звучанию. Он не мог сдвинуться с места, потому что с каждой секундой вливался в него новый мир ощущений, звуков, запахов. Ураган крепчал, ветер давил сейчас с силой гидравлического пресса. Рядом неторопливо полз ручей — это была расплавленная пемза, она втекала в трещины почвы и казалась оранжевым деревом с длинной сетью отростков.

Мухин опустил в ручей палец — стало тепло, приятно. Тогда он погрузил в лаву все свои четыре руки и, подталкивая тело ногами, спустился сам. Ручей достигал Мухину до пояса, идти по его течению было легко. Мухин шел, расплескивая пемзу, светящиеся брызги летели во все стороны, он набирал их в пригоршню и швырял в воздух. Огоньки не падали, ветер подхватывал их, и они еще долго были видны в темноте, будто искры от догоревшего костра.

Вдалеке — Мухин не видел, но угадывал своим локационным чутьем — вставали горы. Каменное крошево, перекатывающееся с

места на место. Еще километра четыре, решил Мухин. Потом ручей свернет, придется остановиться и подумать, как быть с ногами. Запросить у Шаповала программу перестройки. На тренировках все было просто. Даже приятно и любопытно управлять своим телом. Здесь... Страшно? Да, наверно... Это может стоить жизни...

Мухин отогнал нелепые мысли. Сейчас работа, от его, Мухина, успеха зависят семнадцать жизней, а он улекся, влез в ручей как мальчишка, вместо того чтобы вызвать «Палладу», хмурого Годдарда, самоуверенного Шаповала. «Паллада» уже в космосе, время связи.

Мухин сосредоточился, представил себе — он взмывает в воздух, раздвигает его неподатливую толщу, и вот над ним звезды и огни «Паллады». Мухин ощутил внутренний толчок, понял — есть связь. И тихо. Будто не был ураган, не звенела лава в ручье, не грохотали, перемалываясь, камни, сказал:

— Я Испытатель-два. Иду по трассе...

2.

Годдарда не оставляло ощущение, что он забыл нечто важное. Он думал об этом, пока «Паллада» пробивала атмосферу Венеры. Корабль шел с трудом, внешне он напоминал батискаф, и Годдард казался себе капитаном дальнего плавания — так и хотелось командовать: «Два румба влево, так держать!» Он и готовился к этому: к испытаниям в глубинах Индийского океана. Все планы спутала авария на «Стремительном». Экспедиционный планетолет с экипажем потерял управление над полярной зоной Урана. Связь прервалась сразу, но локаторы еще полчаса вели корабль, погружавшийся в липкую атмосферу гиганта. Это было неделю назад — люди живы, наверняка, хотя и придавлены почти двукратным тяготением. Но спасти их невозможно — ни один корабль еще не пробивал до дна воздушный океан Урана, а там, на дне, нещадные вихри, тепловые взрывы сделали бы обычный поиск мукой, обреченной на провал. И тогда, шесть дней назад, Шаповал объявил: мы найдем корабль! Он, Годдард, протестовал на заседании Комитета, выступил в печати и в результате проиграл. Возможность спасти людей со «Стремительного» перевесила его доводы, Комитет разрешил испытательный эксперимент на Венере, и, что совсем плохо, его, Годдарда, назначили начальником опыта. В Комитете ЮНЕСКО по рискованным экспериментам не нашлось генетика опычнее Годдарда.

Авантюра все это. С начала и до конца. Работа Шаповала по УГС — управляемым генетическим системам — конечно, великолепна, но когда Шаповал объявил год назад, что переходит к опытам с людьми, Годдарда всего передернуло, и это первое чувство стара-

щения к самой постановке задачи, к той легкости, с которой относится к работе Шаповал, да и сами испытатели, это чувство осталось. Может быть, притупилось, ушло вглубь, но осталось.

Ах, какие возможности! — говорили о программируемых хромосомах. А он, Годдард, сорок лет жизни отдавший молекулярной генетике, видел здесь прежде всего проблему личности, проблему вовсе не генетическую. Мы научились (слава Шаповалу!) менять человека так, что он способен выжить в любой среде — на океанском дне, в огне пожара и холоде космического пространства. Но варьируется лишь оболочка, тело, внешняя форма. Главное — мозг — остается прежним. И вот истинная проблема: что происходит с внутренним миром испытателя, с его человеческой сущностью? Все очень сложно, работы хватит на много лет, как некстати эта катастрофа на «Сремительном»! Как некстати вся эта спешка!

Конечно, если учесть, что времени было в обрез, оборудовали опыт неплохо. Все правила соблюдены: группа следящих планеров, глубинные скафы первой помощи, два планолета, корректирующие взаимные действия. Сильная медицинская лаборатория. Непрерывное моделирование ситуации на трассе. Прогноз необходимых трансформаций. Контроль поведения испытателей. Но все это — в космосе. А на Венере, на этой пылающей сковороде, только люди, Мухин, Крюгер, Маневич.

Годдард поднял голову, посмотрел на своих сотрудников. Справа улыбается вечной своей оптимистической улыбкой Александр Шаповал, он даже не смотрит на динамики, уверен, что все три вариатора (слово-то какое придумал — не люди, а вариаторы!) выйдут на связь. Слева Горелов, собранный, спокойный и очень большой для микрокабин «Паллады». «Тоже оптимист», — мелькнуло в голове Годдарда. Хотел работать у Шаповала, не выдержал тренировок и с тех пор делает вид, что интересуется только пилотажем. Испытатели по вашей части, мистер Годдард. Да, испытатели по его части, и если сегодня что-нибудь случится в огненном котле Венеры, он, Годдард, будет наставлять, чтобы спасательная на Уран ушла без вариаторов. Он, Годдард, будет драться за отмену экспериментов, чтобы и думать о них забыли. Надолго. На сто лет.

Где же связь? Три зеленые искорки на экранах слежения — все три движутся. Годдард почувствовал, что у него заныло под лопаткой: пятая минута, и ничего не сделаешь, пока Мухин, или Крюгер, или Маневич сами не позовут их. Кто позовет первым? Маневич? У него низкий тягучий бас, как желе, медленно вытекающее из банки. Крюгер — тот говорит захлеб, его сообщения очень эмоциональны, за него Годдард боится больше всего, не произошло бы срыва. Проще всего с Мухиным. Проще уже потому, что УГС Мухина более совершенна. Почти мгновенная адаптация, даже без

вмешательства сознания. И характер у Мухина ровнее. Он не делает ничего нелогичного и докладывает спокойно, взвешивая слова. Кто из них заговорит первым?..

3.

У Шаповала болели зубы. Боль была ноющей, Шаповал поддерживал щеку ладонью, вымученно улыбался. Хотелось встать, побегать по тесному коридору, но слева надулся Годдард, мрачно смотрит в пульт, будто ждет, что приборы сорвутся с мест. Такой уж у Годдарда характер — мрачно делать свое дело, не веря в его успех.

Сквозь боль пробилось воспоминание — Шаповал уговаривает Комитет назначить Годдарда не наблюдателем ЮНЕСКО, а начальником опыта. Послушайте, неужели вы хотите погубить и эксперимент на Венере, и спасательную к Урану — ведь Годдард против вариаторов! Конечно, против, но покажите мне дело, которое Годдард не довел до конца. Он не умеет выбирать темы, ему всегда попадаются гиблые идеи вроде скрещивания пресмыкающихся Земли, Марса и Каллисто. Нет у него научной интуиции. Божьей искры, как говорят. Но зато железная хватка. После Годдарда любая задача кажется исчерпанной. Классическая школа Эспозито: аспирантуру Годдард проходил в Риме и четыре года изучал генетику какого-то забытого южноамериканского млекопитающего. Лавров его диссертация не стяжала, но терпению Годдард обучился. На всю жизнь. И пусть он против вариаторов — с ним надежнее, чем с этими энтузиастами, которые в критический момент свалют на него, Шаповала, всю ответственность.

Шаповал считал себя профаном в организационных вопросах. «Я ученый, а не организатор», — говорил он с некоторой гордостью. Шаповал занимался наукой, готовил программы для УГС, тренировал испытателей и даже не очень настаивал на вынесении эксперимента в космос: знал, что не подоспело время, нет подходящей конъюнктуры, и большинство в Комитете будет против. Очень кстати этот инцидент на Уране. Жизненная необходимость естественно решила множество вопросов: и проведение контрольного опыта на Венере, и подготовку спасательной к Урану, где условия для работы будут неизмеримо сложнее.

Нужно спасти людей — и получила путевку в жизнь целая область биологии: мутационная генетика человека. Идея-то была старой, еще со студенческой скамьи — волевое приспособление организма к любой среде. Лаборатория Шаповала создала управляемые гены, подчиняющиеся биотокам мозга, и эти пустые, без бита информации, молекулы, стали фундаментом открытия.

Опыты на животных — мышь не понимала, что с ней происходит. Она видела кусок колбасы, у нее текла слюна, она хотела есть настолько, что отождествляла себя с этим куском — жирным, с тонкой кожурой. И становилась им. Мышь меняла форму, цвет и минуточку-другую спустя делалась похожей на невероятный гибрид: полумышь-полуколбаса. Наконец, до ее мышинного сознания доходило, что происходит нечто странное, инстинкт страха делал свое дело — мышь становилась мышью.

Потом Шаповал учил обезьян дышать в хлорной атмосфере. Это было трудно, он погубил десятки животных, отчаялся, бросил эксперимент и сел за теорию, а в это время очередная обезьяна поняла, что ей хочется жить, даже если это невозможно. И начала дышать хлором. УГС, повинаясь мощному инстинкту жизни, изменила химизм дыхательного процесса.

В последнем цикле опытов Шаповал учил животных усваивать энергию в любой форме: от солнца и от печки, от тепла внутренних химических процессов и от ближайшего электрического трансформатора. Мыши-вариаторы теперь и смотреть не хотели на колбасу, не жились на солнце и бросались на электроды.

И только тогда, уже в зените славы, Шаповал опубликовал свою первую книгу «Направленный биотоковый мутагенез с управляемыми генетическими системами». Выступил по Европейскому стерео и скромно объявил, что намерен заняться мутационной генетикой человека. Есть желающие?..

Толчок двигателей изменил орбиту «Паллады» — корабль завис в пятистах километрах над трассой. Зубы заняли еще сильнее, и Шаповал, морщась, проглотил таблетку. Вряд ли это поможет: боль чисто нервная, и прекратится, как только спадет напряжение эксперимента. Все в порядке. Сейчас выйдут на связь вариаторы, и он, Шаповал, скажет, улыбаясь:

— Вам должно быть хорошо сейчас... — и не будет чувствовать боли.

4.

Крюгер лежал ничком, распластав свое большое, покрытое кообразной чешуей, тело. Ему было плохо. Маневич видел, насколько силен приступ ативазии, но ничем не мог помочь. Эрнст Крюгер — человек воли, он должен сам побороть слабость.

Ативазия поражает не тело, а психику. Хочется к морю, плескаться в волнах, вдыхать дым походного костра, и ужас берет, когда видишь обрубки-руки, чешую вместо коричневой от летнего загара кожи, мощную выпирающую грудь. Появляются непроизвольные движения. Кажется, вот-вот грубые клешни вопьются в горло,

стиснутся с неистовой злобой. Накапливаясь, эти ощущения могут привести к психическому срыву, и результат опыта целиком зависит от воли испытателя.

Шаповал, к которому Маневич обратился за инструкцией, так и посоветовал: переждать. «Как только Крюгер очнется,— добавил он,— немедленно выполните команды внешних изменений».

Крюгер перевернулся на спину, две пары рук подогнулись, резко толкнули корпус вверх.

— Плохо,— сказал он.— Отсидеться. Ветер. Мешает сосредоточиться. Сверлит. Не тело. Решето...

— Не двигайся,— приказал Маневич.— Я поищу какую-нибудь берлогу.

Крепкие когти легко вспарывали пористый слой туфа. Маневич старался не думать, какие у него руки. Они неспособны держать карандаш, нажимать на клавиши вычислителя. Годятся лишь для того, чтобы рыть землю, бросать тяжелые камни. Жесткие панцирные пластины на ладонях, которые Маневич отрастил по указанию Шаповала, подобны праще — они удобны, но до жути непривычны, не сразу и сообразишь, как с ними управляться. Руки сами по себе, мозг сам по себе. Хоть вызывай «Палладу» и задавай риторический вопрос: скажите, а что будет, если я согну эту штуку в локте?..

Маневичу показалось, что он нашел то, что искал. Прохлада исходила из глубины ноздреватого грунта. Когти лязгнули по твердой поверхности камня.

Камень был угловатым и тяжелым. Маневич с трудом перевернул его, подталкивая ногами. Обнажилось овальное отверстие, грязно-коричневым фонтаном ударили серные пары. Маневич крикнул, пещера отозвалась гулким эхом.

«Неглубоко,— подумал Маневич.— Хорошее укрытие». Инструкция не позволяла лазить в пещеры, где затруднена связь с кораблем, и Маневич вызвал Годдарда. Ждать ответа он не стал. Непосредственно Крюгер должен отдохнуть. Все переговоры, вопросы и указания потом.

Ход, сужаясь, вел вниз под большим углом. Сверху сыпались мелкие камни. Маневич полз медленно, упираясь в стены лаза обеими парами рук. Ход изогнулся уступом, внизу изрезанная огненными трещинами, текла подземная река расплавленной пемзы.

«Придется возвращаться,— подумал Маневич.— Это опасно. Шаповал сейчас прогнозирует варианты на машине, он должен выдать надежные указания». Но сверху навалился всей тяжестью Крюгер, и оба, потеряв опору, кубарем скатились вниз.

Маневич уложил Крюгера на берегу ручья, и тот сразу забылся. Нижняя гигантская губа слегка отвисла, обнажив беззубые десна.

Тепло лавового потока освещало пещеру мерцающим инфракрасным сиянием. Корообразные наросты на стенах выглядели извивающимися змеями, готовыми броситься, ужалить, едва кто-нибудь неосторожным возгласом нарушит их каменную неподвижность. В видимом диапазоне ручей почти не светил, и абсолютный мрак нарушался лишь редкими вспышками в глубине пещеры, далеко по течению ручья.

Маневич услышал тяжелый всплеск, поскользнулся и едва не упал. То, что он увидел, заставило его в страхе прижаться к шершавой поверхности скалы и инстинктивно выставить вперед острые стальные когти сильных рук.

5.

— Еще пять минут,— сказал Годдард,— и я посажу планеры.

Связи не было полчаса. Крюгер и Маневич замолчали неожиданно посреди сеанса. Сигнал не исчез, но стал слабым, будто шел сквозь метры плотной породы. Мухин передавал, что у него все отлично, предлагал изменить маршрут, пойти к товарищам. Годдард сухо сказал: «Выполняйте свою программу». Мухин отключился, и с тех пор давал только сигналы «порядка», не выходя на звуковую передачу. «Обиделся»,— подумал Шаповал, и это чисто человеческое чувство Мухина доставило ему больше удовольствия, чем все предыдущие сообщения—бодрые, но не слишком эмоциональные.

— Четыре минуты,— объявил Годдард.— Что программы захвата?

— На выдаче,— буркнул Шаповал.

«Тинниус» был уже на низкой орбите, готовый корректировать посадку планеров. Шаповал морщился, ерзал в кресле, но молчал. Здесь командовал не он—Годдард решал, как вести и когда прервать опыт, и от этого решения зависела не только судьба «Стремительного» со всем экипажем, но в конечном счете будущее целой науки. Шаповал не побоялся бы даже сказать—будущее человечества. Обязанности Шаповала на «Палладе» определены четко: связь с испытателями, машинное прогнозирование их поведения и трансформаций, выдача указаний. В сложных условиях перехода варнаторы, особенно Маневич с Крюгером, не обладавшие совершенными мухинскими УГС, не сразу могли нащупать, с чего начинать перестройку тел, что изменять в первую очередь, как выдержать нужные пропорции, какой облик целесообразнее в конкретной ситуации. Все это решал Шаповал. Сейчас ему ничего не оставалось, как слушать эфир, грохот, треск, выуживать далекие голоса. ОтсиживаютсЯ,—успокаивал он себя. Ничто внешнее не помешает Крюгеру с Маневичем дойти до цели. Да и цель-то: пройти по Венере

сто пять километров заданного маршрута, пройти и выжить. На Уране будет труднее — место посадки «Стремительного» известно с точностью до ста километров, и весь этот район вариаторам придется прочесывать без надежды на помощь извне. К отлету на Уран готовятся пятеро — гордость Шаповала, отличные ребята. Что может помешать им?

Ничто внешнее. А внутренние силы? Организм, раздираемый самым жестоким противоречием: произвольная оболочка, принципиально новые ощущения и психика обыкновенного человека. Мозг обретает новые функции, он вынужден реагировать на радиацию. Он получает способность вести мысленную радиопередачу. Может оценивать температуру с точностью до десятой доли градуса. Непривычные сигналы поступают в мозг растущей лавиной. Тренировка тренировкой, но психика может и не выдержать напряжения. Ативазия, чертова ативазия. Только не это. Полигон: Маневич катается на траве, на глазах меняет облик, мелькают руки — сколько их? Десять, сто? Крик. Рычание.

Шаповал дергает головой. Кабина планетолета подпрыгивает, рядом Горелов монотонно бормочет в микрофон, Годдард смотрит на часы: сейчас все кончится.

Серая мгла на экранах надвинулась, за клубилась — планеры вошли в тропосферу. И тут Шаповал понял: что-то случилось. Он не сразу осознал — из динамиков, перекрывая рев урагана, наслась песня. Старая песня моряков, любимая песня Крюгера:

Вдали сияет Южный Крест,
И пена за кормой...

Крюгер даже не пел, а кричал слова — радостно, почти в экстазе. «Тиниус» давал пеленг, и Горелов вел планеры к поверхности.

— Переходим на низкую орбиту, — сказал Годдард. — Нельзя допустить опасности для людей там, внизу.

«Ну, для них опасность невелика, — усмехнулся Шаповал. — А мы разобьемся в этом хаосе. И бог с вами, Годдард. Сейчас можно и разбиться, когда внизу все хорошо, все в порядке. Крюгер допоеет песню и ответит, и тогда он, Шаповал, скажет, наконец, давно заготовленную фразу:

— Вам должно быть хорошо там, друзья!»

6.

Маневич готовился к бою. Тремя руками он впился в шершавую стену пещеры, четвертую протянул вперед, наспех отращивая на ее конце длинную иглу. Воздух был перенасыщен парами. Он густел, отваливался клочьями, будто птицы падали с потолка, окунаясь

с шипением в огненную жижу. Но то, что наползало снизу, не было воздухом — плоское существо, тяжело ухавшее на ходу, передвигавшееся толчками едва различимых коротких ножек — продукт адской эволюции, сплюснутый сотнями атмосфер.

Маневич оттолкнулся от стены, свалился на колышущуюся спину венерианского животного, вонзил в нее когти, издал победный клич и ужаснулся эху, которое обрушилось на него со всех сторон. «Оно же не видело нас, — обругал себя Маневич. — Оно шло своей дорогой. Стыдно». Он подумал, что раньше не бросился бы первым даже при смертельной опасности.

От жгучей боли животное будто скомкалось, стало похоже на измятый грубыми руками бумажный лист. Оно что-то шептало, бормotalo невнятно в далеком ультразвуке, и Маневич попытался повторить этот свист-шепот. Но его гортань не была приспособлена к слишком высоким звукам, и Маневич заставил горло сузиться. Стало труднее дышать, углекислый газ проходил теперь через слишком узкое отверстие и не успевал разлагаться. Маневич подумал, что сможет задохнуться. Он вообразил, что у него две гортани и ощутил, как послушно напряглись мышцы шеи. Повинуясь приказу мозга, программируемые хромосомы выработали управляющий сигнал. Распались клетки, образуя новые соединения. Пришло томление перестройки, когда новые ощущения не полностью усваиваются сознанием и кажется, что внешний мир погружается в зыбкую дымку.

Чувство слабости исчезло быстро. Теперь у Маневича было две гортани, и он смог ответить этому существу, которое корчилося у его ног. Он свистнул в том же диапазоне и погладил ругера (Маневич не знал, откуда всплыло в его сознании это слово, но он тут же окрестил им первое живое существо на Венере), и тот затих и лежал теперь спокойно, слившись с поверхностью пещеры. Из серой тьмы приблизились такие же существа, Маневич ощутил их крики и с удовлетворением подумал, что он не одинок здесь и будет кому прийти на помощь, если...

Он не додумал этой мысли. Здесь, у уступа, лежал человек. Такой же, как он. С Земли. Они шли вместе. А теперь его нет. Он был болен и отдыхал. Крюгер.

Крюгер!

Маневич крикнул это имя в мыслях и голосом, не получил ответа и ринулся вверх по узкому лазу. Ураган бил, будто струя газов из дюз ракеты. Там наверху буря. Ветер, способный измельчить гору, скорость его иногда превышает скорость звука в этой сверхплотной и сверхгорячей атмосфере. Маневич карабкался, инстинктивно отталкиваясь от стен укорачивающимися руками, а воля была стиснута в комок — он думал только о том, что на поверхность должен выкатиться шаром, защищенным от любого урагана, тайфуна, смер-

ча и прочей напасти. Опять пришла слабость, но теперь Маневич не мог поддаться ей, переждать, пока мозг освоится в новой оболочке.

Лаз расширился настолько, что Маневич перестал чувствовать опору. Он рванулся, собрав всю накопленную в мышцах энергию, и вылетел наружу.

Крюгера он увидел сразу. Эрн держался за глыбу, которая медленно выворачивалась из почвы. Крюгер пел. У него было совершенно ошалевшее от радости лицо, волосы клоками сбились на лоб и метались по ветру. «Уродство», — подумал Маневич и оборвал себя. Эрн становится человеком. Какое это невероятное напряжение — преодолеть сопротивление организма, пытающегося сохранить оптимальные формы.

Уже исчезла у Крюгера вторая пара рук. Тонкие пальцы скользили по поверхности камня, срываясь, раздираясь в кровь, но хватка все еще была крепкой.

Оцепенение прошло. Маневич закричал. Он кричал дико, изображая смертельный ужас перед несуществующей опасностью. Он представлял, как лавина сжиженного металла обрушивается из-за скал, он борется, но металл слишком горяч, кипит, плавит все, испаряет... Нет сил сопротивляться, одна надежда — Крюгер. Где этот чертов Крюгер, почему не помогает отодвинуть гору... Уходит сознание. Эксперимент... «Стремительный»...

Его волокли куда-то по наклонному ходу. Еще не перестав изображать страдание, Маневич ощутил огромный прилив радости. Жив! Крюгер бесформенной глыбой копошился рядом, в нем не было уже ничего человеческого, все целесообразно и остроумно — вот ведь какие шары себе для ползания отрастил, чертяка! А поодаль вприпрыжку, ползком, вперевалку сустились ругеры. Крюгер беспокойно замахал шарами-конечностями, и Маневич сказал:

— Это же ругеры...

Крюгер понял. Он опустился на землю, присосался к стене, отдыхал. Маневич подумал о Шапокале и полез вверх.

— Ты что? — спросил Крюгер.

— Связь, — коротко объяснил Маневич. Он выполз на поверхность, и сразу два голоса забились в сознании, перебивая друг друга. Маневич не услышал, что они говорят, он настроил мозг на передачу и сказал громко, а ветер разнес его слова, отразив от скал, камней, лавы, урагана и самого неба:

— Нам очень хорошо сейчас, Шаповал...

7.

Мухин решил поразмышлять. Он прошел больше половины пути, времени было достаточно. Ему, в общем, повезло: горную

цепь он миновал по руслу лавового ручья. Он шел, по шею погружившись в поток, течение подталкивало его в спину, медленно качало из стороны в сторону. Иногда он ложился на поверхность лавы, шевелил ногами, ловил пузыри газа и плыл, плыл, как плот по реке. После недавнего урагана атмосфера была густой, пыльной, видно было плохо, что в оптике, что в инфрасвете, и Мухин ориентировался больше на слух. Слышно было многое: тихий шелест песчаной струи, сочившейся с близкой вершины, и мягкое всплескивание лавовых пузырьков, скрип камней о дно потока и где-то впереди — монотонный гул. Ручей доходил до уступа и срывался на несколько метров вниз. Там, должно быть, растекалось густеющее озерцо, в котором намного прохладнее, чем здесь. Лава текла медленно. Мухин не торопился. Лежал, думал.

Дышать легко, углекислота приятно щекочет горло, и запах кажется не таким прогорклым, как вначале, — есть в нем своеобразный аромат. Тело совершенно, и что бы ни захотел Мухин, управляемые гены поддержат его. Захочу и стану волком. А захочу — камнем лежачим. Конечно, если не случится то, что с Крюгером... На Венере Шаповал успеет принять меры, поднять на борт, а если приступ начнется у ребят там, на Уране... Ативазия, Мухин услышал это слово год назад. Он был последним в группе. Все уже тренировались, а Мухин проходил комиссии. Ему казалось, что он неизлечимо болен — его изучали раз десять, и Шаповал удрученно качал головой. А потом Мухин случайно узнал — дело не в нем, а в матери. Крюгер был сиротой, отец Маневича, известный астрофизик, открывший черную дыру в системе Проциона, не возражал против выбора сына. С Мухиным было хуже. Мать и слышать не хотела о вариаторах, страшилась всего, что связано с Шаповалом. Бог знает что наговорили ей об испытателях. И будто они, раз изменившись, не возвращаются больше к человеческому облику, и будто у них атрофируются лучшие стремления, и будто они никогда не смогут любить. В общем, жертвы науки. Мать верила, и Шаповал медлил. Потом она согласилась; что Шаповал сказал ей, Мухин не знал, но она перестала возражать.

Мухин легко перенес операцию и начал тренировки позже всех.

— Вы будете самым совершенным среди вариаторов, — сказал ему Шаповал. — Ваша УГС-2 рассчитана на максимальную автономию. Отсюда меньше сознательных усилий при перестройке, больше времени для исследований.

Мухин увлекся теорией, написал несколько статей о возможностях модифицированных УГС. Делал сообщение о работе в Комитете ЮНЕСКО. Годдард сидел в первом ряду и смотрел с сожалением, то ли с каким-то скрытым упреком.

— Генетический фонд УГС-2,— рассказывал Мухин,— содержит так называемые нулевые гены. Они хранят информацию только в момент перестройки, считывая ее из специализированных клеток и ферментов организма. После окончания трансформации эти данные не фиксируются. Таким образом, мы можем сами диктовать себе наследственные признаки.

— Ценой исчезновения стабильной информации? — подал голос Годдард.

Шаповал — он и раньше порывался вставить слово — ответил вместо Мухина:

— Стабильную информацию будет хранить особый набор хромосом. Весь генетический фонд разделится на два класса — постоянный и переменный. — Шаповал снисходительно усмехался, этим наблюдателям из ЮНЕСКО приходится объяснять такие простые вещи. — Зачем каждый набор хромосом должен содержать одну и ту же наследственную информацию? В наш-то век специализации...

— Кто вы, Шаповал? — сказал Годдард недружелюбно. — Вы надеетесь создать информационно идеальное существо. Идеально динамичное, идеально устойчивое, идеально долговечное. А нужно создавать идеально счастливое.

— Счастье — абстракция, — объявил Шаповал. — Сотни человек уже пожелали стать вариаторами...

— Не то вы говорите, Александр. К сожалению, вы понимаете только примеры, связанные с вами лично. Ну так, когда несколько лет назад ваши обезьяны гибли, УГС разваливался, вы были не очень счастливы, но не бросили работу. Человек думает о том, чтобы сделать беспокойной свою жизнь и спокойной жизнь других.

— Генри, о чем мы говорим? — взмахнул руками Шаповал. — Здесь не место для абстрактных этических рассуждений. Решается судьба конкретного опыта!

— С вами бесполезно спорить, Шаповал, — сказал тогда Годдард. — Вы слушаете только себя.

«До чего он ортодоксален, — подумал Мухин. — Годдард просто стар для того, чтобы понять: человек полностью использовал силу своего духа. Мысль может все — создавать шедевры живописи и проекты изумительных по легкости конструкций. Можно развить фантазию системой упражнений и предвидеть будущие открытия. И при этом не иметь никакой власти над собой. Заболела нога — иди к врачу. Хочешь на дно морское — надевай акваланг. Пробежал марафонскую дистанцию — лежи высунув язык и думай о несовершенстве тела. Идея Шаповала в этом смысле гениальна, и Мухину невероятно повезло, что выбрали его».

Для тренировок приспособили полигон химкомбината, и Мухин гулял несколько суток по не очень уютной камере, дышал то хлором, то серой, то парами свинца. Перестраиваться нужно было в считанные минуты, Шаповал с каждым днем все чаще менял атмосферу, и Мухин едва успевал фиксировать свои ощущения. Выйдя из камеры, он удивил Шаповала, поморщившись и заявив, что в лаборатории неприятно пахнет, и как они тут выдерживают.

— Очень свежо,— сказал Шаповал.— Видите, гроза.

Мухин видел. И вспоминал. В хлорной атмосфере дышалось легче. Приходилось качать через легкие огромное количество воздуха, и каждая его молекула неувовимо пахла чем-то с детства знакомым: парным молоком (до смерти отца Мухины жили в деревне) или очень свежим хлебом, когда он еще горяч и корка хрустит на зубах. После грозы в Ленинграде пахло озоном, и в смысле ощущений это было ничто.

Качественно мозг не менялся, но Мухин чувствовал, что прежние увлечения не трогают его как раньше. Он и теперь слушал Моцарта, смотрел в Эрмитаже Врубеля, стучал на старом отцовском пианино, но хотел большего. В Моцарте ему недоставало свежести гармоний, не хватало прозрачности. Врубель писал слишком уж прямолинейно, будто школьник на уроке композиции. А пианино издавало столько фальшивых обертонов, что Мухин и вовсе его забросил. Пробовал писать сам, но был, как ему казалось, бездарен, один лишь Шаповал слушал его опусы без содрогания, а Мишка Орлов, один из ребят, ожидающих сейчас на Луне старта к Урану, как-то сказал:

— Неплохо, но ты слишком торопишься. Хочешь рассказать о том, чего и сам еще не понимаешь. Для многих ощущений просто не существует слов. Часто поступаешь так или иначе потому, что велит программа, совсем не разобравшись в обстановке. Мозг должен не только привыкнуть, нужно еще выработать какие-то символы для новых ощущений. У каждого они свои. А ты пытаешься свести все к обычным словам и звукам...

Ручей сделал резкий поворот, и Мухина прибило к берегу. Он полез на рыхлую почву, лег, положив под голову верхнюю лару рук. В небе что-то неувовимо изменилось. Будто дуновение пронеслось под кромкой туч. Закружилось тихим звоном, рассыпалось у ног Мухина.

Из блеклой жижи облаков вынырнули легкие прозрачные полотнища. Мухин понял: они вообще не видны в оптике, отражают далекий инфрасвет, что-то рядом с радиоволнами. «Я должен увидеть»,— подумал Мухин, и тело послушно отозвалось, горы погрузились в дымку, а ручей запылал, освещая своим теплом полнеба. Полотнища высветились ярко, будто вспыхнула бумага и загорелась,

сжеживаясь и потрескивая. Яркие листы легко планировали к земле и снова взмывали под облака, распрямляясь в тонкий блин, и сморщивались, отталкиваясь от воздушных уплотнений.

«Могу ли я? — подумал Мухин. — Вот так же, в воздух. Отращу крылья. Прилечу к «Палладе», уцеплюсь за антенну и скажу: «Здравствуй, Шеловал! Добро пожаловать на нашу планету».

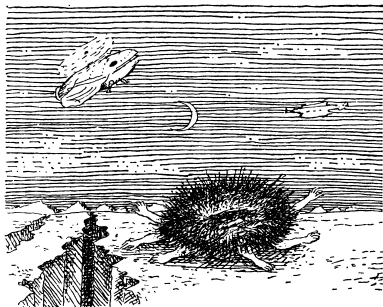
«Трасса, — подумал Мухин. — Дойти до отметки, закончить эксперимент, чтобы немедленно стартовала спасательная к Урану — дорог каждый час. А потом хоть на край света, хоть птицей, хоть гадом ползучим. Доказать, что Венера — бурная, горячая, живая от центра до заоблачной пустоты — планета наша».

Птицы, смяв хоровод, унеслись вверх. Они летели к западу, строй их изгибался волнистой линией, а тела теряли прозрачность, впитывая горячую воздушную волну, набираясь сил, чтобы взмыть высоко за тучи, в космос.

Мухин пошел вперед. Ориентир был перед ним — далекий пик, который еще не успели разрушить ураганы, не источили лавовые потоки. «Оттуда и полечу», — подумал Мухин. Он шел и смотрел вокруг, чувствуя себя хозяином на этой планете, зная, что работы здесь хватит на сотни лет: узнать все, что таят недра, перегородить лавовые реки, построить воздушно-приливные энергостанции, разгладить складки коры для земных планетолетов. Возвести города. И пойти к центру. Это прекрасная планета — Венера, дом, где он хозяин.

А над восточным горизонтом поднялись в воздух первые столбы пыли — предвестники землетрясения. Первые пузыри вырвались из лавы, лопнули с шипящим треском. И первые подрагивания коры заставили камни с берегов с kloкочущим всплеском упасть в ручей...

Мухин не обратил внимания на неясный гул из глубин планеты. Он шел, ощущая в себе могучую силу, применение которой можно найти только здесь, на Венере. Подземный взрыв застал его врасплох. Эпицентр оказался в каком-то десятке метров от Мухина. Вмиг разметало в стороны, подкинуло вверх, швырнуло вниз камни, песок, пемзу, мелкие осколки острыми гранями впились в тело, раздирая мышцы, ткани, мозг. Не успев ничего понять, ни даже почувствовать, Мухин провалился в неожиданную пустоту, в пространство, в космос, который на самом деле был бездной. Поток подхватил его, завертел, швырнул о скалу, смял и понес, понес вниз и вниз, а потом вверх о камни и опять вниз, все ускоряя движение, расшвыривая препятствия, и когда, наконец, лавовая струя наткнулась на неодолимую преграду и остановилась, сникла, разлилась шипящим подземным озером, она принесла и бережно уложила на дно тело, в котором не оставалось даже проблеска жизни...

8.

— Любуйтесь, товарищи толографы, — сказал Маневич.

Пик Лассалья — конечная точка маршрута — воткнулся в тучи скрюченной вершинной, он был совсем рядом: два-три километра. Два-три бесконечных километра, потому что путь оказался перерезанным отвесной трещиной. Край ее уступом нависал над сотнями метров пустоты. Площадка, на которую выкатились Маневич с Крюгером, дрожала от внутренних напряжений. Пропасть тянулась далеко в обе стороны, у горизонта края ее были приподняты рефракцией, и казалось, эта угрюмая дыра тянется в самое небо, чтобы и там раскинуться пурпурным провалом.

— Восемьсот сорок метров глубины. Тридцать два — ширина. Температура повышается с глубиной до тысячи восьмисот. Давление — до двухсот атмосфер...

Крюгер скрипучим голосом выдал эти данные и замолчал. Он молчал от самой пещеры. Эмоциональный срыв. После приступа ативазии можно ожидать и не такого. Шаповал посоветовал уменьшить количество внешних рецепторов, чтобы ограничить сигналы,

идушие в мозг, и уменьшить напряжение. С каждым километром тело Крюгера становилось все более похожим на шар. В конце концов с «Паллады» поступила программа: поместить мозг в центр и растворить конечности. Теперь Крюгер стал просто гладким шаром, почти без нервных окончаний, и шар этот катился равнодушно вслед за Маневичем.

С трещиной локаторы сплеховали. А может быть, Шаповал намеренно скрыл эту деталь эксперимента — с него станется: там, на Уране, мол, будет потруднее. Маневич настроился на связь, сообщая о препятствии.

Шаповал о трещине уже знал. Локаторы планеров недооценили ее ширины, определили ее в несколько метров, да и теперь дают столько же. На экране видны и Крюгер с Маневичем, и трещина эта — тонкая полоска. Тридцать два метра, говорите?

Шаповал помолчал и сказал:

— Ищите обход. Даю час. Если не найдете, снимем с трассы.

Маневич отлично представлял, какое сейчас у Шаповала лицо. Километр до финиша. Прекратить хочет, конечно, Годдард. Ему нет дела до вариаторов, да и спасение «Стремительного» в конечном счете не его забота. Закончить благополучно этот опыт, в который его ввязали против воли. Годдард может приказать. Он стоит за слиной Шаповала, и Шаповал оглядывается на него и хочет задуть.

— Ищу обход, — сказал Маневич.

Он не думал искать обход. Сейчас мог помешать только Крюгер, но в крайнем случае Эрн он перенесет сам. Над трещиной зона повышенного давления. Атмосфер на пять — выдавливающая сила довольно велика. Не нужно счетных машин «Паллады», чтобы подсчитать это. И не нужно счетных машин, чтобы понять: если получится сейчас, то на Уране в его почти жидкой атмосфере ребята смогут парить как птицы. Отлично. Сосредоточиться.

Маневич растворил в себе руки. Впервые он действовал сегодня без подсказки, и сомнение в том, правильно ли он ведет вариацию, на какое-то мгновение мелькнуло в сознании. Но УГС безупречно повиновалась командам, и Маневич легкими толчками заставил мозг переместиться в глубь тела. Появилось и быстро исчезло неприятное режущее ощущение — будто острые ножи входили в каждую клеточку, отделяя ее от других. Маневич создавал в себе воздушные каналы и чувствовал, что земля уходит вниз, все легче становится тело — он стал похож на пористый губчатый шар, почти невесомый, готовый при малейшем толчке локатиться, высоко подпрыгивая.

— Я вернусь, — сказал он Крюгеру и, примарившись, оттолкнулся.

Открылась бездна — в ней бурлила, кипела базальтовая жижа, тянуло раскаленным воздухом, жар проникал в поры незащищенного тела, обжигал мозг, и Маневич усилием воли прогнал боль. Тренировки сказались: Маневич рассчитал верно. Восходящий поток поддерживал его над трещиной. Воздух оказался пропитан парами радиоактивных элементов, и Маневич рванулся вперед, подобно реактивному снаряду. Он скорее почувствовал, чем увидел, как удаляется берег, услышал беспокойный возглас Шаповала — локаторы, конечно, раскрыли его маневр.

Радиоактивная пыль по многочисленным воздушным каналам проникала к мозгу, и Маневич забеспокоился — будет не так-то просто изгнать эту разлагающуюся отравленную массу. Он с силой выбросил из лор струю воздуха, его легко толкнуло вперед, а потом он неожиданно почувствовал под собой пустоту и начал планировать к центру трещины. Маневич подумал, что вышел из восходящего потока и еще раз рванулся. Падение продолжалось. Маневич уже видел на одном уровне с собой край пропасти.

Он тонул и понимал, что никто не успеет прийти на помощь — ни планеры-разведчики, ни Крюгер, серым равнодушным шаром перекатывающийся там, наверху.

Стенки трещины отливали бирюзой необычайно тонкого оттенка, и воздушные потоки с вкраплениями пыли будто рисовали на них темными тонами рельефные и непонятные картины.

Гулко ухнуло вниз, полетели камни, а Маневич отмечал: тысяча двести, тысяча триста, тысяча четыреста градусов... Восемьсот, восемьсот двадцать, восемьсот сорок рентгенов в секунду... Давление не возрастало, и Маневич падал. Он увеличил площадь тела, стал похож на плоский лист с утолщением в центре — мозг приходилось защищать многими слоями жаропрочной органики, и теперь именно мозг, перевешивая подъемную силу, тянул вниз. Острые иголки впились в каждую клетку — радиация превысила защитный предел. «Все», — подумал Маневич и забарахтался отчаянно, изо всех уходящих сил.

До дна оставалось метров пятьдесят, когда падение прекратилось, и Маневич неподвижно повис над лавой, поддерживаемый новым восходящим потоком. Теперь это уже не имело значения, только продлевалось боль, потому что поток нес огромные количества радиоактивной пыли.

«Не вышло», — подумал Маневич и ускользающим сознанием успел отметить пикирующие сверху раскаленные камни...

Разведчик прошел на малой высоте и показал в рыжих кпчях помех бурлящее бесформенное месиво. Маневич не отзывался, а Крюгер меланхолично сообщил, что Испытатель-три перелетает на другой край трещины и вскоре вернется. Может быть, именно это неуместное спокойствие, а может быть, изматывающий ритм перехода и сильная зубная боль доконали Шаповала. Он кричал на Крюгера за нарушение инструкций, кричал на Годдарда, потому что тот молча следил за полетом планеров. И кричал на себя. Это он, Шаповал, заявил, что вариаторы смогут отыскать «Стремительно-го», самонадеянный осел, это он потребовал, воспользовавшись случаем, пробного эксперимента на Венере, а потом ушел в кусты, решил руководить за чужой спиной, свалить все на Годдарда и ЮНЕСКО, и теперь он, Шаповал, ответит, если Маневича не спасут. И это на его, Шаповала, совести останется гибель людей на «Стремительно-го». Комитет запретит работы — и поделом! И вообще он, Шаповал, не при чем, потому что маршрут выбирали специалисты, и кто подсунул ему испытателей, для которых не существует дисциплины!

Годдард молчал, слушал, морщился и опускал планеры все ниже. На пятнистом инфралучевом экране он видел край трещины и Крюгера — Годдард знал, что этот шар и есть сейчас Крюгер. Планеры начало трясти, и Годдард разделил управление. Горелов повел одну из машин над трещиной, то и дело зависая и прощупывая кипящие недра, а второй планер Годдард попытался опустить рядом с Крюгером.

— Скорее! — торопил над ухом Шаповал.

Годдард, не оборачиваясь, сказал «молчать!», и Шаповал притих. Годдард затылком ощущал его прерывистое дыхание.

В трех метрах от поверхности он выпустил манипуляторы и спросил Крюгера: готовы ли к поднятию на борт?

Крюгер промолчал, Годдарду показалось, что он и не слышал вопроса.

— Приказываю на борт! — сказал Годдард, несколько не уверенный в действенности своих слов. Боковым зрением он видел, как второй планер, клюнув носом, зарылся в горячий воздушный поток, как вслухли на экране скалы. Машину швырнуло на берег, и Горелов отдал команду на вывод резерва.

«А ведь я ничего не сделаю с Крюгером! — подумал Годдард. — Никакие мои приказы не помогут, потому что внизу хозяева — испытатели». Найти Маневича! Он только сейчас подумал, что может и не найти его. Опускать аппарат в трещину — верная гибель, нужно

выводить тяжелый скаф, а он малоподвижен. И похоже, что Крюгер не захочет возвращаться без товарища.

Годдард выдвинул захваты, но планер все время сносило, лишь в какое-то мгновение машина прошла точно над Крюгером, сработала автоматика, и Испытатель-один закачался в сетях манипуляторов.

— Возврат! — сказал Годдард, передал планер операторам с «Тиннуса» и повернулся к экрану Горелова. С Крюгером все. Через несколько минут он будет на борту. Шок, депрессия, скарлатина — что угодно, но он жив.

Горелов ухитрился посадить свой планер на небольшой уступ, нависший над трещиной. По дрожанию изображения чувствовалось, что уступ вот-вот сорвется.

— Скаф! — сказал Годдард.

Исследовательский аппарат был прочен и мал. В лучшем случае они могли увидеть Маневича, связаться с ним. Скаф взметнулся в воздух, описал дугу и покатился вниз, пружиня и подпрыгивая на неровностях стенок. На обзорных экранах что-то наметилось в глубине. Множество темных дисков. Они всплывали, как пузыри газа, неторопливо, по прихотливой ломаной линии. И прежде чем Годдард успел понять, Шаповал крикнул:

— Третий!

Диски вынесли к поверхности желеобразное пористое тело, оно мерно колыбалось, и каждое его движение отдавалось свистом и стуком в ушах Годдарда. Горелов повел планер на колесном ходу вдоль кромки пропасти, не выпуская Маневича из поля зрения локаторов. Он успел вовремя. Едва диски оказались в радиусе захвата, вскинулись щупальца, натянулась сеть, диски бросились врассыпную, но два из них барахтались в захватах, а тело Маневича неподвижно легло на дно сети.

— Вверх! — нервно выкрикнул Шаповал. — Маневич ответит за своеволие!

«Шаповал в своем репертуаре, — подумал Годдард. — Опасность миновала, и Александр уже распоряжается. До следующего ЧП. А ведь они все-таки дошли: Маневич и Крюгер. Может быть, для большего спокойствия снять с трассы и Мухина?» Годдард потянулся к микрофону, и в это время с «Тиннуса» сообщили:

— Планер-второй замолчал. Мухина не вижу. В диапазоне связи пусто.

Годдард встал, предчувствуя, что все только начинается. Тихо ойкнул Шаповал, а из брюха «Тиннуса» вывалился очередной резервный планер.

К концу вторых суток поисков у них не осталось машин. Когда экран вспыхнул сиреневым светом взрыва и в рубке после двухдневного рева бури стало тихо, Годдард потерял сознание. Бессонница, напряжение. Мухина нет. Мощный подземный выброс разметал в пыль весь район, горный кряж за какие-то секунды превратился в низину, куда с шипением обрушивались тысячи кубометров лавы. Озеро быстро наполнялось. Только одно и оставалось сделать в память о Мухине — назвать новое озеро его именем.

Годдард был без сознания мгновение — никто не заметил его слабости. Он заставил успокоиться дрожащие руки и отдал приказ, который по всем нормам должен был прозвучать еще сутки назад.

— Курс к Земле!

Он немного поел, не отходя от пульта, и слабость отступила. Неторопливо, тщательно выбирая слова, Годдард заполнил бортовой журнал. Он с трудом добрался до страницы «Выводы руководителя».

Выводы.

Годдард встал и, шатаясь, пошел из рубки. «Не хочу я делать выводы,— думал он.— Кто я такой, чтобы делать выводы? Начальник опыта? Сидел в удобном кресле и глядел, как выкладываются люди, как готовы они поступиться всем ради идеи, которую он, Годдард, не понимал и теперь не понимает. Всомогущество. Но вот всомогущий из всомогущих — Мухин, мечтательный краснолицый Мухин — где он?

А я должен решать. Судьбу вариаторов, всей нарождающейся науки — мутационной генетики. И судьбу людей на «Стремительном», которых теперь, без помощи шаловаловских ребят, наверняка не успеют найти».

И все же, если по совести, он должен сказать «нет». Думать нужно не о тех семнадцати, что ждут помощи на Уране. Нужно думать о будущем. Запретить все это. Человеку — человеку.

Годдард вошел в медотсек и увидел Шаловала. Тот был бледен, щеки его неприятно ввалились, может быть, оттого, что Шаловал был небрит.

— Летим к Земле,— сказал Годдард. Он хотел добавить, что потерял последний планер, что идти к Венере-верхней, искусственному спутнику на высокой орбите, нет смысла, но промолчал, потому что лицо Шаловала неожиданно исказилось.

— Вы уверены, что искать бесполезно? — тихо спросил Маневич, и Годдард только теперь увидел обоих испытателей. Они лежали на диагностических кроватях, как личинки в коконах, видны были только лица и руки. Лица как лица. Прошедшая неделя не измени-

да их. Лишь теперь Годдард подумал, что открытие Шаповала действительно великолепно. Любой другой человек после всего, что выпало Крюгеру с Маневичем, был бы похож на монумент Кощею Бессмертному.

— Нам нечем искать,— признался Годдард,— нет планеров.

— Это Венера, Годдард,— просто сказал Маневич.

«Будто гордится,— подумал Годдард.— Будто Венера — его родина, и прожил он здесь не сутки, а всю жизнь, и рад, что планета оправдала надежды».

— Скажите, Годдард,— Маневич медлил, подбирая слова.— Скажите, там на «Стремительном»... Для них все кончено?

— Как ваша голова, Маневич? — спросил Годдард.

— Вы о радиации? Я не излучаю, можете подойти ближе.

— А что хромосомные пробы?

— Спросите Александра,— сухо сказал Маневич.— Вижу, Годдард, ваше решение твердо.

— Да,— сказал Годдард,— я решил.

«Будто мое решение что-то значит,— подумал он.— Придется драться, чтобы выгородить Шаповала и чтобы не докучали вопросами Крюгеру, иначе может повториться припадок. Анализировать видеogramмы с планеров и доказывать, что предел выживаемости у людей оказался выше, чем у техники. Вот только Мухин... Как ни парадоксально, он стал жертвой собственного совершенства. Эти двое ни на мгновение не теряли контроля над собой, а Мухин ослабился. Излишнее чувство силы вредно, оно рождает самоуспокоенность».

— Идемте в рубку,— сказал Годдард Шаповалу.— Нужно подписать протокол эксперимента и связаться с Землей.

Они вышли в коридор.

— А ведь его мать не соглашалась,— тихо сказал Шаповал, и Годдард обернулся с неприятным ощущением: ему показалось, что Александр сейчас заплачет.

«Черт бы тебя побрал,— с ожесточением подумал Годдард.— Ах, управляемые гены! Ах, Шаповал! Все знаю, все могу. Погиб человек — и ты уже готов. Казнишь себя и других, клянешься, что никогда не станешь заниматься экспериментом. Исследователь божьей милостью».

— Она все говорила — сын не кролик,— Шаповал не думал идти в рубку, и Годдард остановился. Пусть выговорится.

— И знаете, я убедил ее... Помните Игоря?.. Внешность... не очень. Никакого успеха у женщин. Мать мечтает: сын женится, пойдут внуки... Я ей сказал, что УГС изменит внешность, и станет Игорь Аполлоном. Так и сказал. Куда Аполлону с его стабильными генами. В общем, так оно и есть, но... Это был нечестный ход, Год-

дарт. Я затащил его и дал нестандартную УГС, и послал одного, и...

— Идите,— буркнул Годдард.

Он шагал вслед за Шаповалом и пытался вспомнить. Что-то ускользало, то же, что и раньше, когда испытатели только вышли на трассу. Он читал когда-то. Люди идут, они первые, не знают, что ждет впереди, но идти нужно, и они идут. А потом?

Они ввалились в рубку, и Шаповал стоя начал читать бортжурнал.

«Если бы Мухин дошел,— подумал Годдард.— Шаповал бегая бы сейчас по коридорам, кричал «ура», давил всех своей эрудицией, и это было бы очень плохо. Ему полностью доверили бы спасательную к Урану, и кто знает, скольких людей он погубил бы тогда. Пусть сидит на Земле и изучает ругеров — плоских тварей, вытащивших Маневича из трещины».

Шаповал уронил бортжурнал, поднял глаза.

— Почему вы такой добрый, Годдард? — сказал он утробно.

— Журнал содержит объективную информацию,— объяснил Годдард.— То, что я думаю о вашей выдержке, к делу не относится.

Он решил высказаться до конца.

— Надеюсь, что спасательная пройдет без вашего личного участия.

— Спасательная? — Шаповал отлично понял, но изображал недоумение.

«А ведь, чего доброго, мы поменяемся ролями,— подумал Годдард.— Александр начнет требовать запрещения работы. С него станется».

— Разрешите,— сказал Годдард. Поднял журнал и вписал на страницу «Выводы»:

«Первое. Считать доказанной возможность существования человеческого организма в состоянии направленного биотокового мутагенеза при условиях экваториального пояса планеты Венера. Ввиду чрезвычайности обстоятельства считаю возможным разрешить участие вариаторов в поисках планетолета «Стремительный».

Второе. В дальнейших опытах считаю необходимым усилить группу сейсмического прогнозирования. Цель — предупреждение о возможных подвижках.

Третье. Усилить группу испытателей специалистами по планетографии. Цель...»

Годдард обернулся — Шаповала в рубке не было. Он подписался, вызвал по селектору обоих пилотов, запросил у «Тиниуса» скорректированные курсовые, связался с медотсеком:

— Как у вас?

Ответил Маневич:

— Думаем. У Эрнэ разыгралась фантазия. Говорит, что мы и сами доберемся до Урана. Только скорость мала — на «Стремительном» заждутся. Но открытый космос — разве это проблема?

— Без самодеятельности, — устало сказал Годдард. — На Уране обойдутся без вас. Ваша работа на Венере.

Он услышал шумный вздох и отключил селектор. Он вспомнил. «Ночной полет». Так называлась эта повесть. И люди там не шли. а летели на старинных скрипящих и чавкающих бензином аэропланах, летели в ночь, в грозу, и зарницы плясали на крыльях машин. А дома их ждали жены. И на земле какой-то тип думал: запретить или нет?

Годдарду показалось, что он только сейчас пришел в себя, будто все эти дни прошли в тщетных попытках вспомнить, и больше не было ничего: ни бесцветного месива туч, ни яростной болтанки в тропосфере, ни коротких минут прямой связи, ни ругеров, ни грохота вулканов на месте гибели Мухина. Ничего не было, кроме старой повести, и он, Годдард, участвовал в ней, что-то запрещал, на что-то указывал, будто это имело значение. Маневич уйдет в космос, пешком пойдет к Венере, а то и к Солнцу. И Крюгер не побоялся ативазим, да и что это такое — ативазия? Нужно усилить психическую подготовку. Нужно заново продумать УГС-2, сделать ее менее автономной. Нужно... Годдард усмехнулся. Он еще не был убежден, что это действительно нужно. Но не отступишь. Шаповал рассудил правильно — Годдард доведет дело до конца.

11.

Маневич строил планы. Они разбегались, как круги на воде, убегали далеко в будущее и там теряли четкость, расплывались. В центре была Венера. Ее небо, ярко светящееся жаркими лучами. Ее дрожащая от вечных внутренних напряжений поверхность. Велikan, который не знает, к чему приложить свою нерастрченную энергию. Может обратить в прах любую постройку, и может дать силу звездолетам. Нужно приказать ему, и он, Маневич, сделает это. Он и Крюгер, и другие, кто пойдет с ними.

Маневич лежал спеленутый на диагностической кровати, думал, вспоминал, сравнивал, мечтал. Нужно развить в себе чувство сейсмической опасности. Что-нибудь вроде инфразвуковой локации. Это первое, чем он займется, когда вернутся с Урана ребята.

«Нет, — подумал Маневич. — Сначала Мухин». Пойти к его матери. Маневич не знал, что скажет. Вероятно, ничего. Будет сидеть и молчать, и напротив него еще не старая женщина будет смотреть в стол, теревить края скатерти (в доме Мухиных все очень старо-

можно), и ничего ей не объяснишь, потому что любое объяснение откатится от ее горя, от ее ненависти к этой Венере. И к Шаповалу. И к нему, Маневичу, который прошел через ад и остался жив.

Маневич услышал шаги и открыл глаза. Вошел Годдард, смотрел исподлобья, молчал. Красные веки, лицо серое, сутулая спина. «Досталось старику»,— подумал Маневич.

— Скажите, Сергей,— Годдард заговорил тихо, и Маневичу сначала показалось, что он слышит не слова, а мысли.— Скажите, что сделали бы вы... Стресс, смертельная опасность. С вами это было. И УГС жестко запечатывает информацию. Вы не можете стать человеком. Остаетесь этакой скользкой тварью, и ваш мир — сто атмосфер, тысяча градусов, углекислота и энергетический паек. И нет больше Земли... Понимаете?

Самый важный для него вопрос,— понял Маневич. Может быть, он и полет к Урану разрешил не только из-за «Стремительного», но чтобы понять: люди или нет.

— Люди,— сказал Маневич.— Люди до конца. Мозг, мысли, чувства те же. Где-то тоньше, где-то грубее. Не сразу разбираешься в обстановке. Не находишь определения новым ощущениям. Срываешься. Два дня назад я чуть не убил без причины, просто испугался. Трудно прожить жизнь в оболочке зверя... Не знаю. Главное — не оболочка. Если нас будут тысячи, если мы построим на Венере города, дойдем до самых ее недр, приручим все, что есть живого... Понимаете, Годдард, будет смысл в нашей жизни здесь... Будем жить.

— Смысл,— повторил Годдард. Маневичу почудился в этом слове оттенок иронии, но ее не было, Годдард решал для себя важную задачу, не находил решения и мучился.— Хочу верить, что это так, но... Необычные ощущения заставляют мозг и реагировать необычно. Психика не может остаться неизменной, когда меняется все... Десятки тысяч лет человек был человеком...

— И остался. Право же, Годдард, мы люди. Если где-то на планетах Капеллы вы встретите жуткое бесформенное страшилище и будете говорить с ним о структуре жизни, о красоте заката, о строении протона, о звездоплаваннии и последней пьесе Денисова... Пусть ваши мнения не совпадают, точки зрения полярны, он не знает Денисова и приводит в пример какого-то местного авангардиста, но вы говорите с ним о природе, которая везде едина. Как вы назовете такое существо?

Годдард молчал.

— Человеком, Годдард, человеком! Вот ведь, по-моему, в чем дело. Вы думаете о человеке и представляете его тело — Аполлона, Венеру. Старого Шестова с его шишкообразным черепом. Мужина с его неуклюжей походкой и красным лицом. Шаповала с его

самоуверенной физиономией. А дело не в этом. Старик Шестов создал единую теорию поля. Воспитал сотни учеников. Посадил в лужу тысячи научных противников. Пил коньяк, стрелял гусей, лазил в горы и был человеком, Годдард! А потом, за месяц до смерти, услышав об открытии Шаповала, попросил: запишите в варьаторы. Ему было мало. Смысл жизни для него был в том, чтобы знать все, побывать везде и во всех облициях, ощутить мир как часть себя. А для меня? А для Эрнот? Для вас, Годдард!

Маневич закрыл глаза. Бог с ним, с Годдардом. Поймет. В каждую клеточку свинцом вливалась усталость. После тренировок Маневич всегда лежал вот так же и слушал, как засыпают клетки, как тепло идет от ног к голове, и, когда достигнет мозга, он уснет.

Годдард, потоптавшись у двери, пошел в рубку на связь с Землей. Спасательная к Урану стартовала, и он хотел прослушать сводку о полете. Его качало, и он боялся, что свалится и захрапит.

...Маневич сидел на краешке стабилизатора и смотрел на Солнце. Корабль двигался по инерции, казался неживой рыбиной. Маневич оттолкнулся и поплыл рядом, подставляя Солнцу то спину, то голову. Свет во сне казался теплым и вкусным и звал к себе. Маневич сосредоточился и стал парусом. Колючки света впились в его тело и бились, и толкали, он ощущал каждый квант, каждый невидимый лучик. Ловил их и швырял обратно. Он резвился и плавал на солнечных волнах, нырял в корабельную тень и, задыхаясь от недостатка энергии, всплывал на колючую поверхность звездного океана. Солнечный ветер нес его, покачивая и разгоняя. Они летели втроем: он, Крюгер и Мухин. Пролетали мимо больших планет, ежились от прикосновений аммиачных туч Юпитера, ловили приветственные сигналы от ребят, исследующих Уран. По-хозяйски осматривали свой новый мир. Видели непчатый край работы и, обернувшись к зеленой искорке Земли, кричали людям:

— Идите с нами!

И слышали в ответ едва уловимый плеск радиоволн:

— Вам должно быть хорошо сейчас...

Джеклоны

Перед вами не рассказ, а эскиз — литературный проект романа. Вместо романа — проект. Я — автор — даю схему, вы — читатели — дорисовываете воображением. Скелет мой — плоть ваша. Да здравствует активный читатель! Будем работать вместе.

Идея

Научную идею здесь дает новейшая биология. «Клоны» — так называется эта идея.

Клонами именуются вегетативные копии — организмы, выращенные из одной части, например, дерева, выросшие из одной веточки. Все тополя у нас клоны, все ивы — клоны. Яблони, вишни, малина, крыжовник — тоже все клоны. Клоны обходятся без оплодотворения, значит, генетически они — точная копия родителя. До недавнего времени считалось, что высшие животные не дают клонов, им обязательно нужно пожениться. Но ведь у зверей, и у людей тоже, в каждой клетке полный набор генов; теоретически из каждой можно вырастить существо. И вот недавно это удалось с лягушками. А если с лягушками удалось, может, и человека со временем тоже научатся выращивать из кусочка кожи, или мышцы, или из капли крови. (Не надо ликовать, ловя меня на ошибке. Я помню, что у красных кровяных шариков нет ядер с генами. Но у белых есть же).

Фантастика немедленно подхватила эту вкусную идею. Кажется, первым прошелся у нас по клонам А. Днепров. Написал рассказ о том, как вырастили две копии фараона.

Потом писателям пришло в голову выращивать клонов для нужд медицины. Недавно прочел я подряд два романа на эту тему: в одном клонов убивают, чтобы использовать для пересадки их сердца, печени и железы богатым больным старикам, в другом — забирают все тело, вставляя в него мозг стареющего владыки. И оба автора с негодованием осуждают свою собственную людоедскую выдумку.

Зачем выдумывали, спрашивается?

Конечно, растить людей, как материал для хирургов, — людоедство, все равно что рабов откармливать на мясо. Впрочем, такое практиковалось на островах Тихого океана. Конечно, люди, хотя бы и вегетативные, — тоже люди, тоже имеют право на жизнь. У них и чувства, и способности, и таланты такие же, как у людей — у их собственных родителей...

Вот она — моя тема!

Возьмем талантливого человека (оборот заимствован у математиков: «возьмем точку на плоскости...»), итак, возьмем у талантливого человека две-три-пять-десять клеток с клеточными ядрами. Вырастим из этих десяти клеток десять человек. Это будут не дети великого, не его сыновья — у сыновей только половина генов отцовская, другая — материнская. Детки из клетки — точнейшие копии гения со всеми его задатками, похожие на родителя, как однояйцевые близнецы.

Кстати, бывали гении из числа однояйцевых близнецов? Не помню. Такие близнецы редкость. Примерно одна пара на шесть тысяч родов. А сколько было гениев среди всех миллиардов живших на этой планете? Меньше, чем один на шесть тысяч!

Природа не дала материала для монографии о гениальных близнецах. Но на бумаге, в литературе можно поставить мысленный эксперимент: выбрать выдающегося человека, понаделать из его клеток десятков клонов, прикинуть, как сложится их судьба.

Выберем как образец... Кого бы выбрать? Будучи писателем, я прежде всего думаю о писателях.

Листаю «Литературную энциклопедию». Кого же? Кого? О, мученье! «Die Wahl ist die Qual», — говорят немцы. Ну вот, возьму хотя бы Джека Лондона. Недавно прошел его юбилей, все равно собирался я статью писать, собрание сочинений перечитывал. И материал подобрал, и мысли были заготовлены.

Джек

Итак, клоны Джека Лондона — джекклоны.

У всех одинаковая внешность: среднего роста парни, сероглазые, кудрявые, с хорошей улыбкой и сверкающими зубами. У прообраза вставные челюсти были к тридцати годам.

Внешность одинаковая, но сознание, конечно, разное. В других семьях росли, в другие времена, другое наполнение памяти.

Мозги разные, но задатки одинаковые. Все джекклоны упорны, трудолюбивы, на диво трудоспособны (трудоспособность — от наследственности или от воспитания?). Все они методичны, терпеливы, умеют себя заставить работать планомерно и по 14 часов в сутки без воскресений (см. «Мартин Иден»). Требовательны к себе, прежде всего и только к себе, самостоятельны, никогда не надеялись въехать в рай на чужом горбу. Добросердечны, любят людей, любят детей, любят собак. Много еще хорошего можно сказать о джекклонах.

Общие задатки и общие недостатки. Родоначальник клонов был честолюбив... по-своему. Жаждал не столько славы, сколько одоб-

рения окружающих... и не всегда был разборчив в выборе этих окружающих. Ему очень хотелось, чтобы все-все говорили о нем: «Какой славный парень этот Джеки!» Едва ли не самый лиричный из его рассказов «Черепаша Тэсмана». Скиталец, авантюрист, разоренный неудачник умирает в доме своего богатого благополучного брата. Но к брату все равнодушны, а к неудачнику идут и идут люди с утешениями, сочувствием, рассказами, планами. Горюя, нелепо восклицают: «Клянусь черепахой Тэсмана, это был человек!»

Авантюрист, легкомысленный бродяга, неудачник... но Человек!

Джек Лондон тоже был бродягой, а также прачкой, моряком, попрошайкой, ловил браконьеров и сам был браконьером — устричным пиратом, потом — золотоискателем, военным корреспондентом, путешественником, процветающим писателем, а также владельцем фермы. И всюду он старался доказать, что он не хуже, а то и лучше других: самый настоящий рабочий парень, образцовый моряк, образцовый бродяга. И бродяжничать-то пустился не от нужды, а для того, чтобы доказать, что он не трусит, может лихо странствовать на вагонах и под вагонами. В 16 лет такое понятно. Но и в тридцать, прочтя о капитане Слокуме, обошедшем вокруг света на одноместном паруснике, знаменитый писатель тут же загорается: «Разве он слабее Слокума? Он тоже обойдет вокруг света под парусами». Ближе к сорока Джек Лондон завел себе усадьбу, на ней — скотный двор... и так старался, так старался стать удачливым фермером, самым процветающим в округе. Но племенных коров-то кормили авторские гонорары.

Хотелось слыть настоящим человеком, настоящим бродягой, настоящим писателем, настоящим моряком, настоящим процветающим американцем. Но у разных людей бывали разные взгляды, разные моральные критерии. Иной раз они противоречили друг другу, иной раз — взглядам самого Джека Лондона. Тогда он утешал себя: таковы правила игры. Вот он в рыбнадзоре, говоря современным языком, то есть ловит устричных пиратов, отбирает у них сети. Хорошо ли лишать заработка эмигрантов-греков, обрекать их на тюрьму и голод? Ничего не поделаешь — правила игры! Мы в них не стреляем, зато они сдаются, как только догоним. Для молодого парня это спорт, а каково рыбакам? Правила игры!

И хорошо ли молодому здоровому парню выпрашивать объедки на кухнях, прикрываясь беспардонным враньем? Правила игры! Правила противоречивы, но и взрослый писатель соглашается на чужие условия. Он сочувствует угнетенным нациям, но не чужд и высокомерного расизма. За героическим «Мексиканцем», добывающим деньги для революции, следует филиппика против боя быков — «трусливой забавы трусливого народа». С сочувствием он пишет о рабочих, но с увлечением и о дельцах — принимает их пра-

вила игры. За антифашистской, антитрестовской «Железной пятой» следует плантаторский роман «Приключение», герой которого покупает, уводит силой, эксплуатирует и с легким сердцем расстреливает туземцев. Таковы, дескать, правила игры на Соломоновых островах. Борьба ради борьбы, самодовлеющая игра, игра, заслоняющая и оправдывающая любую цель.

Не игрок устанавливает правила. Игрок должен проявить мастерство в пределах правил. Всю жизнь, осуждая правила игры капитализма, Джек Лондон стремился стать богатым... правда, за счет своего труда. С себя спрашивал, себя третировал, себя заставлял выдавать ежедневную тысячу слов. «Ни дня без строчки», — призывал Юрий Олеша. Тысяча слов это больше сотни строчек. Притом Джек Лондон не разрешал себе выдумывать, писал только о виденном, только об услышанном лично (иногда, увы, приукрашенном и принятом на веру), только о тех краях, где сам бывал. На все удары жизни знал один-единственный ответ: больше работать, еще больше, еще больше...

Больше спрашивай с себя! — не всегда помогала эта панацея. Собственное тело подводило — не выдерживало напряжения. Джек Лондон не сумел стать удачливым золотоискателем. С Клондайка его привезли больного на санях. Он не сумел обойти вокруг света на паруснике. Тихий океан пересек, но из Австралии его на пароходе привезли с непонятной болезнью, каким-то подобием кожной акромегалии. Терпя поражение, он проникался почтением к победителям. Написал серию книг о Клондайке, где другие добыли золото, а он — только цингу. Написал серию рассказов о мужественных победителях в южных морях. «Приключение» — тоже гимн победителю, покорителю гиблых Соломоновых островов, где сам Джек и выжить не смог бы. И даже о бизнесмене-победителе есть у него роман — «День пламенеет». И есть роман о фермерах-победителях — «Лунная долина».

Джек Лондон с гордостью твердил, что описывает только виденное. Да, описывал виденное, но не все. Он мечтал о победах и предпочитал писать о победоносцах. Игру воспевал. Но ведь в каждой игре на одного победителя приходится по крайней мере один побежденный. А в американской национальной игре — гонки за миллионом долларов с препятствиями — по крайней мере 99,99% проигравших.

Да, он добился успеха, воспевая успех. Он внушал читателю бодрость и надежду. Верь в себя, требуй с себя, заставляй себя, выдерживай характер, проявляй волю к борьбе, и ты победишь. Он был певцом бодрости и надежды, за это его полюбили во всем мире.

Сам же певец бодрости покончил с собой... в сорок лет. Это было так нелепо, так не соответствовало легендарному образу мо-

лодца-удачника. Жена его упорно отрицала самый факт самоубийства, уверяла, что муж умер от уремии. Почему отрицала? Боялась упреков? Не хотела развенчивать легенду?

Почему же он захотел уйти из жизни в сорок лет? Есть версия любовная: любил двоих, разрывался между двумя чувствами. Незадолго до смерти он выпустил роман «Маленькая хозяйка большого дома». Героиня его, терзаясь любовью к двоим, стреляет в себя. Не автобиографическая ли ситуация?

Как не вспомнить, что один из героев Пушкина гибнет на дуэли, один из героев Лермонтова гибнет на дуэли. У Маяковского есть строки: «Он здесь застрелился у двери любимой». Есенин написал: «В зеленый вечер под окном на рукаве своем повешусь».

Мартин Иден — явно автобиографический герой Джека Лондона, тоже покончил с собой, разочаровавшись в литературном успехе. Что ж, у писателя были основания и для разочарований. В ту пору мир втянулся в бессмысленную многолетнюю войну — первую империалистическую. Социалисты — радетели за благо народов — поддерживали войну. Возмущенный Джек Лондон вышел из социалистической партии летом 1916 года, а осенью вычеркнул себя из жизни.

Почему же он все-таки пошел на самоубийство? Усталость? Болезнь? Переутомление? Бездна надежд?

В сорок лет безнадёжность?

Еще одно объяснение.

О Маяковском сказал один из его друзей: «Он не мог жить дольше. Нельзя даже представить себе «горлана-главаря» с морщинами, брюшком, сутуловатого, с шаткой старческой походкой. Маяковский — молодой бунтарь. Ветхость не соответствует его литературному голосу».

Может, и Джек Лондон чувствовал, что не в силах поддерживать легенду о Джеке Лондоне — таком бравом молодце, удалом бойце, счастливчике, моряке в седле. Понимал, что жизнь выбивает его из седла, годы молодчества позади, впереди прозябанье бывшего моряка, боксера, сошедшего с ринга.

И не захотел прозябать, доживая.

А вероятнее сложилось все вместе: болезнь, усталость, затруднения личной жизни. Будущее показалось беспросветным, снотворное было под рукой... Автор «Маленькой хозяйки», как и его героиня, страдал бессонницей. Мечтал «спать, спать, спать»...

Клоны

Моя героиня — тоже маленькая женщина, усохшая старушка с большими глазами, румяная и ослепительно седая дама лет семи-

десяти пяти, глуховатая и от глухоты крикливая, фанатичная поклонница Джека Лондона.

Некогда, полвека назад, она гостила в Лунной долине, бывала в доме писателя, влюбилась в него со всем пылом и сентиментальностью 16-летней девчонки. Позже вышла замуж за невыразительного мужа, родила и вырастила невыразительных и благополучных детей, но на всю жизнь сохранила первую свою любовь с восторженно молитвенным преклонением перед высшим существом в образе кудрявого мужчины, сохранила столь же стойкую ненависть к Чармизн — жене писателя и предполагаемой виновнице всех его бед.

Нет, виновницей Чармизн не была. Просто она любила себя больше, чем мужа. Была прекрасной спутницей удалого молодца и никудышной — изможденного писателя.

Героиня сохранила любовь и, что важнее для сюжета, волосы писателя. И где-то в пятидесятых годах, когда наука впервые говорила о клонах, разыскала автора идеи, передала ему заветные клетки с генами гения. А ныне, в семидесятых, в разных штатах, в разных странах уже выросли копии — кудрявые сероглазые парни с хорошей улыбкой и скверными зубами, как две капли похожие друг на друга и на Джека, со всеми его задатками и недостатками, то есть:

- на диво трудоспособные и трудолюбивые, волевые, настойчивые, крайне требовательные к себе;

- страстно жаждущие одобрения и уважения окружающих, склонные утверждать себя, добиваться авторитета в любом обществе, азартно вступая в азартную игру, принятую в этом обществе;

- принимавшие правила игры без излишней критики, оправдывающие себя, что везде надо играть по правилам, даже если сама игра сомнительна;

- мечтающие о победах и преклоняющиеся перед чемпионами, в особенности в той игре, где сами потерпели поражение;

- доброжелательные, снисходительные к людям, а к себе предъявляющие самые высокие требования, нередко выше сил человеческих, и надрывающиеся иногда из-за переоценки своих возможностей;

- но в требовательности к себе самих себя обвиняющие в неудаче, согласные себя осуждать, себе выносить приговор (не было ли самоубийство таким самоосуждением?).

Клонам 22 года сейчас. Они вступили в жизненную игру. Пора проявить талант.

Что победит: талант или обстоятельства?

Вероятно, по-разному получится. Но ведь их десять. Статистика покажет.

И вот первая осечка: в худую компанию попал джеклон номер один.

В пятнадцатилетнем возрасте сбежал он из дому. Джеклонам это свойственно. Их прародитель тоже бегал. Номер первый помыкался, изголодался, случайно угодил в тюрьму... Там его пригнали гангстеры. Уголовникиезде отщепенцы, но человеку неприятно себя корить, считать отбросом. Предпочтительнее оправдывать. Гангстеры утверждали, что они честнее честных. Те воруют тайком, ханжески, притворяясь добродетельными, а они грабят открыто, откровенно, с благородным риском для жизни и свободы. И они хвалились риском, удачей и бесстрашием, а также и безжалостной жестокостью, хвалились находчивостью, изворотливостью и несокрушимой верностью. Будто бы верная дружба у них была, дружба до последнего вздоха.

Подлинный Джек своевременно покинул своего тюремного наставника, вышел через черный ход из бара и был таков. Джеклон-1 не вывернулся. Он стал членом банды, принял правила воровской игры, всерьез поверил в уголовный кодекс чести. «Рисковым Джеком» прозвали его. И он оправдал свое прозвище, бравирюя риском.

Миссис Кенингхэм (ослепительная старушка — считать ее матерью или бабушкой всех джеклонов?) нашла этого в камере смертников. Верный чувству бандитского долга, Рисковый Джек прикрывал отход банды. Он застрелил двух полисменов и был приговорен к смерти дважды. Достаточно и одной казни, но закон есть закон. За убийство стража при исполнении обязанностей полагается смертная казнь. За двоих — две смерти.

Друзья-гангстеры предали его. Джека выставляли организатором, всю вину валили на него. Все равно смертник, терять нечего. В одиночной камере красоваться не перед кем, и клон пал духом. Он писал длинные слезливые покаянные апелляции, обливал слезами веснушчатые руки миссис Кенингхэм:

— Бабушка, спаси меня, бабушка, я жить хочу.

Бабушка Кенингхэм спасла внука номер один. Наняла самых дорогих адвокатов, каких-то судей отвела, каких-то подкупила или уговорила, пробилась к президенту с прошением. В результате дело пересмотрели, смертную казнь заменили заключением, даже не пожизненным, всего на 99 лет. С месяц наголо обритая голова клона не сходила с газетных страниц, потом он вышел из моды, о нем забыли, даже мнимая бабушка посещала его не так часто, занятая поиском других клонов, более удачных. И что же в итоге? Год спустя клон-1 покончил с собой, задушил себя под одеялом рукавами собственной рубашки.

Плакал, прося спасти жизнь, и сам же себя уничтожил.

Я так понимаю: позерство оказалось главной чертой этого клона. Он жил как бы на подмостках; «подвиги» совершал, чтобы соратники видели, одобряли, хлопали по плечу, называли молодцом. Кто его мог видеть, кто мог одобрять в одиночке? Сиди и вспоминай, как ловко ты подстрелил двух «копов» с медными бляхами. Маловато материала для 99 лет. Стало ясно, что все позади, одобрений больше не будет никогда, жизнь кончена...

Все было у него от прародителя: усердие, требовательность к себе, смелость, бравада... и такой пустой итог жизни!

Клона-2 долго пришлось разыскивать. Он тоже сбежал из дому, когда исполнилось пятнадцать. Оказался в Южной Америке. Перепробовал там десяток профессий: был матросом, рыбаком, билетером на бое быков, ловил змей для зоопарков, искал зарытые клады инков, заблудился в джунглях, чуть не погиб от голода. В конце концов его подобрала и усыновила сердобольная жена шахтера. И стал он шахтером, как приемный отец и сводные братья.

Стал славным рабочим парнем, рабочей косточкой, рубал уголек, лежа на боку: так принято было во всем мире в начале века, а в Латинской Америке и по сей день. Руки были дешевы там, и владельцы копей не спешили с механизацией. После смены, черный от въевшегося угля, гордо шагал по поселку; в праздники лихо отплясывал, считался заводилой на отдыхе, а на работе — яростным защитником правды, страстно выступал на митингах, входил во все стачечные комитеты.

Когда Красный Педро поднял свое отчаянное и безнадежное восстание в Парагвае, Хуан Гринго (так прозвали клона-2 в его новой семье) вступил в партизанский отряд из первых.

История восстания общеизвестна. Педро — рыцарь и Дон-Кихот революции — свято верил в пушкинскую строку: «Из искры возгорится пламя». Верил, что к искорке — его партизанскому отряду — присоединится сразу вся страна, а за ней и окрестные страны. Потому и выбрал Парагвай — центр материка. По соседству Бразилия, Аргентина, Боливия, за ними Чили и Перу. А там Колумбия, перешеек... за год пламя докатится до Соединенных Штатов.

Увы, повторилась история наших народников. Те тоже шли в деревню просвещать и бунтовать мужика, а мужик отдавал их жандармам со скрученными руками.

Полгода блуждал отряд по тропическим лесам, среди недоверчивых индейцев, не понимавших языка белых, боявшихся их оружия. Потерь было много, присоединившихся мало. Гринго среди немногих. Он был не самым сильным, не самым умелым и опытным, но, пожалуй, самым требовательным к себе. Всегда был готов к походу и бою, с шутками шел сражаться, пошучивал, взваливая тя-

железный пулемет на плечо, с шутками брел по болоту, шутил, укладываясь спать под ливнем. Шутил над болезнями. Ничего не поделаешь, на войне от эпидемий потерь не меньше, чем от пуль.

К осени от отряда осталось пять человек: Педро, Гринго и еще трое. Клон-2 был ранен в последнем бою в плечо и в ногу. Лежа отстреливался. Его окружили, оглушили, взяли в плен.. и расстреляли в тот же вечер. С клоном-1 церемонились: судили, пересушивали, помиловали. Но тот был только бандит, угроза для одного собственника, не для собственности, заблудшая овца, но из своего стада. Шахтер, восставший против всех шахтовладельцев, оказался куда опаснее. Его без проволоочки поставили к стенке. «Да здравствует свобода!» — успел крикнуть он.

Не пал духом, не плакал в отличие от своего близнеца, не вымаливал жизнь.

Стало быть, не от наследственности зависит стойкость. Стойко умирает тот, кому есть за что умирать.

Может быть, этот клон проявил бы талант, если бы пожил подольше. Но пуля поставила точку.

Пока 2:0 не в пользу таланта. Среда, оказывается, сильнее.

Впрочем, подождем делать выводы. Еще восемь проб впереди.

Наверное, самым счастливым должен был стать третий клон, который тоже убежал из дому, но с бродячим цирком. Он делал стойку в пирамиде, жонглировал, кувыркался, ходил по канату и был доволен, поскольку все джеклоны хотели жить на подмостках и срывать аплодисменты. И этот рисковал ради аплодисментов, а товарищи качали головой:

— Славный малый, но безрассудный. Шею сломает когда-нибудь.

Однако бродячие цирки доживали последние дни. Кино их подшумло, телевидение доконало. Когда труппа распалась, клон-3 прибил к Голливуду. Парень был хорош собой, крепок, ловок, великолепно плавал, еще лучше вольтижировал, даже по канату мог ходить. Все основания, чтобы стать экранной звездой, суперменом в кино. Зубы подвели. Сиверные зубы! Нет кинематографической улыбки. Продюсеры браковали его, все до одного.

Лицо не удалось продать за миллион долларов, пришлось продавать кровь и мускулы. Дублируя зубастых счастливчиков, клон-3 за них выполнял рискованные номера: нырял с вертолета в море, прыгал с поезда в автомобиль, ходил по канату над пропастями, взялся пройти над Ниагарой.

Видел * эту Ниагару, довелось. Зрелище, надо признаться. Две реки (между ними остров) рушатся с высоты 12-этажного дома. Правый поток дробится на скалах, левый падает жидкой стеной.

Вода идет так быстро и плотно, что монеты не тонут, их несет по поверхности. Брызги куполом, радужный туман, чайки в нем носятся, белый пунктир прочерчивают.

Клон-3 сорвался, соскользнул с влажного каната.

Слишком охочи к риску были копии Короля славных парней (так именовали Джека Лондона при жизни).

Кто не рискует, тот не выигрывает... но и не проигрывает.

0:3 не в пользу клонов!

Без всякого удовольствия примусь я за жизнеописание клон-4.

Нашелся, наконец-то, один не сбжавший из дому. Вырос на Юге, в благопристойном респектабельном семействе с фамильной гордостью, фамильными традициями. Воспитание преодолело тягу к дальним странствиям. Четвертый благополучно кончил колледж и, похоронив приемных родителей, получил в наследство участок земли и два дома в Нью-Орлеане.

Получил и включился в национальную азартную игру, которая называется «Погоня за миллионом долларов». Принял правила этой игры. Первое: «у кого денег больше, тому достается все: почет, власть, слава и все удобства по прейскуранту». И правило второе: «деньги не пахнут». И третье: «кто смел, тот и съел».

Его деньги пахли мусором, грязным тряпьем, сырой штукатуркой. Он заселил свои дома неграми и эмигрантами, главным образом — мексиканцами, перебравшимися нелегально через границу в надежде на заработок. Эмигранты боялись высылки, поэтому претензий не предъявляли, а денег платили больше — опасались поднять шум. Можно было затолкать по шесть человек в комнатенку, доход получался нескверный. Правда, приходилось давать взятки полиции, санитарной инспекции, а также и гангстерам, чтобы не грабили и других отвадили бы. Клон-4 был джентльменом, его мутило от нечистоплотных клиентов, нечистоплотных партнеров и нечистых операций. Но деньги не пахнут. Джентльмен утешал себя, что таковы правила игры.

Все равно, четвертое правило он упустил, не мог не упустить; все учебники и все газеты так старались затушевать его, уверяли, что в игре «Погоня за миллионом» шансы игроков совершенно равны, как у бегунов на старте. Но четвертое правило существует и гласит оно: «деньги текут к деньгам». Игроки садятся за стол с разной мощной и выигрывает почти всегда, за редкими исключениями, тот, у кого мощна набита ту же. А энергия, расчет, сметка, проворство, талант — это все вторично.

И клон разорился. Проиграл молодой, энергичный, образованный, талантливый и сметливый бизнесмен. Игрок покрупнее заплатил дорожке полиции и гангстерам. Посыпались штрафы и налеты, обследования и пожары. Дома и землю пришлось продать. Нищим

клон-4 не стал, но из игры его вытолкнули, отобрали мечту о большой куче долларов. Он потерпел поражение и люто возненавидел... но не победителей; к победителям он питал почтение, а тех, кто «испортил» чистоту чистого капитализма («Лэс фэр» называют за океаном эту голубую мечту). Клон проникся ненавистью к рыжим ирландцам-полисменам, к смуглым и курчавым врачам-евреям, а в пущу всего — к бессовестным неграм и голодранцам из Мексики, не способным по-человечески оплачивать человеческую квартиру. Из-за них (из-за них, оказывается!) он вынужден был нарушать санитарные правила, из-за них мозолил глаза полиции и платил штрафы.

Вытесненный из бизнеса, клон-4 перешел в политику.

Он молод, напорист, начитан, речист и переполнен страстной ненавистью. Его уже заметили, выдвигают. Кажется, он сделает карьеру, будет судьей, возможно, даже губернатором или сенатором. Успех? Да, но где же творческий талант?

Клон-5 стал фермером, клон-6 — горным инженером, работает в Колорадо, клон-7 — мелкий торговец, клон-8 — дорожный мастер. Все они преуспевают в своем деле, во всяком случае, стараются преуспеть, срываясь то и дело из-за склонности к риску. Но я не буду пересказывать их биографии. И эти четверо разочаровали миссис Кенингхэм, потому что не совершили и не обещают совершить ничего выдающегося.

Но вот забрезжила надежда: клон-9 вышел в писатели.

Он вырос в гуманитарном доме, где книги были в чести и писатели в чести. И там еще в детстве заметили, что он как две капли воды похож на Джека Лондона.

Мальчик загорелся. Похож лицом — судьба! Захотел доказать, что сходство не только внешнее, он станет знаменитостью, как покойный Джек. Подражая прототипу, пустился в странствия, подражая прототипу, спал не более 5 часов в день, по 14 часов сидел над книгами.

Естественно, обстановка изменилась с начала века. Джек Лондон был траплом — железнодорожным бродягой, клон использовал «хич-хайк» — странствовал на полутных машинах. Джек Лондон был моряком, клон стал летчиком-испытателем, потом истребителем, потом военным корреспондентом во Вьетнаме. Джек Лондон штудировал историю и социологию, клон-9 нажимал на физику и генетику.

Постранствовав, он тоже уселся за письменный стол и положил себе норму: тысяча слов в день, ни дня без тысячи! Через два-три года начали выходить в свет книги, написанные просто, правдиво, мужественно, в хорошем стиле. Но...

«Зачем нам второй Джек Лондон?» — говорили критики.

И не в качестве была заповедь. Клон-9 писал не хуже. И в повторениях его не упрекнешь, у него были свои наблюдения, свой круг тем. Изменились требования читателей за семьдесят лет. Не повысились, а изменились.

Джек Лондон воспевал энергию, силу и мужество. И стал он кумиром в ту пору, когда, проявляя энергию, силу и мужество (или беззащитное нахальство), американцы перли в чужие страны. Нередко энергия приносила тогда и доллары. Сам-то Джек Лондон стоял за революцию, но среди его почитателей не революционеры были в большинстве. Читатель воспринимает книги избирательно, склонен извлекать то, что ему самому по душе, текст понимает не буквально, а иносказательно, перенося героя в привычную для себя обстановку. Как не вспомнить, что во времена завоевания Америки испанцы зачитывались рыцарскими романами. В романах благородные паладины сражались со злыми волшебниками, чтобы вызволить из неволи прекрасных страдалец. За океаном не было ни волшебников, ни пленных царевен; читатели грабили и убивали голых индейцев, не ведавших никаких чар, не знавших пороха и даже железа, насиловали их смуглых жен и дочерей. Но как же приятно было приукрасить грабеж, воображая себя рыцарем, просветителем, спасителем заблудших душ, несущим темным дикарям высоконравственное христианство.

Увы, боюсь, что Джек Лондон помогал приукрашивать колониальный грабеж, одевая грабителей в мантию героической отваги. Мантия была мишурной, не в том суть. Мишурой оказалось процветание, основанное на грабеже. Джек Лондон сам себя вычеркнул из жизни в 1916 году, это было преждевременно. Но жизнь вычеркнула бы его из бестселлеров в 1929 — в год начала великого кризиса. Именно тогда разом рухнули устои процветания, и американские читатели замесались в недоумении: где же наш роскошный мир, в котором мужество и деловитость приносят зеленые долларовые плоды? И вышли тогда на первый план другие писатели, пристально приглядывающиеся к этому обманчивому, неверно понятому миру: Хемингуэй, Фолкнер, Стейнбек, Драйзер. Что бы писал Джек Лондон в эпоху кризиса? Простился бы с экзотическим Севером и экзотическим Югом? Был бы популярен по-прежнему со своей темой стойкого мужества?

Но это особая тема — не из параллельных, а последовательных — продление жизни великого человека...

Байрона, Шелли, Маяковского, Есенина, Лермонтова, Пушкина...

Нет, это мне не по плечу. Спустимся с тех высот к клонам.

Девятый писал в Соединенных Штатах во второй половине века, в стране, давно забывшей бодряческие настроения эпохи Джека Лондона. Читатели теперь трепетали перед будущим, страшились

атомного пожара, сетовали на безрассудство науки, охотно брали романы о «MS» — безумных ученых, из тщеславия выдумывающих всякие пакости. Для успокоения читали розовые романтические вздохи о добрых старых временах нетронутого капитализма и нетронутого феодализма, например, о доброй старой Англии с милыми эльфами и гномами, смешивали перламутровую сентиментальность с кровавыми «триллерами» (как перевести? «Дрожь вызывающими», «содрогаящими» преступлениями) или с сексуальными извращениями. Ясное, четкое джеклондоновское мужество уже не убеждало. Они же понимали, что личное мужество не выручит в атомной войне.

А клон-9, подобно своему прототипу, был здоров, крепок душой, отважен и воспевал отвагу.

Далее произошло самое грустное.

Художнику трудно устоять перед почитателями. Критики бранили клон, читатели со вкусом проявляли равнодушие, зато подхваливали милитаристы. Клон воспевал мужество летчиков, а где были летчики? Во Вьетнаме. Клон-9 начал править, в его творчестве все сильнее звучат реакционные нотки, воинственные, охранительные. Он жив, пишет искренне, хлестко... и неинтересно. Думаю, что безнадежен. Может ли стать великим писатель, воспевающий мужество бомбометателей? Чьи чаяния он выражает? Не народные.

У его прототипа мужество было революционным.

9:0 в пользу среды.

Безнадежно? Но ведь Джек Лондон пробился. Значит, какие-то шансы все же есть у талантливых. Если не один из десяти, может быть, один из ста, один из тысячи побеждает неблагоприятную среду.

Впрочем, и среда бывает разная. Не везде неблагоприятная.

Но у миссис Кеннингхэм не было тысячи клонов. Всего десять. Девять проигрышей. Остался один. Тут уж рисковать нельзя. Надо выращивать, создавать нужную обстановку.

К сожалению, и этот младший уже сорвался из дому. Сбежал! Куда?

Здесь я, конечно, изрядно помучаю и миссис Кеннингхэм и читателей. Заставлю искать беспокойного клон на Аляске, в Заире и в Индии, находить и терять следы, подлинные и ложные. А потом он выплывет у меня в Одессе.

Как он попадет в Одессу? Каким путем? Морским, конечно. Приплывет юнгой на сухогрузе, сломает ногу, сорвавшись с мачты, его положат в больницу. Сухогруз, само собой разумеется, уйдет, не станет задерживаться из-за юнги, а парень окажется в интернате.

По своей воле останется. Из любопытства и самолюбия. Лежа в

больнице узнает, что советские сверстники куда грамотнее... и не потерпит. Не может быть он не самым первым.

И вот он у нас, рядом, учится в школе-интернате — чемпион славных парней, кумир озорников, гордость и тяжкий крест воспитателей.

Воспитывается. Можно направить. Куда? В чем проявить ему врожденную незаурядность? Стихийный успех не получился у девяти клонов. Что же подсказать разумного десятому?

Характер его дан, способности известны, описаны выше.

Мужественный поклонник мужества, несколько склонный к отчаянному риску.

Спортсмен в душе, ценитель всякой борьбы, всякой игры по правилам, даже если игра не стоит свеч.

Стремящийся и умеющий доказать, что он не хуже, еще и лучше других.

Трудыга, требовательный к себе, упрямый методист... и легко срывающийся с места неведомо куда.

Твердый орешек с мягкой сердцевинкой.

Направить его в спортсмены? Но я сам же твержу на всех выступлениях, что спорт — это не специальность. И разве у Джека Лондона были задатки чемпиона? Он пробовал все понемножку. И здоровье подводило его не раз, видимо, не было особой крепости. Талант-то был литературный. Пропадать этому дарованию?

Сделать его писателем? Не очень уверен я, что так уж нужен в современной литературе человек со вкусами к бродяжничеству. Такой будет материал собирать, широко брать, а мы все требуем: «Глубже!»

Не уверен. Сомневаюсь. Возможно, ошибаюсь.

Впрочем, клон-10 и сам не собирается быть писателем. Его, конечно, тянет в космос.

Но я сам пишу и твержу, что космонавт — не профессия в XXI веке. Космос — место работы. Там нужны будут летчики, инженеры, астрономы, физики, геологи... да, и геологи для изучения лунных кратеров, вулканов Венеры, русел Марса. Может быть, они называться будут иначе, без «гео» — «земле...» Планетологи? Литопланетологи?

Не сделать ли клона геологом — космическим? Вот где понадобится мужество.

Но смущает меня его тяга к одобрению зрителя. Геологу, космическому в особенности, нужно быть отважным в одиночестве, мужественным без свидетелей, перед самим собой. Проявит ли выдержку в пустыне копия Короля славных парней?

Еще поискать надо профессию для героя.

Ищу.

И вы ищите. Завершайте по-своему. Такое введем правило для романов-эскизов: условия задачи от автора, а решение читательское, личное, у каждого свое.

АНДРЕЙ БАЛАБУХА

Двое

— Где ж лучше?

— Где нас нет!

А. С. Грибоедов

1.

Как и все помещения станции, диспетчерская была высечена в скальном массиве глубоко под поверхностью планеты. Однако стоило взглянуть на огромные — во всю стену — экраны, распахнутые в беззвучный, пылающий ад поверхности, как Спиру начинало казаться, что он находится в легкой беседке, отделенной от окружающего мира лишь тонкими пластинами спектрогласса. При одной мысли об этом его бросало в жар, и он переводил взгляд на другой экран, где на координатной сетке распластался гигантский спрут рудника. С каждым днем очертания его слегка менялись: щупальца изгибались, вытягивались, следуя направлению рудных жил; казалось, моллюск дремлет, лениво пошевеливаясь в обтекающих его струях воды.

Спир подошел к пульта, расположенному перед этим экраном, и нажал несколько клавиш. В одном из темных до того секторов вспыхнуло изображение: могучий, матово поблескивающий даймондитовой броней крот, вгрызающийся в тело планеты. Собственно говоря, это не было настоящим изображением, потому что камера в лучшем случае могла бы увидеть из туннеля заднюю часть туши этого крота, откуда сыпалась на транспортер измельченная и обогащенная руда. Это была схема, но схема достаточно впечатляющая. Спир еще несколько мгновений смотрел на нее, потом выключил и пробежал глазами остальные экраны.

Все в порядке. Да и не может быть иначе. Вернее, не было ни разу за все его дежурство. Если бы не могло быть, его бы не было здесь. В этом полностью автоматизированном комплексе человек был лишь страховочной лонжей, дублером на всякий случай. И ожидание этого неизвестного случая, к которому надо быть готовым в любой момент, было тягостнее всего.

Спир пересек диспетчерскую и сел в кресло перед блоком связи. Подумал, потом набрал вызов. Экран остался темным, но из селектора раздался голос:

— Кто это? Ада, ты?

— Нет, это я,— сказал Спир,— посему можешь предстать и не одетым.

Тотчас же экран распахнулся в диспетчерскую, копию той, в которой находился Спир. Только сидел в ней совсем другой человек: огромный, мохнатый и голый, если не считать плетеных сандалий и узенькой набедренной повязки.

— Здравствуй, Спиридоша,— проворковал он,— надеюсь, я тебя не шокирую?

— Безумно, Джорди,— отозвался Спир,— когда-нибудь я подключу к разговору Аду, чтобы она увидела тебя во всей красе и узнала, на что идет. И я сделаю это наверняка, если ты еще хоть раз назовешь меня Спиридошей.

Спир не любил, когда его так называли. Но вот уже скоро год, как все его разговоры с Джорданом начинались с этих фраз — везде и всегда создаются свои, пусть микро, но традиции.

— Исправно ли трудятся твои рабы, о надсмотрщик? — На досуге, которого здесь было хоть отбавляй, Джорди изучал древнейшую историю.

— Исправно. И хотел бы я знать, как еще они могут работать? В этом и есть отличие роботов от рабов.

— Философ,— проворчал Джорди,— диалектик... Слушай, диалектик, а как тебе понравится такое рассуждение: развитие происходит по спирали; любое явление повторяется в новом качестве; так первобытное рабовладение на следующем витке обернулось научным рабовладением. Каково, а?

— Бред собачий,— коротко сказал Спир.— Вот и вся твоя диалектика.

— Бред? Да еще собачий? Отменно! Возьму на вооружение. И все-таки, согласишься, с точки зрения формальной логики такое построение безупречно!

— Вот и построй его перед Адой,— сказал Спир, чувствуя, как в нем начинает подниматься смутное раздражение.— А я пошел спать.

— Приятных сновидений, рабовладелец! — крикнул ему Джорди, ставая с экрана.

По дороге в спальню Спир заглянул в ангар. Здесь в ожидании своего часа дремали роботы: монтажники, наладчики, электропробойные проходчики и множество других — целая армия, главнокомандующим которой здесь, на Шейле, был он; армия, ждущая его приказа о мобилизации. Людей же на планете было всего пятеро на

пяти рудниках, разделенных десятками тысяч километров: Джорди, Ада Ставская, Сид Сойер, Иштван Кайош и Спир. Пятеро робовладельцев, на каждого из которых приходилось больше тысячи роботов. Вот здесь ты и наврал, Джорди,— подумал Спир,— они работают не на нас, так же как и мы трудимся здесь не для себя, а на все Человечество. Человечество, приславшее нас сюда.

Перед тем как лечь спать, Спир подошел к шкафу, в котором хранились кассеты с гипнограммами, и остановился, перебирая маленькие черные цилиндрики. «Оператор рудника на Шейле». Ну нет, этого с него хватит и так. И вообще, кто это придумал называть женскими именами все самое пакостное: сперва тайфуны, потом планеты вроде этой, где можно выйти на поверхность максимум на пять минут, да и то в скафандре высшей защиты. Интересно, каков же был характер у той Шейлы, именем которой назвали этот мир, подумал он. Должно быть, соответственный... Ну да ничего, до смены осталось уже меньше месяца. А там за ними придет «Канова» — и конец всему этому ожиданию, этому одиночеству... До чего же это здорово — затеряться среди людей! Муравей или пчела гибнут, если их отделить от сообщества, они нуждаются в биополе коллектива. Может быть, человек тоже? Только у человека в этом больше психологического, чем физиологического.

«Праздник Падающих Листьев в Пушкине, Земля». Это подойдет. Спир вставил кассету в гипнофор, разделся и лег. Едва он уснул, над ним раскинулись кроны многовековых деревьев парка. И всюду: в аллеях, на прудах, в воздухе — везде были люди, головокружительно-пестрый, хаотический рой людей. Улыбаясь, Спир шел по аллее. Он был счастлив.

2.

Ласло Колондз медленно пробивался к выходу из парка. Он мысленно репетировал все, что скажет завтра Евгению, затащившему его сюда, а потом бросившему на произвол судьбы. Правда, сперва это было даже неплохо, забыв обо всех делах, окунуться в пестрый, неистовый гомон праздника. Для начала они забрались на башню-руину и, нацепив крылья, долго планировали над парком, залитым феерическим светом цветных «сириусов». Потом блуждали по лабиринту аллей, то и дело сталкиваясь с кем-то, раздражаясь беспричинным смехом, Ласло даже усомнился было в беспочвенности всех этих рассуждений о биополе, — настолько заразительным было общее веселье, сам дух праздника.

Потом начались танцы. Евгений удрал с какой-то девицей, и Ласло долго смотрел, как они кружились и выделяли замысловатые па метрах в тридцати над землей. Некоторое время он еще

поджидал Евгения, но потом его унесло течением толпы, и теперь он медленно, но верно пробирался к выходу.

На пруду, нацепив водомерки, вокруг Чесменской колонны водила хоровод какая-то компания, во все горло распевавшая что-то модное и разухабистое. С минуту Ласло наблюдал за ними, но смеяться ему уже почему-то не хотелось.

Внезапно что-то скользнуло перед самым его лицом. Он рефлексивно отпрянул и протянул вперед руки. Это оказалось букетом — маленьким, ароматным букетиком, и Ласло задрал голову, чтобы понять, откуда же он взялся. Но увидел он только чью-то темную фигуру, со смехом взмывающую на гравитре. Ласло засунул букетик в нагрудный карман и двинулся дальше.

Навстречу ему, негромко разговаривая, шли двое.

— ...иначе нельзя этого понять, — услышал Ласло, поравнявшись с ними. — В самом деле, осень — это прежде всего грязь и слякоть. Морось. Во всяком случае, в те времена. А тут: «Унылая пора, очей очарованье!» Этого не поймешь вне парка! Не правда ли? — говоривший взял Ласло за рукав. — Вы согласны со мной?

— Согласен. Особенно, если учесть, что в те времена здесь не было таких толп, прогоняющих и уныние, и очарование.

— Мизантроп! — проворчала фигура, отпуская Ласло. — Пошли дальше, Сережа. Так о чем я говорил?..

Парящие в воздухе «сириусы» — в основном желтых и красных тонов — бросали блики, скользившие по земле, словно тени от облаков; точно рассчитанный ветер срывал с деревьев листья, и они легко планировали в этом неверном свете, чтобы улечься под ноги мягким шуршащим ковром. Какая-то девушка с разбегу натолкнулась на Ласло, рассмеялась, потом, взглядевшись в его лицо, позвала:

— Ребята! Сюда! Здесь Хмурый Человек! Скорее! — потом лукаво обратилась к Ласло: — Или, может быть, не хмурый, а просто Очень Серьезный Человек? Только откровенно!

— А вы производите массовый отлов хмурых?

— Мы их перевоспитываем.

— Интересно, каким же образом? — это становилось любопытным.

Пока они разговаривали, их окружила группа людей, среди которых Ласло, против ожидания, заметил не только молодежь, но и своих сверстников, даже кого-то из Центра. Похоже, что за него возьмется всерьез.

— Смотрите, у него мой листок! — девушка сняла с плеча кленовый лист и приложила к тому, что был приколот к куртке Ласло: осенний лист был эмблемой праздника. В самом деле, листья почти совпали.

— Теперь вы мой рыцарь! — продолжала девушка. — И будете исполнять мои желания. Прежде всего — улыбнитесь!

Ласло улыбнулся.

— Ну вот, так уже гораздо лучше! А теперь пойдете танцевать.

...До дому он добрался только к четырем часам утра.

Плакала моя статья, думал он, потягиваясь под тугими струями душа. А завтра придут Нелидовы. Борис просил рассказать о Болдинской осени, кажется, он работает сейчас над новой повестью... Поговорить с ним надо. И будет моя статья лежать на столе еще кто знает сколько...

Ласло прошел в спальню и остановился у окна. Отсюда открывался вид на парк. Вдали, за парком, высилось здание Пушкинского Центра, в котором Ласло работал уже почти двадцать лет. Здесь собиралось и изучалось все, имевшее хотя бы косвенное отношение к творчеству Пушкина.

Уйти бы в монастырь, подумал Ласло. Или податься в отшельники. И спокойно писать статью. Торопимся, толпимся... Вот два часа разговаривал с этой девичей, а теперь могу ли я вспомнить хоть слово?

Он подошел к гипнофору и вложил в него маленький цилиндр кассеты. Потом лег, закрыл глаза — и через мгновение оказался в просторной диспетчерской рудника на Шейле. Он оглядел экраны — конечно же, все в порядке, — подошел к столу и сел писать статью. Уж здесь-то ему никто и ничто не помешает!

Ласло спал и улыбался — там, на Шейле, он был счастлив.

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

И все такое прочее...

Близился поворот, за которым должна была открыться Река Счастья, как Таволгин ее называл, Руна, как ее называли географические карты. В глухих берегах, где от ягод черники сизовела трава, речка, свиваясь в тугие узлы струй, неслась через перекаты и долгим и тихим заводям, куда поплавков падал, как в поднебесное зеркало, и не было в ней числа быстрым хариусам, темным сигам, красноперым язам, всему, что так редко на нынешней земле.

Дрожа от сладостного нетерпения, Таволгин повернул руль. И Руна открылась.

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку...

Под обрывом, как прежде, в солнечных вспышках бежала вода, взгляд, как прежде, очарованно устремлялся вдаль к кипучим порогам, нависшим теням сосен, чреде скал, за которыми угадывался другой, столь же извечный пейзаж. Но посреди заветной поляны три вездехода тупыми рылами моторов осадили громоздкий, с чем-то радиотехническим наверху автофургон, вокруг которого сновали люди, все ловкие, как на подбор, в одинаковых, точно форма, зеленых куртках.

Первым намерением Таволгина было развернуть машину и поскорее умчаться. Но куда? Другого подъезда к реке не было. Правда, дальше по берегу еще оставались сырые полянки, куда в ожидании приезда друзей можно было приткнуться, мирясь с нечаянным и досадным, но, может быть, временным соседством.

Таволгин медленно тронул машину. Ее тотчас заметили, и несколько лиц повернулось в каком-то недоумении. От группы отделился человек постарше и пошел наперерез тем уверенным и непререкаемым шагом, от которого Таволгину сразу стало не по себе.

И точно. Лениво подразумевающий обязательное исполнение взмах руки был красноречивей слов. Странно чувствуя себя уже в чем-то виновным, Таволгин затормозил.

— Запретного знака не видели? — бесстрастно, как и шел, спросил человек и только после этого обратил на Таволгина взгляд.

Тот еще ничего не успел ответить, только распахнул дверцу, чтобы объяснить, когда лицо спрашивающего внезапно удивилось и не то чтобы обрадовалось, но приобрело живой интерес.

— Фью! — присвистнул он. — Родимчик!.. Ты здесь какими судьбами?

Слово «Родимчик» напомнило Таволгину все, и он тоже узнал человека. Таволгина звали Вадимом, но в детстве, желая избеленить, его дразнили Вадимчиком-Родимчиком, а придумав это прозвище Родя, Родион Щадрин, и вот, постаревший, он был здесь, на Руне.

Воспоминания детства, как и положено, давно подернулись лирической дымкой, и Таволгин даже обрадованно выскочил из машины, пожал протянутую руку и от ошеломления выпалил явно неуместный контрольный вопрос.

— А ты здесь откуда взялся?

В глазах Родиона Щадрина зажегся тот давний огонек насмешливости, каким он, бывало, отстранял неуместные расспросы о деятельности возглавляемого им школьного совета.

— Обычное задание, старина. А ты никак порыбачить собрался? И даже «кирич» проморгал? Завернуть тебя следовало бы, да уж...

— Постой, о чем ты толкуешь? Почему, какой запрет?

— Какой надо. Машину убери к нашим.

— Или набегашься с ее ремонтом. Делай, делай, как сказано.

Знакомые нотки! В школе Родиона Щадрина недолюбливали за тон превосходства и прозвали «Пружинчиком», что метко отражало его манеру живо вскакивать на собраниях для подачи нужных реплик и слов. Но парнем он был деловым, в общем, своим, первым в футболе, танцах и умении к общей выгоде ладить с учителями, так что его аккуратно избирали и переизбирали, благо особого желания возглавлять, проводить мероприятия, давать накачку за плохую успеваемость ни у кого не было, а у него было.

Усмехаясь и поварчивая, Таволгин подогнал машину, куда указал Щадрин. Встреча его заинтересовала. Хотелось выяснить и то, долго ли еще намерена пробыть здесь вся эта команда. Не давала покоя и такая мысль: по какому, собственно, праву Щадрин взял да и закрыл для всех реку?

Выйдя из машины, Таволгин коротко поклонился зеленокурточным молодцам, ожидая, что парни в ответ щелкнут каблучками или сделают еще что-то военизированное. Ничего подобного не произошло. Он был удостоен легких, впрочем, уважительных кивков, беглых полуулыбок, и все снова принялись за дело — тянули кабель, расставляли шатровую палатку, таскали в фургон какую-то аппаратуру.

— Думаете поймать здесь сигналы космических пришельцев? — настроиваясь на небрежный тон старого знакомого, кивнул в их сторону Таволгин.

— Вроде этого, только наоборот, — усмехнулся Родион Щадрин. — Ладно, рассказывай. Кто ты теперь?

Таволгин не любил таких подразумевающих ранг и службу вопросов, поэтому ответил привычно.

— Человек, как видишь.

— Хм... — сощуренный взгляд Щадрина будто взвесил его со всем содержимым. — Вижу. Наблюдаю признаки сидячего образа жизни, книжной анемии и интеллигентной близорукости. Да, время, время... Спорт, надо полагать, забросил?

— А ты?

— Предпочитаю яхту и теннис.

Щадрин повел плечами, как бы проверяя налитость мускулов. С внутренней усмешкой и пониманием Таволгин отметил про себя этот жест сравнения. Время, что и говорить, пошло Щадрину на пользу. В нем мало что осталось от бывшей гибкости «Пружинчика», он заматерел, посолиднел, обрел уверенность крепкого, на вид мужчины.

— Яхты не имею, — прочеркивая контраст, сказал Таволгин.

— И зря! Кто же ты все-таки по профессии?

— Историк.

— А-а! В каком году произошла битва при Саламине и все такое прочее. Ясно, ясно...

Как не привык Таволгин к тому, что упоминание об истории сплошь и рядом вызывает такую реакцию легкого пренебрежения, сейчас она его задела. Конечно, другому не навязывай свою убежденность, что лишь знание и понимание хода истории, то есть социального опыта всех проб, достижений и ошибок человечества, способно осветить закономерности, остеречь от глупостей и наметить разумную тактику на будущее. Но уж суд таких, как Родя...

— Да, да, битва при Саламине и все такое прочее,— будто соглашаясь, сказал Таволгин.— А у тебя,— он быстрым взглядом окинул становище,— антенны, железки и все такое прочее?

— Маракуюем помаленьку,— снова усмехнулся Щадрин.— Надо же и НТР кому-нибудь двигать. Я, видишь ли, радиофизик, но сейчас меня переключили на биологию, поскольку это сейчас самое существенное звено. А ты небось в своей области тоже доктор, профессор?

Настороженное внимание Таволгина не уловило в вопросе скрытой издевки. Хотя подобная встреча с одиокашником почти неизбежно таит в себе момент ревнивого сопоставления успехов, а Родион был куда как честолюбив, сейчас, приподнятый важностью своего дела, он, похоже, спрашивал даже с желанием видеть Таволгина не слишком обделенным судьбой. «Толстый и тонкий!» — пронеслось в уме и предредило ответ.

— Да,— кивнул он небрежно.— Доктор, профессор, лауреат, и все такое прочее...

Ему тут же стало совестно за эту, достойную вельможи или глупца, самотитулатуру, но у Родиона подпрыгнули брови.

— Скажи-и, кого я чуть не шуганул, как зайца! — протянул он и тут же добавил поспешно: — А в академию ты избран?

— Нет, не удостоился.

— Ничего, старина, ничего,— обретая добродушие, Щадрин приятельски потрепал его по плечу.— Будем еще там, будем, наш класс широко шагает... Решено: сейчас мы тут разместимся, потолкуем накоротке — ни, ни, ни! — никаких возражений, ты мой гость!

— Но у тебя дело, какие-то секретные опыты, я, право...

— О, опыты! — не переставая широко улыбаться, Родион доверительно понизил голос.— Строго между нами: это... Впрочем, увидишь сам. Тоже своего рода история!

— Вроде битвы при Саламине?

— А что? Извини, я малость тебя покину, а то, боюсь, мои мальчишки что-нибудь напутают... Ты пока распаковывайся, распаковывайся!

Родион шариком откатился к эпицентру деловых событий, и его четкий уверенный голос сразу переключил работу на высшую скорость. Таволгин остался со своими смутными мыслями наедине.

Он отошел к высокому обрыву, зачем-то постоял на юру, безотчетно любуясь живым током воды. В голове был легкий сумбур, досада на непредвиденные обстоятельства, умеряемая интересом к многозначительным намекам Щадрина и к нему самому. Что бы значила вся их таинственная тут деятельность?

Таволгин склонен был очень серьезно относиться к тому, что зреет в тишине, ибо прекрасно понимал, что облик будущего часто определяют не громкие для современников события, а как раз незаметные. Главы учебников посвящены крестовым походам, неудачной попытке Запада овладеть торговыми путями Востока. Но — какова ирония? — не громоносные битвы религий в конечном счете изменили расстановку сил, а скорей уж «латинский парус», который на деле не был даже европейским изобретением, а был придуман безызвестными арабскими мореходами. Перекочевав к потомкам побежденных крестоносцев, этот парус умножил возможности европейских кораблей, открыв им со временем простор океана. И началась эпоха Колумба, и сдвинулись пути мировой торговли, и мохом порос источник былого могущества, и точно злой волшебник погрузил в спячку блистательные дворцы мусульманских владык. А чем в конечном счете стали для феодализма суппорт и паровая машина? Будущее идет скрытыми путями...

От размышлений отвлек новый этап деятельности родионовской команды. Откуда-то появились колья, мотки колючей проволоки, и площадку с машинами скоро опоясало крепкое ограждение. Щадрин распоряжался, как прораб, его зычный голос далеко разносился окрест. Складывалось впечатление, что Родя немного играет на публику, и эта публика прежде всего он, Таволгин. А почему бы и нет? В школе меж ними не возникало соперничества, ибо там, где Родион был первым, Таволгин оказывался едва не последним, только учились оба одинаково. И все-таки что-то было... И даже понятно что. В мальчишеском возрасте свойственная Родиону победительность особо привлекательна. И наоборот, пренебрежение Таволгина к вещам, которые Родион так высоко ценил, уж не воспринималось ли им как скрытый вызов? Недаром же он тогда придумал это насмешливое и умаляющее прозвище — Родимчик... Не задеваешь того, к кому равнодушен. Тем, верно, неприятней было Родиону узнать, что скромный сверстник достиг, согласно им самим приня-

той шкале оценок, больших, чем он сам, успехов. «Смешно, если это действительно так,— покачал головой Таволгин.— Какие же мы все-таки дети...»

Удивление его при виде колючей ограды возросло.

— Блиндаж строишь? — бросил он, когда Родион приблизился.

— А ты чего не распаковываешься? Все философствуешь? В тихом омуте, знаешь ли... Пошли!

— Прежде объясни, пожалуйста...

— Все в свое время или немного позже,— сверкнул улыбкой Щадрин. Он взял его под руку и отвел за ограду. — Эй, орда, прошу любить и жаловать: мой однокашник и друг, светило исторической науки Вадим Таволгин!

Ребята повскакали.

— Во-первых,— сморщился Таволгин,— мы уже...

— А во-вторых,— немедленно перебил Родион,— мы тебя сейчас напоим-накормим и кое-что покажем! Как, ребята, покажем!

— Покажем! — не без гордости грянул одобрительный хор.

— Хороши молодцы, а? — восхищенно подмигнул Щадрин. — Все лучшие мои ученики, энтузиасты, за передовое готовы в огонь и в воду, что Костя, что Феликс, что Олег, что...

Таволгин едва сдержал ироническую улыбку, ибо дурашливый бесенок юмора нектати шепнул ему, что Родион сейчас малость похож на хвалящего своих мужиков Собакевича.

Покончив с представлением, Родион легонько подтолкнул Таволгина к приветливо распаханному пологу шатровой палатки. Там уже был стол, накрытый по-походному мужской рукой, но щедро. К своему неудовольствию, Таволгин обнаружил в центре и пару бутылок. Он не то чтобы не пил вовсе, но ему всегда казалось преступлением вот так, походя, травмировать свой мозг, лишая себя ни с чем не сравнимого удовольствия ясно и четко мыслить. Правда, утешала ничтожность выпивки. Но кто знает, что еще тут будет вечером...

— Ну, по маленькой для разогрева!

Родион живо опрокинул столку, и все последовали его примеру. Выпили и вторую — за встречу. Парни ели так, что за ушами трещало. Порой завязывался разговор, но все о вещах специальных, понятных всем, кроме Таволгина, который все более чувствовал себя лишним в этой крепко сбитой родионовской команде. Про себя он лишний раз отметил, что о существенном, о деле, люди все более разговаривают на марсианском для постороннего языке — и к чему же все это ведет?

Но интонации были доступны Таволгину. В них улавливалась какая-то напряженность. Не взаимоотношений, нет; тут была полная

спаянность. Что-то внешнее или предстоящее скользило меж слов подавленным волнением.

— Двинем сегодня на полную мощность,— внезапно, не в лад предыдущему сказал Родион. Стало тихо.— Вот так!

Он рубанул воздух и обвел всех взглядом.... Кто-то крикнул, слышались нестройные голоса: «Верно...», «Все равно придется...», «Давно пора!» Голоса точно подбадривали друг друга. В них диссонансом вплелось сомнение Кости в устойчивости какого-то частотного фильтра.

— Как бы нас самих... ненароком...

— Не ходите, мальчики, в Африку гулять? — откинувшись, с жесткой насмешкой глянул на него Родион.— Во-первых, мной все просчитано. Во-вторых, мы сами выбрали этот ха-ароший обрывчик... И вообще на нас смотрит история!

Он поднялся, багроволицый, накаленный, сгреб Таволгина за плечи.

— Эх, Вадюша, тебе не понять, какие дураки на какой идее спали! Если б не мы...

— Это точно,— с облегчением зашумели за столом.— Если бы не Родион Степанович... Нальем за Родиона Степановича!

Таволгин удивился: так жадно потянувшись руки к новой, невесть откуда выпорхнувшей бутылке.

— Ша! — обрезал Родион.— Не время! Всем быть по местам, чтобы к восемнадцати ноль-ноль...

Он строго глянул на часы. Всех сдуло.

— Вот так, Вадюша,— сказал он тихо.— Живем, экспериментируем, боремся... Подожди, ты же сути дела не знаешь.

Он отвел взгляд к реке, и ее блеск отразился в глазах точечными вспышками.

— В общем, так, чтобы тебе было понятно. Есть лес, и в нем всякая живность. Пичужки-зверюшки и тому подобное. А что они такое для меня как радиопизика? Нет, постой, не с того конца начал... Река вот бежит, вроде она сама по себе. А она в системе! В жестко отрегулированной системе,— повторил он, как бы с удовольствием.— Движение воздушных масс, осадки, почва — системе и конца не сыщешь! Возьмем теперь особь, допустим зайца. Сам по себе скачет? Не-ет, он тоже в системе. Вида, биоценоза и всего прочего. Значит, не только физиологические законы управляют организмом, но и законы системы. Вот это важно, что заяц ли, муха не сами по себе живут, а под-чи-ня-ют-ся целому! Что над ними закон. Когда ехал сюда, обратил внимание, сколько тут деревьев с ободранной корой?

— Нет,— недоуменно ответил Таволгин.— А что?

— А то, что лесничий по поводу леса в тревоге. Разладилась

система! Был регулятор — волк, да мы его истребили. Зверь, хищник, ату его! И размножились всякие там положительные герои мультяшек в необозримых количествах. Лес подгрызают... Им что, ума нет сообразить последствия. Но у нас знание... Знание, что особь часть системы вида, а системе присущи свои законы саморегуляции, которых особи видеть не дано, но которые повелевают ей, как генерал солдатом. Волк, так сказать, вневидовой регулятор. Но есть и внутривидовые саморегуляторы, только они плохо задействованы там, где до сих управлялся хищник. Понимаешь?

— Понимаю,— ответил Таволгин, хотя понимал не все и не потому, что предмет был для него так уж нов и сложен, а потому, что была в словах Родиона некоторая, похоже, намеренная недоговоренность.

— И славно, что понимаешь,— кивнул тот небрежно.— Ну-с, что из этого вытекает? Коли есть вид, стало быть, есть законы организации и сохранения вида. Так? Обязательные для особи, ибо вид превыше всего. Так? Диктующие, как ей в той или иной ситуации поступить. Посредством чего? Какова физическая природа таких команд? Тут темна водица, но не совсем, не совсем... Тебе, конечно, известен факт, что после гибели мужчин в войнах мальчиков рождается больше, чем девочек? А почему, почему?

Родион наклонился к Таволгину, обдав его горячим дыханием.

— Срабатывает механизм видовой саморегуляции! Вот!

— Как! — невольно встрепенулся Таволгин.— Каким образом?

— Разберемся, и в этом разберемся, — довольно прогудел Родион.— Важно что? Передается команда не механическим и чаще всего не химическим путем. С чего я начал? Отдельная особь с точки зрения радиофизики есть приемопередатчик, настроенный на общие внутривидовые частоты. Тем и обеспечивается единство системы. Улавливаешь практический вывод?

Усмешливый взгляд Родиона приобрел суровость, от которой Таволгину стало не по себе.

— Уж не это ли твой вывод? — с усилием махнул он рукой в сторону фургона.

— Это техбаза,— Родион вскочил.— Эх вы, гуманитарии! На рельсы все надо ставить, на рельсы... Идем, покажу.

Как раз взревевший мотор автофургона плюнул им в лица сильным перегаром, здесь куда более едким, чем в городе.

— Прошу,— сказал Родион, открывая дверцу.

Внутри было царство радиофизической техники, в которой Таволгин совершенно не разбирался, да и мысли его были не тем заняты. Глядя на индикаторы, шкалы, переключатели, на все это подмаргивающее, цифирное, живущее как бы автономной жизнью, Таволгин в ответ на разъяснения Родиона лишь покорно ин-

вал головой. Впрочем, и так было ясно, что уж с чем-чем, а с техникой все в полном порядке.

Наконец, осмотр закончился, и Таволгин с облегчением вдохнул свежий воздух — правда, теперь свежий лишь относительно. Аппаратура была и вне фургона. Трое парней с суровыми лицами, держа блокнотики в руках, являли возле нее подобие античного хора. Рев дизеля заглушил плеск воды на порогах, вообще все посторонние звуки, и мир по ту сторону колючей ограды словно онемел, как за толстым, но незримым стеклом. «Если они хотят подманить сюда каким-то своим сигналом животных, то как же грот?» — недоуменно подумал Таволгин.

Спросить было не у кого. Родион, снуя как челнок, отдавал последние распоряжения.

— Нервы как? — мимоходом крикнул он Таволгину.

— Что? — не понял тот.

Но не удостоился ответа. Хитро подмигнув, Родион скрылся в фургоне. Раздражаясь все больше, Таволгин не знал, что и думать. Из памяти не шли недомолвки Родиона, напряженное молчание, которое установилось за столом после его внезапного решения повисить какую-то там мощность.

— Долго еще? — наклонился Таволгин к уху одного из парней.

— Сейчас антенну задействуем...

Мгновение спустя антенна повернулась на пол-оборота, очевидно, ее задействовали. Подобной Таволгин не видывал: серповидный изгиб рам заполняли дырчатые, похожие на отполированные терки, зеркальца. Вся эта конструкция точно озираала лес.

Хотя антенна продолжала двигаться, рев дизеля внезапно смолк, — должно быть, питание перешло к аккумуляторам. Из фургона востропанно выскочил Родион. Раскуриваемая сигарета плясала в его пальцах. Парни, прикинув взглядами к шкалам, что-то сосредоточенно записывали.

— Ну как? — вклинился к ним Родион.

— Порядок, шеф...

— Ага, ага, вижу эффектик... Молодцы!

— Что вы видите? — не выдержал Таволгин.

— Эффект леммингов. Сейчас они появятся.

— Лемминги? Здесь?!

— Какие лемминги? Лоси! Я же тебе объяснил: их развелось слишком много.

— Ты говорил о зайцах!

— Да? Ну это все равно. Что лемминги, что копытные, даже бабочки... Сейчас, сейчас ты увидишь саморегуляцию в действии.

Он жадно затянулся дымом, поперхнулся, побагровел.

«Лемминги!» — ошарашенно подумал Таволгин. Он уже смутно

догадывался, припоминал нечто с этим связанное, что-то тревожное, немыслимое сейчас, здесь, среди покоя, мягких теней, золотистых бликов воды. Немыслимое?

Первый лось вымахал на опушку и слепо, не видя, не разбирая, мотая мордой, с которой летела не то шерсть, не то пена, дерганными скачками понесся дальше, к обрыву...

Таволгин зажал рот, чтобы не вскрикнуть. Лось уже летел с обрыва, не прыжком, а комом и также комом грянулся о камни внизу. И пока это длилось, точно жуткая молния высветила Таволгину все, и он понял, при чем тут лемминги, их спорадическое безумие, когда слепая масса животных, презрев инстинкт самосохранения, вдруг начинает катиться по земле, тонуть в реках, гибнуть в пропастях, низвергаться в море. А на краю поляны с треском валились кусты, и новые лоси, мелькнув в беге, вздыбив рога, с нелепо вывернутыми конечностями падали вниз, вниз... Молча.

Ужасом метнувшийся взгляд Таволгина скользнул по лицам операторов. Они были серы, их выражение объясняло смысл недавней выпивки, которая была не зря, не зря. Ведь сейчас здесь они были для животных подобием фатума, рока и, словно древние мойры, держали в своих руках пряжу чужой судьбы. И все, не отрываясь, смотрели, как гибнут лоси, и Родион смотрел, и Таволгин, хотя смотреть было невыносимо. Иной сохатый сбивался с кратчайшего пути, полосовал себе бок о колючую ограду, но и его метало к обрыву, откуда вскоре раздавался последний всхрип боли. А зеркала антенны все поворачивались, все гнали в пространство сигнал: «Нас много, нас слишком много — уничтожьтесь...» И у подножия обрыва росла гряда тех, кто ему подчинился, чтобы вид избежал горшей катастрофы подрыва всех источников питания.

Безумие кончилось, едва замерла антенна. Запоздалый лось осел посреди поляны на дрожащих ногах, его налитые туманом зрачки увидели ограду, людей, обрыв. Со сдавленным ревом он шло метнулся в пес.

— Каково? — стеклянно блестя глазами, обернулся Родион. — Каково?

Его вопрос рассыпался дребезжащим смехом, но не нашел ответа у Таволгина, который с потемневшим лицом в упор смотрел на своего бывшего однокашника.

Губы Родиона дрогнули, чтобы тут же сойтись в жесткую, презрительную складку.

— Погубив леса, они все равно окочурились бы! — бешено выкрикнул он, наступая. — Лучше было бы в них всаживать пули, да!

Никто ему не возразил. Таволгин опустил взгляд к подножию обрыва. И все посмотрели туда, где, затихая, еще бились тела, и откуда вниз по течению бежала мутная струйка крови.

■ СЛОВО — МОЛОДЫМ

ФЕЛИКС СУРКИС

Расскажи мне про Стешиху, папа...

Она влетела в луч фары и на мгновение остолбенела прежде, чем ее сшиб радиатор.

Я притормозил, выскочил из машины, поднял ее, еще теплую, но неподвижную, подышал в клюв. У нее были выпуклые, разведенные к краям лицевого диска глаза и длинные пушистые штанишки — до того пушистые, словно мельчайшая воздушная кольчужка. И я не подозревал, что совы вблизи так красивы.

Подошел Олег, сокрушенно поцокал языком. Несмотря на тридцать два года, лицо у Олега розовощекое, мальчишеское. И движения тоже легкомысленные, мальчишеские — пригладил волосы в два гребка, растопыренной пятерней, от затылка на лоб. На мою руку с птицей падал не прямой отблеск света фар.

— Разбилась? — спросил Олег. — А ты и затосковал!

— Жалко... Красавица...

— Брось расстраиваться, охотничек! Сама виновата.

— Будто ей от этого легче...

— Душе-звный... Хочешь, закажу тебе из нее чучело?

Я не ответил, осторожно положил сову на заднее сиденье машины. Настроение испортилось. Я погнал машину, зло дая на газ, не так из чувства вины, как от сознания плохо законченного дня. Есть случайности, сразу выбивающие из колеи. Еще бы, с одной стороны, хрупкая сова, с другой — слепая торпеда мчащегося сквозь ночь автомобиля. Сравнение не в пользу природы...

По бокам шоссе трепетали две стены мрака. Пронзительные фары неровно толкали темноту, раскатывая перед нами бесконечную, серую, грубой домашней вязки дорожку. Скоро покажется одинокое дерево, единственное на много километров вокруг. А там уже и земли нашего целинного совхоза «Тихоокеанский». Олег заночует у меня, а на биостанцию махнет завтра автобусом.

Строго говоря, я немножко завидую Олегу. Нет-нет, не его успехам, хотя он уже доктор и твердо целит в членкоры. В конце концов и я ни много ни мало главный агроном района, и знаю по секрету, что последнее бюро обсуждало мою кандидатуру на ор-

ден. И все же я завидую Олегу, завидую его умению подогнать под себя жизнь. Вот приедем мы в мою просторную, пятикомнатную, но все-таки саманную хату, конечно, с современной городской мебелью, с телевизором, с изящной накаткой на стенах и чехословацкими светильниками, и Оля встретит нас хорошим ужином, постелит Олегу в гостиной, и на журнальном столике он найдет модный роман, которым приятно позабавиться перед сном. А я посмотрю его глазами и буду ужасно стесняться копоты над плитой, горки угля возле и чуда сельского быта — кнопочного умывальника в углу, в который надо таскать воду из колонки — моя грешная и невыполненная сегодня обязанность. Я уж не говорю о допотопной будочке со скрипучей дверцей позади гаража...

У Олега все по-другому. Переброшенная в наши места биостанция сгрудила ослепительно белые призмы лабораторных корпусов, а поодаль в продуманном беспорядке рассыпались одноэтажные коттеджи научных сотрудников. Олег немало похлопотал над устройством собственного гнездышка. Прихожая в виде грота, с грубой объемной штукатуркой и обоями, изображающими замшелую каменную кладку... Забранные чем-то ворсистым двери... Мохнатая синтетика под ногами... Убийственно красивая югославская кухня... И еще много всякого такого, от чего я каждый раз прямо обалдеваю... Даже сложный агрегат — утилизатор отходов Олежа притащил с собой из самой Москвы!

Единственное, что не может примирить меня с его экстра-домом, это прочный холостяцкий дух. К Олегу никто никогда не выбегает навстречу, не спрашивает, замирая на манер моей Алены: «Папа, а хлеб от зайчика принес?» И черствый, пропахший табаком кусок хлеба из портфеля дочурка прижимает к себе крепче самой нарядной шоколадки... Впрочем, у Олега свое понятие уюта, где нет места жене, а тем более — детям. Однако же мы часто встречаемся по работе. Да и старая дружба кое к чему обязывает...

Вот сейчас, например, мы возвращаемся с охоты. Километрах в сорока к югу пять лет назад затопили заброшенный карьер, высеяли камыши, поселили карпов и нутрий. Невесть откуда сами собой притопали бобры. А там уж и перелетные птицы признали наше искусственное озеро — второй сезон разрешена официальная охота.

Я, правда, в обычном смысле не охочусь — у меня фоторужье. Зато Олег азартно палит из обоих стволов, по большей части мимо, а то немного, что удастся добыть, раздает первым встречным или оставляет мне. Оля смеется: «Ну муж! Одним фотоаппаратом крякв промышляет...»

Мы с Олегом и встретились-то на охоте. Точнее, возобновили смутное знакомство, если можно так назвать последствия одной

детской драки. Однажды еще в шестом классе на меня налетел третьеклассник, которому показалось, будто я недостаточно быстро уступил ему дорогу. Он насккивал головой вперед, пинался, отчаянно размахивал портфелем. Сначала мне было смешно, и я, не давая воли рукам, лишь отталкивал в сторону этот рыжий розовощекий ураган. Потом его петушинная ярость мне надоела, и я, к своему стыду, прилично ему нащелкал. С тех пор при встречах он издали грозил мне кулаком, а я молча отворачивался. Через два года, помню, мы оттуда переехали, и я несколько бы не удивился, пореши он, что это из-за него. Он всю жизнь полагает, что все на свете совершается из-за него.

С тех пор вплоть до прошлого года мы с Олегом не виделись. А в прошлом году я проявлял свой «охотничий трофей»: на переднем плане утка, а за ней, в необычном ракурсе — с дула — направленная на зрителя двустволка. Это был рискованный момент — я сам мог угодить под выстрел. Но все обошлось, и мой телеобъектив поймал и зафиксировал охотника далеко в глубине кадра, как бы на продолжении ружья. И вдруг в охотнике я узнал Олега. Узнал по особому прищурю — такое тонкое выражение лица, когда цель сосредоточена в миге: кончилось прошлое и нет будущего. С этим прищуром он когда-то дрался, а теперь стрелял и жил. Только тоска по невозвратному детству ну и еще, может быть, любопытство — что же вышло из петушка? — заставили меня заговорить с ним в следующую субботу. Поводом стала подаренная ему фотография. Олег оказался на удивление славным малым, и общие воспоминания сблизили нас быстрее общих интересов.

На развилке дорог мы повернули налево и проехали, наконец, то самое сигнальное дерево. В степи одинокие деревья издавна поименованы. Наше, к примеру, зовется Саодат, чему я никак не нахожу объяснения: в переводе с узбекского это означает «счастье». Отсюда уже недалеко: километров пятнадцать. А там и дом.

Машину неожиданно трянуло на ухабе. Олег чертыхнулся и заговорил:

— Поосторожней! Я же не пресмыкающееся!

— А то бы ужалил?

— Да нет. Просто завидую их способностям. Возьми, скажем, змею. Она ползет словно перетекает по земле: с головы прибавляется, сзади тает... Вот бы в транспорт этот принцип заложить...

— У современного транспорта иные заботы. Впрочем, неплохо бы автобусам растягиваться в часы «пик»! Вроде безразмерного чулка!

— От смешного до великого один шаг. Берусь доказать, что эластичные стенки, меняющиеся как змеиная кожа, сделали бы в технике поворот.

— У тебя, смотрю, от неровностей дороги фантазия разыгралась. Причем глубина идей прямо пропорциональна глубине ям.

— Между нами, я часто ловлю себя на том, как много интересного остается невыдуманным в смежных областях. Вот почему мы не имеем палатки с надувным дном? Скольких насморков удалось бы избежать? И сколько сберечь лапника? Или еще: ты бы не хотел сыграть в столеточные шахматы? Нет? Жаль. А какой бы я запустил умопомрачительный галстук — ты себе не представляешь. Говорить о нем бессмысленно, но я бы охотно его нарисовал. Эх, кто бы взялся эксплуатировать мои побочные ассоциации! Похлопочи где-нибудь по начальству, пусть меня приспособят заместителем по идеям!

— Тебе мало твоих собственных лавров? Я имею в виду биологию!

— Да, но зачем зарывать другие таланты, коли уж они прорезались?

Олег поерзал, глубже завинчиваясь в сиденье, задрал колени под самую приборную доску.

— От скромности ты не умрешь! — Я покосился в зеркальце на самодовольную круглую физиономию. — А вот ответ-ка мне со всей серьезностью на такой вопросик. Почему ты вспомнил змей? По Фрейдю, случайные ассоциации — всегда свидетели тайных мыслей...

— Уточняю: не змей, а вообще рептилий.

— Не будь мелочным!

— Хорошо, не буду. Последний год я занимаюсь не змеями, а ящерицами.

— Горю нетерпением услышать подробности так же, как ты — рассказать...

— Силен, старик! Иностранные философы тебе явно на пользу.

— Не темни, не заставляй себя уговаривать.

— Да чего уж. Я действительно кое-чего добился... И хотя достижения мои пока скромны, но многообещающи. Дай слово, что до появления статьи не разболтаешь? Слово друга? Ладно, верю. Так вот. Как тебе нравятся опыты по хирургической, или вегетативной, генетике? На основе нашей степной ящерицы я создал устойчивый тип ее трехголового гибрида!

Не отрываясь от дороги — здесь как раз начинался спуск, — я все же с профессиональным шоферским навыком ухитрился взглянуть на Олега. Олег слегка отвернулся, и по его позе, по более чем всегда округлившейся щеке я догадался, какой он сейчас напыщенный и гордый!

— Наверное, ждешь аплодисментов и обожания?

Он кивнул.

— А не просветишь ли меня часом, для какой цели?

— Что? Аплодисменты?

— Твое...— Я смягчил готовое сорваться слово.— Твоя вегетация?

— Величайший научный факт...

— Терпеть не могу вооруженного любопытства! Слыхал я об одном вашем мудром брате, который после опыта выбрасывал собак на помойку, даже не потрудившись их усыпить.

— Это, может быть, и слишком. Хотя твоей чувствительности на уровне Лиги защиты животных я, прости, тоже не понимаю.

Спорить с Олегом чрезвычайно трудно. Он признает только свои аргументы, в чужие попросту не вникает. Сейчас же, когда речь шла о науке, он спорил со мной как профессионал с дилетантом: снисходительно и не настойчиво. Что ты, мол, понимаешь в высоких материях, деревня? Я бы ни за что не взялся его переубеждать. Да мне бы и не хотелось. Моя задача была скромнее — заставить его задуматься о том, что он делает каждый день. К чему опрометчиво привык.

— Должна же быть какая-то цель в твоём эксперименте, Олег? В конце концов отчитываешься ведь ты перед кем-то хотя бы за отпущенные деньги?

— Это уже в тебе говорит агроном. Даже не главный, а так... рядовой совхозный. У которого план в килограммах мяса на потраченный килограмм фуража. Смешно требовать от науки задач ближнего прицела. Никто не может предвидеть, что вырастет из доказанного мной факта.

— И все же ради чего твои опыты? — настаивал я.

Олег секунду помолчал. Но я бы разочаровался в нем, это был бы просто не Олег, если бы он в конце концов не нашелся с ответом. Если я чему и удивился, так это неожиданно примиренческой позицией:

— Ты ведешь себя, как я когда-то на заре нашего знакомства. Зачем ссориться? При нашем-то положении? У каждого свои заботы и своя работа. Оставим тему нашим детям.

Упоминание о детях вывело меня из себя, я едва удержался на нейтральном тоне:

— Погоди минутку, Олег. Постарайся как-то прочувствовать то, что я скажу. Иначе оно бесполезно.

Олег насторожился. А я тянул, чтобы самому до конца уяснить, что собирался сказать. Ибо на этот счет нет критериев: правоту личности мы понимаем каждый по-своему. Не всегда по совести. Подчас пасуя перед фактом нечаянно навязанной чужой воли. А когда действительно нужно бороться за человека против него самого, мы застенчивы и стеснительны до преступления. Все пра-

вильно. Все так. И как ученый Олег, безусловно, прав. Нельзя связывать науке глаза и давать в руки ножницы в надежде дожидаться нужной безделушки с веревочки, как в известном аттракционе «Подойди и отрежь!». Бессмысленно затапливать науку в рамки сиюминутной необходимости, заданности. Побочные результаты часто важнее искомым. И все-таки самое страшное — холодное любопытство и азарт, когда человек с равнодушным сердцем режет и шьет живое по принципу «что получится?». Этакая современная биоалхимия на уровне просвещенного ведовства! Впрочем, слова, которые я для него приготовил, остались во мне: он их все равно не поймет, да и не надо. Я должен был оказать Олегу иную помощь: я должен впустить обыкновенное человеческое счастье в его тщательно отделанный грот. Счастье — даже ценой разбросанных по комнатам игрушек, свержившейся с буфета корейской вазы и стыдливо торчащих с батареей детских штанчиков!

— Я пойму, Олег, — сказал я, — и даже прошу, если ты построил свою трехголовую образину в честь сказки. Сознайся, тебе хотелось, чтоб у моей Алены и у других детишек резвился в клетке ручной дракончик, а? Совсем крохотный и безобидный Змей Горыныч, а? Ну скажи, что ты вспомнил о чуде?

— Фу, какая пошлость! — рассердился Олег. — Мы все помешались на чуде, от жажды чуда, в угоду чуду! Ты мне смешон, идеалист несчастный!

Вдруг в лобовое зеркало при мерцающем свете приборной панели я заметил какое-то движение на заднем сиденье. Сова лежала на спине с безжизненно разброшенными крыльями и полусогнуто приподнятой вверх когтистой лапой. И вот в тот момент, когда она подтянула одно крыло и стала опускать лапу, на сиденье, повторяя общий контур ее позы, оказалась девочка лет двенадцати в ладном ситцевом сарафанчике, в блестящих туфельках и странной формы мотоциклетных очках. Она вместо совы лежала теперь на спине, разбросавшись, неудобно подогнув тонкую девчоночью ногу. Проследив мой взгляд, девочка выпрямилась, быстро прикрыла рукой исцарапанную коленку, обтянула сарафан. В какой-то момент я успел уловить, как сова, бледнея, еще просвечивала сквозь не сразу сгустившееся человеческое тело: обе фигурки целый миг существовали вместе, будто на испорченной фотографии с дважды зафиксированным изображением, пока пернатая не исчезла вовсе.

Я резко нажал тормоз, ударился грудью о руль, но зеркало бесстрастно отразило все то же: в машине сидела незнакомая девочка.

— Сколько времени? — деловито спросила она.

Я автоматически взглянул на часы, успел перехватить отчаянное изумление в глазах Олега и даже мысленно поправил: «Надо говорить, который час!» — прежде чем ответил:

— Четверть второго.

— Ух ты! Старая Стешиха убьет меня за опоздание!

Она отперла дверцу, вышла, посмотрела на звезды, сделала шаг к обочине.

— Постой, какая Стешиха? Куда ты? — закричал я, выскакивая следом.

— Некогда мне. Потом. Я тут близко! — возразила девочка.

— Ничего не понимаю. Да кто же ты в конце концов?

Она вернулась немного:

— Не время объяснять, успеется. Ты в следующий раз убирай свет. Очень больно.

Она подпрыгнула, раскинула руки, сжалась и, мгновенно уменьшившись, взлетела в ночное небо совой. Это было чудо полета. Она парила по кругу на недвижных крыльях, в легчайшей кольчужке удивительного оперения, беззвучно и точно вписанная в ночь подобно Духу Воздуха.

— Не бойся, я приду! — донеслось из темноты.

Сзади бабахнул выстрел.

Я обернулся, прыгнул и успел пригнать ружье к земле до того, как прогремел новый выстрел. В ногу мне что-то ударило, но боли я горяча не почувствовал.

— Ты...— Я запылся. Даже спасительная во всех случаях брань не шла в голову.

— Идиот! Не догадался придержать дверцу! — прорычал Олег. — Может, единственный в жизни шанс...

Я все еще тянул на себя горячие дымящиеся стволы, а сам прислушивался. Нигде не было ни шороха, ни падения, ни стоа, ни крика. А полет у сов совсем беззвучный...

Олег швырнул ружье на заднее сиденье и ждал, поставив ногу на ступеньку и налегая подбородком снаружи на открытую дверцу, пока я возился со стартером. Машина не хотела заводиться, видно, подсели аккумуляторы. Я сплюнул и, хромя, побрел крутить ручку.

— Давай я,— с готовностью предложил Олег.

На мое счастье, мотор завелся.

— В крыло ей целил,— беспокожно пояснил Олег, когда машина тронулась.

— В руку,— машинально поправил я, притормаживая у павильона автобусной остановки. Кто-то разбил здесь лампочку, но с помощью спички в расписании можно было разобраться.

— Ты зачем остановился? — спросил Олег.

Я молчал, сложив руки на баранке. Прошла минута, другая. На степь накатывала предутренняя сырость, заставившая меня поежиться. Где-то сверху рокотал рейсовый самолет Ташкент—Дели.

Олег понял. Открыл дверцу машины и вышел.

— Ружье возьми,— напомнил я.

Но он уходил к павильону и не оглянулся.

ЭРНЕСТ МАРИНИН

Узник

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В грохоте и реве рвущейся атмосферы, заслоня звездное небо взмывшим горизонтом, планета с маху обрушилась на корабль и помчалась дальше по орбите, унося на себе смятую жестянку с полураздавленным человеком в кабине.

Это была всего лишь неудачная посадка, но именно так воспринял Олег момент столкновения. Он был один в корабль, воз-

вращавшемся на Землю. Остальные восемь звездолетов экспедиции еще работали в системе Регула. И сотня с лишним космонавтов. А его отправили на Землю за трусость. Не в наказание, нет, просто трус в экспедиции — слишком большая потенциальная опасность. И командор Янсен был прав, когда утвердил решение экипажа. Действительно, лучше потерять корабль, чем рисковать всей эскадрой. Лучше подвергнуть опасности одного человека, чем сотню. Ошибка Янсена была в другом: Олег не был трусом. Вернее, он не был просто трусом. Ему была свойственна осторожность, он предпочитал обойти опасность, а не преодолеть ее. Такое предпочтение еще не трусость. Когда другого выхода не оставалось, у него находились и смелость, и мужество. Олега подавляло не в меру богатое воображение. Оно было его главным талантом, источником идей и решений. Благодаря этому дару он и попал в состав Звездной. Но после посадки, в условиях реальных опасностей и риска, оно обернулось другой стороной, превратилось в источник страхов и подозрений, непрерывно отыскивало все новые и новые опасности, в том числе и совершенно невероятные. А Олег по склонности характера старался этих опасностей избежать. Со стороны все выглядело элементарной трусостью, времени — да и желания — на глубокие психологические изыскания не хватало, и его отправили на Землю. Дали корабль, рассчитали маршрут — все шесть нуль-переходов до Земли, но в космосе можно рассчитать не все... «Дельта» вышла из второго броска слишком близко к планете. Будь это первый бросок, Олег сразу ушел бы в подпространство, но после второго нужно было хорошо пройти заборником по обычному пространству, чтобы возобновить запас вакуума, расщепление частиц которого давало энергию для нуль-переходов. Авария была действительно тяжелой, но воображение Олега превратило ее в непрекращающийся кошмарный катаклизм.

...Планета буквально выпрыгнула на экран. Автомат включил тормозные двигатели, но непогашенная энергия выхода и притяжение слишком близкой планеты уже устремили «Дельту» по суживающейся спирали. Корабль неудержимо валился на планету, и она встретила его грохочущим хохотом атмосферы, впившейся в раскаленную обшивку. А потом вой тормозных двигателей был оборван ударом, от которого, наверное, вздрогнули перья сейсмографов на Земле, а грудная клетка хрустнула, как скорлупа, сломанные ребра пробили спину и кресло и со скрежетом уперлись в заднюю стенку кабины. Сознание, скрутившись звенящим жгутом, вырвалось из тела и унеслось в небо вместе с рыжим столбом дыма и пыли, взвившимся над местом падения.

Прошла вечность. Все было пусто и темно, как до Начала, до взрыва Первоатома, и только бесконечная тьма простиралась на

двенадцать миллиардов световых лет вокруг. Потом появилась звездочка — едва заметная, чуть серевшая в темноте. Она постепенно светлела и росла, стала точкой, шариком, клубком, шаровой молнией, грибовидным облаком; разбухающее облако заполнило череп, стало твердым и упругим и разорвало хрупкую кость на двенадцать миллиардов осколков, разметав их по бесконечному пространству. Перетянутые струны нервов лопнули с воющим звоном, тело вывернулось от боли, как края рваной раны, но тут хлынули водопады холодного пота, залили пылающее облако в голове, переклестнули через зазубренные края черепной коробки и затопили Вселенную на бесконечное число парсеков и вечностей...

Олег вздрогнул и открыл глаза. Кошмар кончился. Через иллюминаторы в кабину лился тусклый рассвет. Было очень больно, но терпимо. Потом через тишину прорвался звук — часы над пультом шли. Они показывали, что с момента падения прошло двенадцать минут. Он удивился, и это обычное чувство помогло обрести равновесие духа. Боль прошла. Он подумал, что надо встать, и ужаснулся, представив, с каким звуком будут выдергиваться из обшивки кресла изломанные ребра. Его передернуло, на лбу выступили капельки пота, и он остался лежать, только стиснул подлокотники. Их мягкая упругость вернула ощущение реальности, он сказал: «Я не верю в этот бред! Я сейчас встану!» — и рванулся вперед, пока страх не успел сковать мышцы.

На кресле не было ни проколов от ребер, ни пятен крови. Он ощущал грудь и спину. Руки слушались его, движения не причиняли боли. Все было цело. Он олустился на подлокотник и улыбнулся, поверив, наконец, что жив и цел, и ощущение вновь обретенной жизни наполнило его бесконечной радостью. «Живой!», — тихо сказал он. А потом громче, до крика: «Живой! Живой!» Крик глухо отдался за пультом, что-то там звякнуло, задребезжало. Радость отхлынула. «Живой-то живой, но надолго ли?» Он снова встал и пошел осматривать корабль.

Вычислитель был уничтожен полностью. При ударе микромодули треснули, просыпались сквозь отверстия в кожухе и теперь лежали на полу красивыми кучками разноцветной крошки. Систему регенерации, правда, можно было восстановить. Месяца за два. Ручное управление уцелело, но разрегулировалось. А какая разница? Все равно не было ни вычислителя, чтобы рассчитать маршруты, ни контрольных приборов. А главное — сместились катушки конвертора. Путь через подпространство для «Дельты» был закрыт. Обычного горючего хватило бы надолго, но не на триста светолет. Продукты уцелели, сохранился кислород в одной цистерне примерно на неделю. А регенераторы надо ремонтировать два месяца.

Стоило ли выживать? Стоило. Лучше плохо жить, чем хорошо лежать в могиле... Что же, у него будет на редкость комфортабельная могила. Наверное, лучше перед концом открыть люк, чтобы горячий воздух хорошо высушил мумию... Собственно, а почему горячий? Может, он сырой и прохладный, и будет не мумия, а полуистлевший скелет. И вообще, что снаружи? Почему до сих пор не заинтересовался? В самом деле, вот сила тяжести нормальная. И на том спасибо...

Он глянул в иллюминатор. Ничего особенного. Обыкновенные желто-серые камни и скалы без следа растительности, какое-то нелепое серо-розовое небо. По нему ползали лиловые кляксы — облака, что ли? Ветер гнал клубы пыли, она застилала нечетко прорисованную линию горизонта серой мути. Похожа на клюквенный кисель, разбавленный водой из лужи. «Эх,— вздохнул Олег,— если б этим киселем можно было дышать!» Он хотел проверить состав воздуха, но анализатор, естественно, не работал.

«Надо выйти наружу. А если там какая-нибудь дрянь живая?» Ему тут же показалось, что в дымке мелькают тени. «Да нет, не может быть, чудится со страху. Нет тут никого!» В розоватом тумане ничего не было видно, он снова подумал, что пора выходить и, спиной чувствуя опасность, пошел за скафандром.

Олег одевался медленно, подсознательно затягивая процедуру. Наконец, пристегнул к поясу лазерный пистолет и сразу почувствовал себя увереннее.

Он долго стоял в шлюзе перед закрытым люком и думал: «Эх, если бы бог был! Я бы уж от души помолился, я бы сказал: господи, сделай, ради бога, из этого киселя нормальную атмосферу, чтоб дышать, чтобы было прохладно и свежо и с запада тянуло жасмином, а с юга, к примеру, ландышем... Эх!» Он тяжело вздохнул, сцепил зубы и открыл люк.

Все выглядело так же, как через иллюминатор,—камни, пыль и лиловые кляксы по серо-розовому. Он выбросил трап, спустился вниз, походил для порядка вокруг корабля, а потом сказал себе: «Кончай тянуть. Надо пробовать воздух. Если годится — порядок, будем жить. А если нет так нет. Ну, еще на неделю быстрее. Это уже все равно». Совсем это было не все равно, но он знал, что надо уговорить себя. Риска почти нет — ядовитые газы через фильтр не пройдут, микробы тоже, а если там нет кислорода, сразу можно будет перейти на баллоны... Ну! Он открыл клапан фильтра и слегка потянул носом.

Это был воздух — настоящий, прохладный, как летним вечером, немного сухой и пыльный. И он слегка пахнул киселем. Олег принялся. Точно, пахло клюквенным киселем. Анекдот!

Он дышал и радовался, что все-таки не умрет через неделю. Не было ни ядовитых газов, ни микробов и никакого белка. Индикаторы фильтров остались чистыми. Снова налетел порыв ветра и принес легкий запах жасмина.

«Черт побери, значит, все-таки бред! А если нет? Тогда откуда жасмин? Самовнушение? Подумал о жасмине и внушил себе, что слышу запах. Ну, тогда я гений самовнушения. И вообще гений. Я — Наполеон». Он скрестил руки на груди, выпятил живот и опустил голову, надменно глядя перед собой. Не хватало только наполеоновской пряди волос. Он потянулся рукой к прическе и, естественно, наткнулся на шлем. Рука скользнула по гладкой поверхности и сшибла наземь... треуголку. Олег поднял императорский головной убор и туло заглянул внутрь. На подкладке было вытиснено золотом:

Парижский облпромкомбинат
ул. Елисейские Поля, 1, тел. 1-23-45

И размер — «59». Треуголка была изрядно поношена — потертые сгибы, пятно на подкладке там, где упиралась макушка.

Это был совершенный идиотизм. Наваждение. Он осторожно положил треуголку на камень, попытался на несколько шагов и шепотом произнес: «Сгинь, нечистая!» Треуголка не сгнула, хотя он очень этого хотел и твердо верил, что она растает в воздухе после произнесения классического заклинания. И тогда он выстрелил в нее из пистолета. Треуголка вспыхнула неярким пламенем и долго горела, потрескивая и распространяя запах паленой кожи. Потом ветер унес дым и пепел, на камне осталось только пятно копоти. Все это было странно и нелепо.

«Как это там на подкладке: телефон раз-два-три-четыре-пять. Вышел зайчик погулять. Зайка беленький, зайка серенький...»

В это время раздался странный звук, что-то вроде короткого всхрипывания. Не раздумывая, Олег отпрыгнул в сторону и резко повернулся, вскинув пистолет. Перед ним возник заяц. Или, может, кролик. Он шевелил раздвоенной губой, принимался, переступал на пару шагов и снова приседал. «Так. Вот и фауна появилась. Сперва зайчик, а потом будут волки и овцы, дачники и прочие варвары, пишущие на скалах «Оля+Коля».

Бред зашел слишком далеко. Возможно, это было отравление какими-то составляющими атмосферы. Или просто предсмертные видения. Только нестандартные. Говорят, человек перед смертью видит свою жизнь, семью, близких. А тут ахинея какая-то. Зайчики-кролики. Жасмин. Шипра только не хватает.

Тут же потянуло шипром. Тяжелый, с детства ненавистный запах заполнил легкие. Голова закружилась, стало дурно. Судорога тошноты подступила к горлу. Олег поспешно переключился на баллоны, задышал часто и глубоко. Запах исчез, но головокружение не проходило. Он влез в люк и, держась за стенки, побрел в кабину. Кое-как снял скафандр и тяжело повалился в кресло.

Примерно через час он успокоился, встал и подошел к иллюминатору. Снаружи стало светлее. Камни заливал ровный малиновый свет. Большое красное солнце заметно грело через стекло. Внизу сидел знакомый кролик. «Голодный, наверное,— подумал Олег,— морковочку бы тебе. Оранжевую, хрустящую, с зеленым хвостиком».

Морковочка возникла. Повисела в воздухе и упала перед кроликом. Тот, приподняв зад, переступил лапками, подобрался поближе и начал часто жевать. Хруста через стекло слышно не было, но Олег представил его себе, и ему самому захотелось морковки. Под язык набежала слюна. Он сердито отвернулся — и увидел морковку. Она висела в воздухе посреди кабины и покачивалась. Удивляться уже надоело. Он поймал морковку за хвостик, отер рукавом и жевал. Морковка была настоящая. Чуть недозрелая.

Он расхаживал по кабине, старательно поворачивая через левое плечо. На ходу думалось легче.

«Страна чудес. А я — Алиса. Алиса Александрович Блинов. Планета воплощенной мечты. Что хочу, то и воплощу. В смысле, воплощу. Интересно, как они это делают? То есть, кто они? Почему обязательно они? Ну она — сама планета. Или я? Будем считать, что это взаимодействие пси-поля с полями планеты. И вообще, какая разница, как это получается? Получается — и ладно. А интересно! Ну-ка, скажем, давай... яблоко!»

Он сосредоточился и представил себе антоновку. Яблоко возникло. В кабине повеяло замечательным осенним ароматом. Олег повертел антоновку в руках. Она была увесистая и прохладная. «Здорово!.. А если наоборот?» Он снова сосредоточился и представил, как яблоко исчезает. Колышется и тает в воздухе. Но ничего не произошло. «Так. Обратного действия не наблюдается. Выходит, надо думать, что думаешь, а то можно такого напридумать...» Он надолго задумался, а потом вздохнул и съел яблоко.

Олег проснулся в холодном поту. Снаружи была какая-то инфракрасная ночь, и в ней, как отражение кошмарных снов, возлились громоздкие тени. Он долго лежал, уставившись в черно-багровый круг иллюминатора, и мысли, неоформившиеся и бессвязные, нелепо громоздясь одна на другую, медленно переваливались и застревали в провалах полудремы. Потом он снова заснул.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Утром он собрал вертолет и отправился на разведку. Внизу проплывала однообразная равнина. На этой планете не было ничего, кроме камней и пыли... После трех часов полета он повернул обратно. Что-то беспокоило. Помнились ночные тени за иллюминатором, мерещились мезозойские чудища, ворочающие «Дельту» уродливыми лапами. Он постарался отогнать эти мысли и увеличил скорость.

Корабль был на месте. Он только свалился набок и на нем появились царапины. Что-то изменилось вокруг — камни, что ли, не так лежали? А между ними виднелся след — четкий отпечаток громадной птичьей лапы. Когти, чешуйки — каждая с ладонь. «Так. Страшновато здесь думать. Додумался... Это тебе не зайчики», — пробормотал Олег и вернулся в вертолет.

Поднявшись метров на двести, он заметил в стороне движущееся пятно. Выключил двигатель, немного отдал ручку и бесшумно пошел вниз на авторотации. Это был зверь «роде кенгуру, только размером с автокран. Двигался он плавными прыжками, держа на весу хвост. Какой-то хищный динозавр.

Когда до зверя осталось метров двадцать, Олег взял ручку на себя и включил мотор. Вертолет взвыл и завис. Зверь шарахнулся в сторону, замер в угрожающей позе — весь подобрался для прыжка, раскрыл зубастую пасть и выставил вперед рог, торчащий на конце морды.

Олег вытащил из чехла пистолет и, приоткрыв дверцу, ударил лучом прямо между выпученных глаз — желтых, свирепых, с вертикальным зрачком. Луч полоснул по черепу, но этого оказалось мало — зверь прыгнул, достал вертолет кончиком рога и тяжело рухнул наземь. Олег чуть не вывалился при толчке, но удержался и выровнял машину. И тут же дал полные обороты, потому что зверь прыгнул снова. Олег бил лучом, пока динозавр не завалился набок. Из него хлестала черная кровь, отсеченная голова валялась в стороне, а задняя нога, громадная, как рычаги экскаватора, все еще дергалась, расшвыривая камни.

Олег посадил «Муху» и осторожно подошел к зверю. Первый луч прорезал толстую пулырчатую кожу и кость черепа сантиметров на десять вглубь, и все же до мозга не достал. Олег хотел потрогать пальцем, но воздержался, поднял камень побольше и кинул в раскрытую пасть. По языку пробежала судорога, челюсть с лязгом захлопнулась. У Олега что-то холодно закрутилось внутри. Он отавернулся и пошел к вертолету...

Корабль лежал на боку, и люк теперь был под ним. Аварийный люк заклинило при посадке. Внутрь полость было невозможно. Олег

бессмысленно подергал рычаг аварийного люка, потом решил выжечь замок лучом. Тугоплавкий металл поддавался медленно. Оранжевые брызги разлетались в стороны, ветер относил густой дым. А потом луч исчез — сели аккумуляторы. Олег отбросил пистолет, опустился на камни и заплакал.

Он плакал от безысходности и страха. Один на один с целой планетой. Без укрытия от всего неизвестного, что могла породить ее чудесная сила под воздействием искореженного страхом воображения. Беззащитным, голеньким против целого мира. Он мог дышать кисельным воздухом, мог питаться плодами собственного воображения, как тогда морковкой и яблоком. Но как спастись от других воплощенных фантазий? Динозавра он убил, но на смену ему придут другие чудища, страшные и несокрушимые...

Слезы кончились, но в горле остался тугой колющий клубок. Постепенно отчаяние перешло в тупое безразличие, заглушившее мысли и чувства. Он встал, с трудом выпрямился и пошел, не выбирая дороги, не задумываясь, куда и зачем. Зыбкий горизонт окружил его тесным кольцом и сдвигался при каждом шаге, оставаясь далеким и недоступным. Но он не видел этого. Перед мысленным взором стояла одна картина: бескрайняя желто-серая пустыня, и где-то в самой середине ее упрятанный в красивый серебристый скафандр — труп. Сначала совсем как живой человек, только с закрытыми глазами и серо-желтым лицом, потом отшатнувшиеся останки, потом скелет; и скафандр, уже не заполненный телом, станет плоским, как тряпка...

Он споткнулся и остановился. Он споткнулся о скафандр — только не серебристый, а желто-серый от пыли. Плоский, как тряпка, едва возвышающийся там, где остались ребра. Олег наклонился и стер пыль со шлема. Внутри был череп — белый, с отдельными прядями волос, темными провалами глазниц и носа, с насмешливо отвалившейся нижней челюстью...

Это был его труп. Он понял это сразу, и ему стало так страшно, как никогда. Это был уже не осознанный страх перед предполагаемой опасностью и возможной гибелью, а бездумный скотский ужас, и он породил крик — хриплый, длинный, отчаянный звериный вой, прерывающийся жутким стоном на вдохе...

Он побежал, оступился на камне, упал, снова вскочил, заметался на одном месте, бессознательно срывая с себя шлем, опять упал, извиваясь, выбрался из скафандра и помчался громадными скачками. Он бежал долго, и даже его закаленный организм не выдержал. Дыхание стало прерывистым и тяжелым, кровь ударами приливала к голове, и ему казалось, что она раздирает сосуды, заливая мозг, выдавливается через глазницы. Он снова упал и потерял сознание...

Большой рыжий муравей прополз по тыльной стороне ладони, остановился, подергался в разные стороны, будто принюхивался, перебрался на травинку и исчез. Олег оперся руками и с трудом приподнялся. Он находился в низинке, заросшей мягкой зеленой травой. Слева, на холме колыхались под ветром висячие ветки двух берез. За извилистой линией ивняка журчал ручей. Большое приплюснутое солнце уже коснулось горизонта.

Олег встал и, устало переставляя ноги, поднялся на холм. Вдали, за широким зеленым пространством, темнел лес. Где-то чирикнула птица, наверное, на дереве. Захотелось пить. Он спустился к ручью. Ручей был совсем узкий и мелкий, с чистой ледяной водой. Олег, стоя на коленях, пил из горсти, тонкая струйка стекла в руке, и он засмеялся от неожиданности и радости.

Дышалось легко, пахло свежей зеленью, живой водой, нагретой за день землей. Он сорвал длинную травинку, жевал сладкий стебелек уже на ходу. Шел, сунув руки в карманы, улыбался, ветер овеивал грудь через распахнутый ворот, и усталость стала теперь приятной, теплой и мягкой.

Солнце село, небо заполыхало всеми оттенками красного, лилового, сиреневого цветов. Над горизонтом засветилась длинная блекло-зеленая полоска. Повеяло свежестью близкого вечера. Надо было думать о ночлеге. Наверное, он бы не замарз просто в траве, но перед глазами на фоне заката вдруг выросла до зенита надпись черными буквами с лохматыми потеками вниз: «Н О Ч Ь» — и тут же отдаленный звериный рев заглушил журчание ручья и шелест листьев.

Олег плотно застегнул ворот и сосредоточился. Налетел порыв ветра и вдруг замер на месте. Воздух загустел, стал мутным и непрозрачным. Взвихрились струи, устремились как будто беспорядочно и застыли, обретая форму и твердость.

На склоне холма встала кубическая бетонная громада. Высоко вздымались глухие серо-зеленые стены, в передней чуть поблескивала в сумерках утопленная стальная дверь.

Олег подошел к двери и уперся в нее плечом. Медленно, с едва слышным рокотом дверь повернулась и стала поперек проема, наполовину загородив его своей метровой толщиной. Олег вошел внутрь, с усилием повернул дверь обратно и задвинул массивные засовы. Нащупал на стене выключатель. Вспыхнул слишком яркий после сумерек свет. Постепенно глаза привыкли, и стала видна легкая деревянная лесенка, круто поднимавшаяся на второй этаж. Она упиралась в горизонтальную стальную плиту. Олег поднялся и приложил к плите ладонь — щелкнуло реле, заурчал мотор, плита поднялась, как крышка погреба. Открылся ярко освещенный коридор, выходящий в просторный зал. Олег прошел коридор, за-

двинул за собой еще одну стальную дверь, зашитую дубовой панелью, и перевел дух.

Зал получился хорошо. Большой камин. На решетке клетью уложены сухие дрова. Слева — широкий стол с лампой на складном рычаге. Стул с низкой спинкой и подлокотниками. Лицом к камину — глубокое кресло. Сплошные стеллажи вдоль стен, уставленные книгами. Толстый зеленоватый ковер. Справа — дверь в спальню. Олег заглянул в ванную комнату, на кухню и вернулся в зал.

Какое-то время он стоял в дверях, опираясь плечом о косяк, сунув руки в карманы, довольно оглядывал свое жилище. Потом подошел к стеллажу, снял книгу — там были одни чистые страницы... Он долго ходил вдоль полок, снимая книги наугад, — все они были без текста. Кроме одной, томика стихов под названием «Багровая Луна». Это были его стихи, которые когда-то, еще в школе, ему вернули из редакции с вежливыми ссылками на перегруженность типографии и утвержденный темплан. Он криво улыбнулся, двинул томик поглубже и пошел принимать душ.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Утром Олег отправился к кораблю. Ремень автомата приятно оттягивал плечо. Тяжелые башмаки приминали траву, которая на глазах вырастала узкой дорожкой вдоль его вчерашнего пути. Это все-таки была удобная планета.

Он издали заметил то, что так напугало его вчера, скафандр со скелетом, подождал, пока трава выросла над этим местом повыше, и прошел стороной. К полудню он добрался до корабля.

Все было как вчера. Так же стоял вертолет с открытой дверцей. Лопасти винта медленно поворачивались под ветром. Только трава, которой не было раньше, уже поднялась выше колес. Олег влез в кабину и сел в кресло — отдохнуть и собраться с мыслями. А потом создал кротов. Они мало напоминали настоящих, но копать умели и копали в нужную сторону — прорыли канаву под кораблем до самого люка, а там сразу полезли вглубь — больше они нужны не были.

Олег подобрал пистолет, так и валявшийся возле кормы, и поднялся в корабль. Первым делом нашел запасные аккумуляторы и перезарядил пистолет. Потом взялся за ремонт. Чинить было легко — все, чего не хватало, создавалось на месте. Но работы было все равно много, и до вечера он только как следует начал.

Обратный полет до замка занял минут десять. Вертолет сел в середине черного квадрата на плоской крыше. Лифт опустил его на второй этаж. Крыша плотно сомкнулась над головой. Олег заправил машину чистым изоктаном и пошел ужинать. Потом почитал свои стихи из маленького томика, устыдился и лег спать. Но

сон не шел. И голова разболелась. Он встал, набросил на плечи куртку и вышел в зал. Было приятно ступать босыми ногами по мягкой колючести ковра. Сел за стол, включил лампу. Сидел, уставясь на чистую бумагу. Голова так же болела, и вообще на душе было гнусовато. Потом замерзли ноги — тянуло из камина. «Разжечь, что ли?» Подошел к камину, чиркнул зажигалкой, поднес огонь к дровам. Береста, оттопырившаяся на полене, вспыхнула, разгорелась — и погасла. Попробовал еще — не получалось. «Черт возьми, как же эти несчастные лорды мучились?» Почесал в затылке, сотворил канистру с бензином, облил дрова. Скомкал несколько листов бумаги, поджег и издали кинул в камин. Пламя полыхнуло с гулким звуком, запело в трубе, жаркая волна ударила в лицо. Занялись дрова, пламя поутихло. Олег отодвинул кресло и улегся на ковер, опершись подбородком на кулаки, глядя в огонь. Беспрерывно меняющиеся оттенки пламени завораживали и успокаивали, постепенно проходила головная боль. Когда дрова прогорели, он встал, потянулся и пошел спать.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ремонт кончился. Корабль уже не лежал, а стоял, нацелившись в зенит, баки были полностью залиты, все системы восстановлены и отлажены. Олег сел за пульт и стал нажимать кнопки, двигать рычаги, поворачивать рукоятки. Загорелись глазки индикаторов, качнулись стрелки, защелкали реле. Корабль ожил. Заработала система терморегуляции. Жара в кабине, мучившая Олега с середины дня, сменилась приятной прохладой. И настроение стало бодрым и радостным. Это были последние сутки на планете, работы оставалось совсем немного. Собственно, можно было бы взлететь через час, но все равно пришлось бы ждать на орбите — вычислитель требовалось время для расчетов. Болтаться лишнюю ночь в невесомости — никакого удовольствия. И потом, очень хотелось еще немного побыть в замке. Наверное, это было подсознательное недоверие к «Дельте» — ведь с ней он уже однажды попал в беду — и такая же неосознанная вера в несокрушимый бетон и стальные плиты замка. Олег закончил работу рано и улетел домой с твердым намерением отоспаться.

Среди ночи его разбудило ощущение беспокойства. Он проснулся не сразу, некоторое время лежал в полусне, но постепенно очнулся совсем, и смутное беспокойство вдруг обрело конкретную форму. Забыл закрыть наружную дверь! Правда, спал он очень крепко, и вряд ли ему что-нибудь снилось, так что это было неопасно. Но под утро сон стал бы не таким крепким, могло что-нибудь присниться, а тогда... Он поднялся, зажег свет и пошел к вы-

ходу. Везде было тихо и спокойно. Стальная дверь зала мягко скользнула в сторону. Олег нажал кнопку в коридоре. Тяжелая плита, перекрывавшая лестницу, начала поворачиваться, и тут страшный удар снизу сорвал ее с оси. Из отверстия полезла огромная, в рост человека многоголая голова, пасть распахнулась, обдав Олега злобным выдохом, а за головой тянулась толстая чешуйчатая шея. Олег закричал и бросился обратно. Он успел закрыть дверь зала и прислонился к ней, переводя дух, но тут же упал, отброшенный могучим ударом с той стороны. Удары повторялись, на третьем — дверь рухнула вместе с куском стены, в проеме показалась бессмысленно свирепая морда и метнулась к Олегу. Он едва успел перекатиться на другое место, задев рукой холодную чешую, и спрятаться за стол. Голова медленно поворачивалась в поисках ускользнувшей добычи, а он, рванув крышку с канистры, опрокинул ее на пол и, прямо с четверенек прыгнув к дверям спальни, бросил в бензин горящую зажигалку. Вспышка пламени на время задержала чудовище, а Олег схватил со стула пояс с лазером и помчался к лифту. Его подгонял шум огня, треск и рев пожара. Крыша раздвигалась медленно, лифт едва полз кверху, но вот, наконец, открылся проем, тут же взревел мотор, и «Муха» рванулась в небо прямо из колодца.

Олег включил посадочные фары и посмотрел вниз.

Замок как будто стал вдвое длиннее. Рядом с ним высилась округлая, металлически блестящая гора. Она вздрагивала и шевелилась, и замок тоже шевелился, по нему пробегали черные трещины; крыша раскололась, оттуда вырвалось пламя, и в нем поднялась длинная шея, толстая и блестящая, как ракета на старте; она все вытягивалась, выпрямлялась, голова с раскрытой пастью тянулась к вертолету... Олег бросил машину в сторону, и вслед ему из пасти вылетела длинная огненная струя, изогнулась дугой и, рассыпавшись фейерверком, упала вниз на траву. Трава загорелась. Олег гнал вертолет на полной скорости, а позади взлетали в небо огненные струи, и он видел, оглядываясь, что огнеметный дракон прыжками гонится за ним.

Вертолет опустился рядом с кораблем. Олег поставил рычаги на взлет, толкнул вперед ручку газа и выскочил наружу. «Муха» взлетела косо вверх и медленно поползла, набирая высоту, а Олег уже ворвался в кабину и, левой рукой затягивая ремни, правой включал системы. Теперь надо было ждать двадцать минут, пока корабль приготовится к старту. Засветились экраны локаторов. На правом зеленой точкой двигалась «Муха» — и вдруг полетела вниз и пропала. Олег включил инфравизор и увидел большое темное пятно там, где догорал вертолет. А потом оно раздвоилось, и вто-

рое пятно, вначале едва заметное, быстро становилось темнее и крупнее. Это был дракон, он приближался, и Олег сразу включил прогрев, хотя еще было рано. Рука лежала на рычаге тяги, но он ждал, сцепив зубы, потому что корабль не был готов. Еще хотя бы три минуты... Дракон был уже совсем рядом. Олег дал малую тягу. Из дюз ударило пламя, мгновенно испепелило траву и подняло пыль. Дракон остановился и выплюнул струю, но она не долетела. Две с половиной минуты. Огненные струи уже лизали обшивку. Две минуты... Лишь бы он сам не полез на корабль! Полторы... Пару ударов из бокового сопла — не отпугнут, так хоть задержат. Пятнадцать секунд... Десять... Пять... Как много это — пять секунд! Ну, наконец! Он врубил полную тягу, и корабль рванулся вверх. Навалилась перегрузка. «Интересно, кто-нибудь стартовал голый, или я первый? Ох черт, ну и тяжко... Но ведь надо выйти на орбиту... Программу вычислителю... Черт, заржавела, что ли, кнопка, никак не нажмешь... Фу ты!» Вычислитель принял программу и взял управление на себя.

ДЕНЬ ПЯТНАДЦАТЫЙ

В 10. 30 бортового времени Олег стартовал к Земле. Нужно было разогнаться до рабочего режима вакуум-заборников. Двадцать часов работы накопителей — и можно входить в первый бросок. А потом еще три с безопасными выходами в пустом пространстве между спиральными ветвями Галактики, а потом — Земля. Родина. Планета, где можно иметь воображение, где можно видеть сны. Можно не бояться. Может быть, позже, когда экспедиция уже вернется, он встретит Лену. И сделает что-то такое... докажет ей, что тупая бездумная отвага — не главное. Конечно, там, на Земле, он уже не будет Алисой, но у него достаточно хорошая голова, чтобы и без чудес сделать кое-что. Например, вернуться на эту проклятую планету с комплексной экспедицией. Этим определенно стоит заняться. Если разгадать тайну чудес, секрет этого хитрого поля, и научиться воспроизводить его... Кстати, будущей экспедиции будет довольно весело. Сперва они встретят огнеплюющего дракона. А потом наплодят своих. Или отбирать участников по принципу отсутствия воображения? Много они наисследуют... Да и где найдешь таких? Разве что роботов. Впрочем, у тех все равно мозги экранированные... Стоп. Идея. Экран!.. Нет, ерунда, ведь корабль не экранирует. А если глушитель? Самая примитивная давилка. Сеточка на голове, через сеточку — слабый ток. Какие-нибудь высокочастотные колебания — и проблема решена!

Он так обрадовался, что не сразу услышал сигнал тревоги. Но тут выключились двигатели, наступила невесомость, кресло спружинило, и он крепко долбанулся головой в потолок. От потолка его

отбросило обратно, он ухватился за кресло и удержался. Что это? Быстрый взгляд на пульт — горячее кончилось. И вычислитель отключился — ни одна лампочка не горит. Да что же это делается! Он рванул дверь приборного отсека — и сразу все стало ясно. Там было почти пусто. Исчезло все, установленное при ремонте. Точнее, все созданное, воплощенное. Все было как в первый день, даже хуже, ведь он выбрасывал негодные детали, заменяя их придуманными. А теперь все это исчезло. Где-то шипел газ, где-то капало, журчало... Очевидно, корабль уже вышел за пределы магического поля, и потому все созданное дестабилизировалось. Разрушилось, испарилось... И снова, как пятнадцать дней назад, вспухала на экране желтая планета, готовясь поглотить разбитый корабль.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Олег проснулся рано и, упершись локтем в подушку, долго глядел на спящую Лену. Жена... Любимая... Вот она — рядом. Он коснулся пальцем руки, лежащей поверх одеяла. Какая у нее гладкая кожа! Интересно, это только у нее или у всех женщин? Он не знал. Сначала он был слишком молод, чтобы узнать. Потом была Академия — пять лет каторжного труда. Тогда он только слушал разговоры других. Слушать было неприятно — ему не нравилось, как говорили, хотя очень интересовало, что говорили. А сразу после Академии он попал в экспедицию, и тогда единственной женщиной для него стала Лена. Далекая, чужая. Бесконечно дорогая, но от этого не становящаяся ближе. И вот теперь она рядом. Она! Да, она! Настоящая. Почти... Но это все равно, теперь у него вся жизнь такая — почти настоящая.

Лена появилась однажды вечером, потому что он забыл включить генератор глушителя. Он теперь, ложась спать, обязательно включал генератор, и ночи проходили спокойно, без неприятных визитов. Вообще все шло проще. Тогда он успел заполнить баки перед посадкой и сел нормально. Сразу построил дом глубоко под поверхностью, вырастил лес, траву, провел ручей. Потом сделал вертолет, слетал к месту первой посадки, собрал все настоящие детали. Понемногу ремонтировал «Дельту» — по инерции, потому что полностью восстановить ее было невозможно, а на придуманных деталях далеко не улетишь. В самый первый день сделал секточку-экран и генератор. Действовало очень здорово, ему теперь было намного спокойнее.

А потом появилась Лена. В ту ночь она приснилась ему. Не такая, как в жизни, приветливая, но посторонняя, а такая, какой ему хотелось ее видеть.

Он заснул в кресле перед камином, и ему приснилось, что он спит в кресле перед камином. Поздний вечер. Лена подходит к

нему, гладит по щеке, говорит: «Алик, вставай, пора спать ложиться!» — и смеется. Он, не открывая глаз, протягивает руку, привлекает ее к себе. Она сопротивляется, потом легко присаживается на подлокотник, склоняется к нему, щекоchet длинными ресницами. Он целует ее в ямочку между ключицами. Сердце сжимается от нежности. Никогда в жизни ему не было так хорошо... Лена вскакивает и начинает тормошить его, смеется, кричит: «Вставай, хватит притворяться!»

Олег проснулся и открыл глаза. Камин почти погас, было темно, но он сразу узнал ее. Вскочил и зажег свет. Она зажмурилась, закрыла глаза рукой. Олег ощупал генератор — так и есть, отключен! Он закусил губу. Пробормотал: «Подожди, Лен, я сейчас проснусь». Что же делать? Что сказать ей, как объяснить?..

Ее глаза уже привыкли к свету, она опустила руку и смотрела на него с улыбкой, но тут ее взгляд изменился, она огляделась — улыбка стала растерянной и робкой, а потом совсем протала.

— Олег... Ведь ты же Олег, да?

— Ну конечно, Олег, а кто же еще? — почти естественно улыбнулся он.

— Подожди, я ничего не помню, ничего не понимаю... Где мы? Это ведь не «Гамма». А почему я в халате? Где все? Что случилось?

— Лена, ты вот что... Ты сядь, да? А я все по порядку объясню.

Он усадил ее в кресло, сам устроился на ковре, боком, чтобы не все время глядеть ей в лицо. Она зябко поежилась, подобрала под себя ноги и натянула на них полу халата.

— Холодно? Подожди, сейчас подшурую...

Он подбросил в камин несколько тонких поленьев и раздул огонь.

— Ну, так лучше? А теперь слушай. Понимаешь, ты заболела на четвертой планете. Подхватила там какую-то дрянь вроде летаргии. Эжен ничего не мог сделать, связи с Землей не было, тебя положили в гибернатор, но через два месяца пульс уменьшился, еще что-то там стало ухудшаться, и тогда Янсен решил отправить тебя на Землю. И послал меня.

— А почему тебя?

— Ну... Не знаю, он так решил. И вот мы полетели на «Дельта». Сперва было плохо, а потом я заметил, что пульс у тебя стал устойчивый и вообще показатели улучшились. Может, повлиял анабиоз, может, ускорения, а может, нуль-переходы, кто знает? Но тут подавернулась эта планета. Понимаешь, я вышел, конечно, рискованно близко к звезде, но считается с вероятностью, что прямо под носом окажется планета... Пытался затормозить, горючее выгорело, вынужденная посадка. От корабля воспоминание осталось... А по-

том я обнаружил, что эта планета необычная. Поля, что ли, какие-то. В общем, материализуются предметы. Вот подумавшь о чем-нибудь — оно и возникает. Я сделал дом, тебя туда перенес, настроил гибернатор на пробуждение, но ты все спала. Я отремонтировал «Дельту», взлетел — в смысле, мы с тобой взлетели, но на расстоянии около трех тысяч поле ослабело, все, что я насоздавал, испарилось, пришлось опять сесть. Я снова построил дом, снова начал летать корабль — не знаю, зачем, все равно на нем лететь нельзя. А потом ты пришла в норму, только еще спала — просто спала, а сейчас проснулась. Вот...

— Странно... Я ничего не помню и совсем не чувствую, что болела. Все нормально, только в памяти провал... Но это ерунда, пройдет. Самое главное — верно я поняла? Мы застряли, да? Не можем ни выбраться, ни подать сигнал?..

— Да. И должны будем тут жить неизвестно сколько.

Оба замолчали, оба глядели в огонь. А потом Олег сказал:

— Лена... Еще вот что...

— Что?

— Лена... — у него вдруг сел голос, и он откашлялся. — Я тебя обманул. Я знаю, почему Янсен послал меня. Он знал, что я... что я тебя люблю... Вот и послал, — он повернулся и смотрел на нее в напряженном ожидании. А у нее на лице тревожную задумчивость постепенно сменила улыбка.

— Ах, Олег, Олег... Это все знали, кроме меня. Ты ведь мне ничего не говорил. Может, теперь скажешь?

— Лена! — он бросился к ней, схватил за руку. — Лена! Я люблю тебя! Тебя одну, никого раньше не любил, тебя первую и буду всегда, сколько живой... Лена...

Она сдвинулась в кресле, протянула свободную руку и погладила его по щеке, как тогда во сне.

Они долго сидели рядом, обнявшись, целовались и говорили самые нежные глупые слова.

— Алик... Я тебя буду звать Алик, ладно?

— А я тебя как?

— А как ты хочешь?

— Не знаю. Еще не придумал. По-моему, Лена — лучше всего.

— По-моему, тоже.

Они оба рассмеялись, а потом она отстранилась, нахмурила брови, оглядела его критически и очень серьезно произнесла:

— А ты мне не подходишь. Мальчишка ты еще...

— Сама такая!

— Это мое дело, какая я. Вот возьму и придумаю себе другого, подходящего — с сединой на висках, высокого, стройного и с орлиным взором.

— Кстати, Лен, ты вот что: на тебе эту штуку,— он снял сеточку, отстегнул генератор и передал ей,— нацепи на себя и пореже выключай. А то напридумываешь чего-нибудь. Я вот, когда первый раз сел, еще до этого экранчика не додумался, так я уж тут насоздавал...

Он замолчал, сосредоточился и сотворил второй комплект. Лена от изумления широко раскрыла глаза.

— Слушай, а как ты это делаешь?

— Ну как — в общем, очень просто. Сосредоточься, представь себе почетче и поподробнее, захоти сильно — и возникнет.

— Я попробую, а?

— Давай, только сетку сними.

Лена сидела, сведя брови, напряженно глядя перед собой, а потом вдруг повернулась к нему и растерянно спросила:

— Слушай, а что?

— В каком смысле — что?

— Ну, что создать?

— А что ты хочешь?

— Не знаю... Может быть, пирожное?

— Давай пирожное,— он усмехнулся, вспомнив свои первые пробы — морковку и яблоко; почему-то ее тоже тянет на съестное.

Лена, видно, плохо сосредоточилась — ничего не получалось. Олег, стоя у нее за спиной, представил себе продолговатую трубочку эклера, политую шоколадной глазурью. Теперь получилось. Лена нерешительно протянула руку.

— Алик, но я ведь хотела миндальное, а тут с заварным...

— Ну... это я тебе помогал.

— Слушай, никогда не лезь в мои личные пирожные! Не буду я его есть! Уничтожь!

— Не выйдет. Обратно не получается. Придется, лапушка, съесть.

— Нет уж, ешь сам!

— Что ж, на какую жертву не пойдешь ради любимой женщины! Лена, а может, ты всерьез хочешь есть? Ты ведь уже сколько месяцев постишься!

Он усадил ее обратно в кресло, а сам быстро уставил стол тарелками и блюдами. Посредине, между двумя высокими бокалами, появилась бутылка шампанского. Он возился, а в голове неотступно вертелась мысль: «Почему у Лены не вышло? Еще не приспособилась? Или на это годится только мое пси-поле с гипертрофированным воображением? Или потому, что она... ненастоящая?» От последнего слова у него резко сжалось сердце.

— Ну как?

— Гм... Слушай, скатерть-самобранка, а где салфетки?

— О господи, да как же это я... Совсем одичал без женского глаза. Как благодарить вас, сударыня...

— Ладно-ладно, не подлизывайся. Слушай, раз уж мы занялись хозяйством, покажи, где у тебя что.

Олег повел ее по комнатам.

— Вот спальня, тут — кухня, тут — ванная, это — выход наверх. Вот эта кнопка — дверь, эта — лифт, — он показал, как что действует.

— Алик, а зачем такие двери?

— Понимаешь, я ведь тебе уже говорил: я тут сначала наплотил всякой дряни — ящеры, кроты, где-то гуляет такой Змей Горыныч — бронированный и огнеметный, он мой первый дом разрушил. Так что это на всякий случай. И запомни: без оружия наверх ни шагу. Генератор всегда держи включенным, ясно? И вообще, лучше ты без меня первое время наружу не выбирайся.

Прохладный душ бил по коже. Олег наклонился и подставил спину. Приятно... Потом завернулся в махровую простыню, сел на край ванны и задумался. Итак, он счастлив... И от этой мысли ему стало тоскливо и тяжело.

ДЕНЬ ЧЕТЫРЕСТА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

Сашка уже наелся и уснул. Все-таки он похож больше на Олега — курносенький, бровки беленькие. Хороший мальчик, спокойный. Первый месяц только спать не давал, а потом — как отрезало. И вес набирает хорошо. Вот только развитой какой-то не по возрасту — пятый месяц, а уже зуб лезет. Сейчас сосал — так укусил... И вообще мудрый, видно, парень будет, когда не спит, все глазает по сторонам, улыбается, а потом нахмурится, пальцы считать начинает. Смотрит на каждый по очереди, шевелит, будто загибает. Не пора ли ему под капор сеточку надевать? Кто их знает, детенышей, когда они соображать начинают. Надо с Аликом посоветоваться.

Тут Лена услышала тихий рокот лифта. Хлопнула дверь. Теперь, наверное, он задавигает эту кошмарную плиту — ну да, вот дошел через пол мягкий толчок. Шагов не слышно — ковер заглушает. Лена считает: двенадцать, тринадцать, сейчас откроется дверь...

Открылась дверь, и вошел Олег. Наклонился над кроватью, нежно коснулся губами румяной щеки. Потом сел рядом с женой, обнял за плечи, прижался лбом, устало откинулся на подушку.

— Маленький, скажи тете здрасте!

— Вот я сейчас одной тут тете по шее надаю. И пониже. Лена, ну нельзя же так, я тебе сколько раз говорил, запирай дверь.

— Вечно ты чего-то боишься...

— Глупая, я ведь не за себя боюсь. Залезет, не дай бог, какая-нибудь дрянь сюда...

— Ну ладно, я больше не буду, о мой муж и повелитель! А как твои успехи? Принес ли ты на ужин добычу? Много ли собрал спонновой кости?

— Кстати. Горыныч слонику сожрал. Машу. И саванну зажег. Выгорело до самого озера. Вот черт никелированный!

— Слушай, убей ты его. Никакой пользы от него, кроме вреда.

— Уже. Жалко было сперва — все-таки уникальный зверь. А потом решил: надо будет — нового сделаю. Но до чего живучий оказался — четыре ракеты я в него всадил, а он еще дрыгался! А серые — тоже твари! Пяти минут не прошло, а они тут как тут!

— Алик, а может, и их?

— Нельзя, а то твои олешки расплодятся, всю флору съедят, болеть начнут. Пусть поддерживают экологический баланс.

— Какой ты у меня умный, знающий и предусмотрительный!

Олег привлек Лену к себе, обнял и поцеловал. Она положила голову ему на плечо, водила пальцем по подбородку и пилила за то, что он вечно небритый. Он обнял ее покрепче и начал целовать губы, щеки, шею. Но тут она выскользнула и заявила:

— Нечего, нечего, ужинать пора.

Поправила перед зеркалом прическу и удрала на кухню. Олег пошел следом, стал в дверях в любимой позе — плечом к косяку, руки в карманах. Смотрел, как она накрывает на стол. Она осталась такая же стройная и изящная, как и до Сашки, а лицо еще похорошело. И она никогда не вспоминала того, что было раньше. До ее появления здесь. Только иногда они говорили о Земле, но редко: они старались не говорить о Земле.

— Да, Лен, а Земля нас никогда не услышит — волны не проходят.

— А хоть бы и услышала — кому это надо через триста лет?

— Ну, по крайней мере там узнают об этой планете...

— Разве что. А откуда ты знаешь, что волны не проходят?

— Утром запустил «Дельту» на длинную орбиту. Локатор фиксировал ее до трех тысяч, а потом — как отрезало. Через два часа, когда расстояние уменьшилось, пожалуйста, все в порядке. А с корабля, с настоящего передатчика, сигнал проходил все время.

— Она и сейчас на орбите?

— Да. Я оставил передатчик включенным. Конечно, до Земли он не достанет, но, может, кто-нибудь будет пролетать. Услышит СОС, сядет и заберет нас на Землю...

— СОС... Кажется, это по-английски «Спасите наши души»!

— Да нет, просто условное сочетание букв. Договорились когда-то на международном совещании...

Он вспомнил разные толкования традиционного сигнала беды, и ему пришло в голову еще одно: «Спасите От Себя».

Олег заснул в кресле перед камином. Записная книжка упала на пол, рука, свесившаяся через подлокотник, налилась кровью, резко проступили набухшие жилы. «Как он устает!» — подумала Лена. Она выключила верхний свет и подошла поднять книжку. Олег что-то невнятно пробормотал во сне, зашевелился и перевернулся на правый бок. Сетка у него на голове сдвинулась, и Лена увидела красные отпечатки там, где проволочки вдавливались в кожу. «Еще сетка эта ужасная, как он ее терпит?» Она осторожно сняла сеточку с головы мужа и сунула в карман куртки.

ДЕНЬ ЧЕТЫРЕСТА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Первое, что увидел Олег, выйдя утром на поверхность, был корабль. Его верхушка сверкала за рощей в лучах поднявшегося солнца. Сначала он не поверил, но когда пробежал через рощу и остановился на опушке, корабль открылся весь — высокий, на трех могучих опорах, врезавшихся в опаленные камни. Люк был открыт, внизу стояли две фигуры в скафандрах.

«Неужели все? Неужели конец? Корабль. Люди. Или только похожий? Хоть бы люди!» Он стоял в нерешительности, а потом ринулся вперед, побежал, крича и размахивая руками. Его заметили.

Метров за двадцать Олег перешел на шаг. Он уже успел рассмотреть на корпусе корабля надпись «Орион-Бета». Приблизившись, остановился и тихо сказал:

— Ну, здравствуйте, земляки.

Они переглянулись, что-то сказали друг другу. Через шлем не было слышно. Тогда он полез в пустой внутренний карман, вытащил оттуда блокнот и ручку, написал: «Откройте щитки, здесь безопасно». Те снова переглянулись, совещаясь. Левый подошел, взял блокнот, написал: «Кто вы?» — «Я из экипажа «Регул-Гамма», потерпел аварию. Олег Блинов». Они опять посоветовались, жестами пригласили его в корабль. Олег кивнул.

В шлюзе Олегу дали маску и включили продувку. Наконец внутренняя дверь открылась, незнакомцы откинули щитки, раздевались, с любопытством поглядывая на Олега. А он задыхался от радости:

— Ребята.. Земляне, родные... Сколько же я вас ждал...

Тот, что писал в его блокноте, подошел, обнял, потом, держа за плечи, спросил:

— Вы есть рашн? Я не очень хорошо могу говорить рашн... Мы есть из Юнайтед Стейтс.

— Да какая разница, елки-палки! Черт, он же не понимает... Это все равно, безразлично, андифрент, понимаешь? Ай кэн спик инглиш, бат май инглиш из нот соу гуд...

Те засмеялись, похлопали Олега по плечам, представились: Том Дрейк, Джим Коллинз. Потом повели в рубку.

Капитана Олег узнал. Это был Стил Т. Дэвидсон, командир трех звездных, Герой Земли. Олег представился:

— Олег Блинов, планетолог. «Регул-Гамма».

— Стил Дэвидсон, командор. «Орион-Бета».

— Мистер Дэвидсон, я хотел бы побеседовать с вами наедине.

Американцы, переглядываясь, вышли из рубки. Последний плотно притворил за собой дверь.

— Мистер Дэвидсон,— начал Олег.

— Меня зовут Стил.

— Хорошо, Стил... Скажите, вы идете на Землю?

— Да.

— Мне нужно на Землю. Мой корабль поврежден.

— Мы видели его на орбите, вашу записку прочли.

— Да. Вы сможете взять меня с собой?

— Конечно, Олег.

— Но, видите ли, я здесь не один. Со мной жена и ребенок.

— Мы возьмем и их, естественно.

— Нет, Стил, они должны остаться. Я не могу сказать вам всего, но... они не могут улететь отсюда.

— Вы не боитесь оставить их на планете?

— Нет, здесь безопасно, они хорошо устроены. Но взять я их не могу. И объяснить вам подробнее тоже не могу.

— Вы не находите, Олег, что это звучит странно?

— Конечно, Стил, но пока я больше ничего не могу сказать.

— А что вы будете говорить на Земле?

— Там я смогу сказать правду — полностью.

— Допустим. А что вы скажете им?

— Скажу, что вы идете от Земли, что сообщите о нас на базу, что за нами пришлют корабль. Я улечу с вами, но они не будут знать об этом. А потом я вернусь за ними.

— Так... А что я скажу команде?

— То же самое. Или что сочтете нужным. А теперь,— Олег встал,— прошу вас и весь экипаж посетить мой дом. Здесь можно ходить без скафандров. Планета абсолютно безопасна в смысле атмосферы и микроорганизмов. Бластеры на всякий случай берите.

Дэвидсон нажал кнопку вызова. Экипаж собрался в рубку.

— Джентльмены! Наш маршрут меняется. Мы должны обследовать эту систему. С нами идет пассажиром мистер Олег Блинов. Сейчас мы все приглашены в гости к мистеру Блинову. На вахте остаются Том и Кеннет. Всем побриться, одеть парадную форму. Выходим без скафандров. Бластеры с собой. Вопросы есть? Разойтись.

Когда они снова остались вдвоём, Дэвидсон, отвернувшись к иллюминатору, спросил ровным тоном:

— Вас устраивает то, что я сказал, мистер Блинов?

— Да, сэр, вполне.

Обед прошёл очень хорошо. Американцы хвалили все — и дом, и стол, и хозяев, особенно хозяйку. С удовольствием возились с Сашкой — таскали его на руках, пели непонятные песенки, а он весело гукал, таращил глаза и пересчитывал их по пальцам.

Дэвидсон в углу разговаривал с Леной.

— Ну что же, миссис Блинова, обследование планетной системы займет минимум два месяца. При этом мы сможем собрать только отдельные кусочки, как это, крохи информации. Возможно, это продлится более долго, но незначительно. Максимум — полгода. Как я знаю, вы ждали значительно более?

— Да, мы здесь уже полтора года.

— Но, я вижу, вы неплохо устроились.

— О, это все Олег.

— Как? Один? Но разве возможно одному человеку сделать так много? Это же чудо!

— Ну конечно, чудо. Чудеса-юдеса.

— Извините!..

— Ну, — Лена засмеялась, — это уж настолько по-русски, что вряд ли иностранец, даже так блестяще владеющий языком, сможет понять... Есть такая старинная русская идиома: чудо-юдо. Она часто встречается в сказках и всегда в единственном числе. А Олег в шутку перевел ее во множественное число — чудеса-юдеса.

— Теперь я понял и в будущем всегда буду говорить чудо-юдо и чудеса-юдеса. Но главное чудо на этой планете — наша очаровательная хозяйка. Не так ли, джентльмены?

Джентльмены ответили одобрительным гулом.

— А теперь, — Дэвидсон встал, — нам пора. Завтра в восемнадцать часов бортового времени мы стартуем.

— Мы придем, — сказал Олег. — А сейчас я вас провожу.

Олег медленно шел домой. Он чувствовал себя негодяем. Необходимость расстаться с Леной и Сашкой угнетала его. А он убедил себя, что это необходимость. В нем боролись два желания: вернуться на Землю, жить как все люди и навсегда забыть о страхе или остаться здесь, с любимыми людьми, на планете, где он научился быть властелином, но остался рабом — рабом своего страха. Вернуться и стать человеком. И быть одиноким. Или остаться с любимыми людьми. Но разве они люди? Они настоящие. Он сам их создал. А Сашка? Он настоящий или нет? Или наполовину? Улететь — и предать. Пусть настоящих, но любимых. И любящих. Или

остаться честным перед ними и собой — и остаться здесь навсегда, и всю жизнь тосковать по голубому небу и настоящим людям. И ненавидеть этих...

Он плакал и ругался вслух, сердце его мучительно сжималось, но и слезы, и попытки найти правильного решение — все это была только торговля с совестью. Он уже давно выбрал и решил — еще когда говорил с Дэвидсоном. Даже раньше, когда только увидел корабль.

ДЕНЬ ЧЕТЫРЕСТА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

Они уже попрощались с американцами и отошли подальше, к опушке рощи. Лена держала на руках спящего Сашку. Олег взглянул на них и вдруг понял, что ничего ему не хочется так сильно, как остаться здесь с ними. Но он тут же подавил в себе эту мысль и сказал:

— Лен, подожди немного, я забыл одну штуку. Сейчас смотаюсь на корабль и вернусь, это всего десять минут.

И даже не поцеловал их на прощание.

В шлюзе «Ориона» он остановился, уперся рукой в стену, зажмурился. Сосредоточился. Постоял так несколько секунд. Открыл глаза. Рядом с ним стоял, упираясь рукой в стену, человек в потертом комбинезоне. Вот он поднял голову, посмотрел направо, потом налево и повернулся лицом к Олегу.

— Олег, — тихо сказал Олег, — это ты... или я? Черт, как обращаться к самому себе?

— Да, Олег, это я. В смысле ты.

— Ты ведь все знаешь, все понимаешь?..

— Да, я все знаю, все понимаю.

— Ты сделаешь все как надо. И еще: я создал себя не совсем таким, как я сам. Ты лучше. Честней, смелей... Ты ведь любишь их, верно? И для тебя не будет проблемы — уйти или остаться.

— Конечно, Олег. Не бойся. Счастливо!

— И тебе. Ну — давай!

Они крепко обняли друг друга и поцеловались. Потом двойник повернулся и легко выпрыгнул наружу. Люк закрылся. Олег открыл внутреннюю дверь и вошел в подъемник.

Наверху он заглянул в рубку и доложил:

— Я здесь, командор, все в порядке.

— Дэм ит, — вскочил Дэвидсон, — если это вы, то кто же там бежит к роще? — он ткнул пальцем в экран.

— И это я... Ну какая вам разница, командор? Просто еще одно чудо-юдо. На этой планете много чудес...

— Чудеса-юдеса, да! Вэлл...

— Пора, командор. 17.57. Найдется свободная койка!

— Да. Пятая каюта, вторая койка. Поторопитесь.

Олег, тяжело дыша после бега, стоял рядом с Леной и смотрел на корабль. Вот за клубился под дюзами дым, взвилось облако пыли, из него полез кверху нос «Ориона», на мгновение остановился, опираясь на столб пламени, пополз, потянулся вверх все быстрее, колонна огня вырастала из клубов дыма, вознося на себе ракету — и тут налетел бесконечный гром, вихрь рванул листья с деревьев. Олег едва успел, уцепившись за ствол, другой рукой прижать к себе жену.

На обратном пути он сам нес Сашку, в который раз поражаясь, какой он теплый.

Олег попросил Дэвидсона найти «Дельту». Он хотел забрать свой пустотный скафандр и кое-что из мелочей. Командор вначале отказался, но Олег убедил его, пообещав дозаправить «Орион» горючим из баков своего корабля. Они маневрировали несколько часов, пока мощный радар не нащупал вдали «Дельту».

Заправка прошла нормально, баки «Ориона» заполнились. Дэвидсон сказал, вежливо улыбувшись:

— Вы довольно щедро оплачиваете свой перелет.

— Стоит ли говорить о таких пустяках!

— Простите меня, мистер Блинов, но вы странный человек.

— Да, сэр, я на днях после ужина тоже заметил это.

— Вэлл, — пробормотал Дэвидсон и покачал головой.

Они стартовали к Земле в три часа, а в 3.25 Олег вылетел из койки и увидел, как тают в черноте космоса стены каюты. Он успел захлопнуть щиток гермошлема и какое-то время летел, сдерживая дыхание, а звездное небо кувалось вокруг него.

«Все — мираж! Все! Теперь уже все! И пусть, пусть, так мне и надо!» — шептал он в отчаянии. Все исчезло, все — и корабль, и Дэвидсон, и Том, Джим, Кеннет... Все это было миражем, порождением сна. «Ну что ж, наверно, пора умирать», — сказал он себе и потянулся рукой к замку шлема. Но тут навалился страх смерти — безобразный, огромный и бесконечный, как космос. В ушах стоял вопль, и он не знал, кричит ли он сам или это смерть. И, как тонущий гребет из последних сил, вкладывая всего себя в отчаянный порыв, так Олег — весь до последней клеточки — рванул к жизни. «Нет, еще не все потеряно! Еще можно вернуться, сесты!» Вращая руками, он сориентировал тело и включил ранцевый двигатель, но горючее быстро кончилось, а до планеты было больше трех тысяч.

А потом было два часа ожидания. Два миллиона вечностей, два миллиона попыток оживить двигатель, два миллиона смертей и

рождений. И космос рывками набрасывался на него, сжимая до размеров молекулы, и нехотя освобождал на мгновение, чтобы дать пробудиться надежде, а потом снова сжимал так, что для надежды уже не оставалось места.

Но через два часа он оказался достаточно близко к планете, и двигатель заработал снова, а планета все наползала на него, заполняя собой пространство; потом он услышал первый шорох атмосферы, коснувшейся скафандра, и начал создавать парашюты. Они рвались в клочья, но он создавал все новые и новые, пока наконец повис под куполом, и ветер медленно понес его к поверхности планеты, озаренной первыми рассветными лучами.

ДЕНЬ ЧЕТЫРЕСТА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

Олег встал рано утром, когда на небе только начали светиться самые высокие облака. Роща была затянута дымкой, на сизой траве блестела роса. Он с удовольствием рассматривал новый дом. Полуметровые бревна сруба заросли мхом, нависала над сверкающими окнами мохнатая тростниковая крыша. В гнезде на высокой печной трубе возились аисты.

И тут ему показалось, что над трубой мелькнул светлый дымок. Откуда? Никто не топил... Но, присмотревшись, он понял свою ошибку. Вдали медленно опускался парашют. «Кому-то не повезло», — подумал Олег и бросился к вертолету.

Когда он подлетел, человек уже успел погасить парашют и вошел с лямками. Он был в скафандре и шлеме и стоял спиной, поэтому Олег узнал его не сразу. Он выскочил из кабины и остановился в растерянности:

— Это ты? Откуда? Ты уже улетел... Или ты третий?

— Улетел! Кой черт!.. Все мираж... Ничего, ничего здесь нет настоящего, кроме меня, идиота. Поверил, болван... Все миражи, убудки, создания, такие, как ты и она!

Олег стоял, опустив руки, не находя слов, а тот, снова отвернувшись и наклонившись над парашютом, замолчал. Потом замер, будто ему пришла в голову неожиданная мысль, и глухим, каким-то чужим голосом сказал:

— Ты уж извини меня, но я не третий. Я первый. И единственный!

Он резко повернулся, взметнул руку с пистолетом, и Олегу в глаза ударила ослепительно яркая звезда...

Ветер унес пепел, но обгорелые кости остались. Их пришлось закопать.

Олег посадил вертолет во дворе и долго смотрел на новый дом. «Да, тот действительно был лучше — он не боялся. И, кстати, мог воплощать. Что же, неудивительно. Ведь это был я, хоть и не-

настоящий... Все лучшее во мне — вот кто он был. А я убил его...» Он сжал зубы и пошел в старый свой дом.

Лена еще спала. Он потихоньку прошел в ванную и долго отмывал руки горячей водой. Ему все казалось, что на ладонях песок и зола, и он продолжал тереть руки щеткой и мылом, и думал о том, что проживет еще много лет и каждый день будет пытаться смыть с рук песок и золу...

ГАЛИНА УСОВА

Вода

Вода становится гораздо вкуснее, если постоит немного в кедровой кадке. Тогда она прохладная и чуть пахнет свежим июльским ветром в кедрах. Надо, чтобы она часова шесть постояла, а пить ее нужно ковшом из выдолбленной тыквы. Никогда не пейте воду из металла.

Уильям Фолкнер

1.

Антон идет напрямик через лес. Он один, но ему нисколько не страшно. Лес самый настоящий, точно такой, как в кинофильме, который они с ребятами смотрели недавно в клубе химкомбината. Ноги мягко погружаются в толстый зеленый ковер мха. На круглой кочке дразняще краснеют ягоды. Красивые, но можно ли их попробовать? Надо бы у деда спросить, он разбирается, но его нет. Антон совсем один. Наверно, и грибы должны тут быть — так и есть, мелькнула лиловая шляпка. Грибы Антон видел на картинке в энциклопедии, но этот не похож на те, нарисованные. Может, ядовитый? А кругом поют, щелкают, свистят птицы. Высоко над головой зашуршала ветка. Антон вздрогнул, поднял голову. На разлапистой мохнатой ветке сидит рыжая белка с пышным хвостом и смотрит на него. За спиной у Антона что-то тяжелое. Он быстро заводит руку назад — так и есть, ружье! Только что его, кажется, не было. Значит, все не на самом деле. Про вралправдашний лес Антону только дед рассказывал. А этот ему снится. Во сне все что угодно может быть — даже ружье появилось. И выстрелить он, наверно, сумеет, если во сне. Сбить белку с ветки. Только зачем? Пусть живет. Антон отводит руку от ружья и приветливо машет белке. К его уди-

влению, она радостно машет в ответ пыльным хвостом и дружески подмигивает круглым коричневым глазом. Хотя что удивляться? Ведь это во сне.

Становится жарко — припекает солнышко. Хочется пить. Где-то должен быть источник — ключ. Вода в нем прохладная, вкусная, пахнет солнцем и сосной. Антон совсем недавно узнал, что ключ — это не только металлический предмет, которым отпирают квартиру, включают зажигание автомобиля или отвинчивают велосипедные колеса. Ключ — это и живительная струйка, к ней можно припасть, и вода потечет в воспаленный разохшийся рот, орошит его, как смазка забарахлившие подшипники. Только где он, этот ключ? Журчит где-то за кустами. Где же? Антон кидается туда — нет, там только широкая канава, по ней текут отходы химкомбината, остро пахучая зеленоватая жидкость...

— Пить!

— Лей, сыночек.

Мама. Откуда здесь мама? Ах да, он бродил по лесу во сне. На самом деле он лежит на складной пластиковой кровати, болеет. Мама прикладывает к воспаленным губам пластиковый стаканчик. Антон вдыхает резкий неприятный запах канавы из своего сна. С ужасом заглядывает в стакан — там плещется мутная зеленоватая жидкость...

— Мальчик мой, лей, это же вода! Почему ты плюешься? Ну вот, и меня облил...

— Пить!

1.

— Что с ним, доктор?

Врач медлит, просовывая руки в рукава пальто. Лицо его серьезно. Ему не хочется пугать ее, но...

— Четвертый случай в нашей поликлинике. Мы пока не совсем понимаем. Все, кто заболел этой болезнью, внуки первых строителей химкомбината. Ведь ваш Антон, как и они, здесь родился и все двенадцать лет никуда не выезжал?

— Ну почему не выезжал? Каждое лето на дачу с детским садом, а школьником стал — в пионерлагерь...

— От химкомбината? Искусственная среда. А в настоящем лесу он хоть раз был? Ну вот, видите! Третье поколение...

Врач не хотел слишком тревожить расстроенную женщину. Он не стал ей говорить, что самый младший ребенок, заболевший этой болезнью, вчера умер от обезвоживания организма. Не помогли никакие вливания и инъекции — организм упорно не принимал воду,

вводившуюся в него искусственными путями... Это в другом микрорайоне, может быть, она не узнает.

— Он должен как можно больше пить.

— Он все время просит пить, но, когда я подношу воду, он ее выплевывает.

— Надо как-то его напоить. И еще — у вас в доме только пластиковая мебель?

— В чулане валяется старая деревянная тахта.

— Из натурального дерева? Отлично. Обязательно переложите Антона. И нейлоновую рубашку с него снимите. Замените чем угодно, хоть в старое тряпье его закутайте, лишь бы натуральное было. А главное — напоите.

3.

— ПИТЬ!

Антон Захарович аккуратно погружает стерильную марлю в стакан с водой, мягко проводит ею по пересохшим потрескавшимся губам внука.

— Пей!

Неожиданно резким движением мальчик отталкивает деда и быстро обтирает губы длинным рукавом старенькой ситцезой рубашки.

— Да ты что? Антошка! Дуралей... Как же тебе угодить? Ведь пить тебе надо, дурачок!

— ПИТЬ!

Антон Захарович горестно смотрит на разметавшуюся в жару фигурку — она кажется такой маленькой на широкой деревянной тахте. Насилу выволокли из кладовой... Вот же нашел время заболеть, дуралей этакий, самые горячие деньки, только пустили новый корпус, на днях заканчиваем с планом... Антону Захаровичу, главному инженеру комбината, надо бы сегодня быть на месте, но у Верушки в цеху тоже запарка, без нее уж никак не управятся. Он решил посидеть с больным внуком, а Веру отпустить на работу. Завтра, если не станет Антошке лучше, придется попросить посидеть с ним секретаршу Анну Петровну.

— Ключ! Дедушка, где тут ключ?

Ключ вспомнил. Перед болезнью они вдвоем заменяли велосипедную камеру, долго искали гаечный ключ. Об этом он, что ли?

— Пить... Там, под деревьями... Вода журчит... ПИТЬ!

Ах, вон какой ключ! Постой, постой... Ключ. Вот ведь почему не пьет парень. Ключ... Надо ведь...

Антон Захарович вспомнил, как молодым парнем приехал он сюда на строительство. Какие привольные леса шумели вокруг!

Конечно, старались по возможности сохранить, но ведь химвкомбинат. Верушка была совсем крошкой, когда он получил эту квартиру и перевез их с Валентиной из Таежного. Валентина первое время ахала, радовалась — в Таежном-то жили, как в деревне, хотя, конечно, электричество. Но избы деревенские, по воду на колодец ходили.

— ПИТЬ!

— Ах ты господи! Как я сразу-то не понял?

Вспомнил Антон Захарович себя босоногим мальчишкой в Таежном, как заиграется с ребятами, хотелось ему пить. И бежал он в сени своего родного дома, где стояла дубовая кадушка с душистой холодной водой...

— ПИТЬ!

— Сейчас, сейчас, Антошечка! Дурень я старый! Как это не сообразил сразу? Парень, может, уже поправился бы!

Антон Захарович засуетился, лихорадочно собираясь, натянул старые брюки, в которых водил машину. Ключи в кармане. До Таежного километров триста. Только бы Верушка скорей пришла, засветло можно обернуться, если на сверхскорости гнать.

Он заранее вывел машину и с нетерпением смотрел на дорогу. Слава богу, вот и Вера — молодец, не задержалась! Он распахнул дверцу и включил зажигание.

— Папа! Что случилось?

— Ничего, Верушка. Слит. Иди к нему. Я ждал тебя.

— Павел Ильич просил передать, что сегодня обошлись. И завтра можешь не приезжать. А после — выходные. Папа!

— Да я не на комбинат, Верочка, я в Таежный.

— В Таежный? Но объясни...

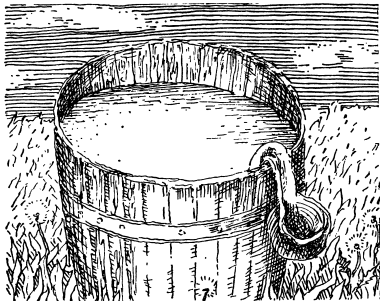
— Некогда. Поймешь, как приеду. Я на сверхскорости.

Машина рывкнула, рванулась и исчезла за поворотом.

4.

Вера Антоновна сидит неподвижно возле постели сына. На лбу мальчика испарина, на щеках и подбородке проступили белые пятна. Он уже совсем не открывает глаз. Мать тревожно щупает мокрый лоб, побелевшие щеки, шею. Температура спала. Может, на поправку пошел? Нет, непохоже. Дышит тяжело, почти задыхается, мечется по огромной тахте, стонет. И дед куда-то умчался на машине. Вере Антоновне становится не по себе, когда она вспоминает лихорадочно блеснувшие глаза отца, захлопывающего дверцу машины. С чего вдруг в Таежный его понесло? Лет двадцать уже там не бывали. Жив ли кто из родных?

И Сергея нет. Он звал ее с собой в геологическую экспеди-

цию, но ведь как ей бросить работу! Да и сына. После смерти бабушки он совсем беспризорник.

— Работа для тебя и в экспедиции найдется,— убеждал Сергей.— Не обязательно по специальности.

— Я потомственный химик,— отбивалась она.

— Химик... Нахимичили вы с твоим батей. Все леса, все реки кругом отравили.

— У нас один из крупнейших комбинатов в стране. Ты что же, прикажешь его сломать? И жить в пещерах?

— Не прикажу. Ты прекрасно знаешь, что я ищу сырье для таких комбинатов. Но нельзя ведь губить всю природу! Эх, погоди, Антон подрастет, будет со мной ездить!

Антон мечется в болезни — худущий, высохший. Лицо какое-то увядшее, как у маленького старичка. Что она скажет Сергею, когда он вернется из экспедиции?

Скрипнула входная дверь. Вера вскочила, бросилась в прихожую. Антон Захарович со стуком поставил на пол дубовую кадку, плотно прикрытую деревянной крышкой. Немного воды все-таки выплеснулось и растеклось по свеженатертому паркету.

— Господи! Папа, что ты выдумал! Паркет ведь!

— Да пусть он сгниет, твой паркет! Парня надо напоить. И других больных ребятишек. У меня в машине еще есть.

Антон Захарович зачерпнул воды деревянным ковшиком, на цыпочках пошел в комнату внука.

— ПИТЬ!

— Пей, Антошка, пей на здоровье!

Мальчик жадно втянул носом густой аромат пропитавшейся свежим деревом воды, неожиданно легко поднял голову, отпил из ковша несколько глотков. Открыл глаза, улыбнулся деду. Потом устало откинулся на подушку, снова закрыл глаза и задышал ровно и безмятежно. По измученному болезнью лицу разливался спокойный розовый румянец.

СЕРГЕЙ ДРУГАЛЬ

Экзамен

Нури сидел на дереве, а внизу бесновался и царапал кору какой-то пятнистый зверь. Это продолжалось уже минут десять и стало раздражать Нури. Зверь разбежался, прыгнул. Когти на растопыренных лапах промелькнули в сантиметре от башмаков. Нури поджал ноги, обхватил ствол, наклонился.

— Красивый, — сказал он, — Но совсем невыдержанный.

Зверь прислушался, рыкнул и полез на дерево. Нури вздохнул, крепче уцепился за сук.

— Нехорошо, ситуацию не учитываешь.

Он сдвинулся по стволу вниз и пнул зверя каблуком в нос. Зверь шлепнулся на спину, вскочил, зашипел и, словно забыв о Нури, кинулся к орнитоплану. Он вцепился зубами в пластиковую оболочку крыла и, урча, стал рвать ее. Крыло судорожно задержалось. Этого Нури стерпеть не мог. Бормоча: «В конце концов у каждого есть нервы...» — он прыгнул с дерева, подбежал к зверю, ухватил его за шиворот и хвост у самого корня и отшвырнул в сторону. Зверь приземлился на все четыре лапы, взревел, ударил себя хвостом по одному боку, потом по другому и прыгнул...

Нури копался в ящике под седлом, искал флагу, когда из динамика послышался голос дежурного Института реставрации природы (ИРП).

— В чем дело, Нури? Вас не видно, вас не слышно.

Нури потер ладонь:

— Сел на опушке, хотел немного размяться, а тут такой пятнистый, усаемый...

— И?

— Инструкцию к повестке помню. Уклонялся. Сидел на дереве. Так он укусил аппарат.

— На дереве! — мурлыкнул диспетчер. — Вам помочь?

— Обойдусь.

Нури перевернул зверя на спину, ополовинил флягу ему в пасть. Зверь захлебнулся и открыл глаза.

— Ну вот, — обрадованно сказал Нури, — жив, здоров. Только задумчивый немного.

— Доберетесь сами? — спросил диспетчер.

— Несомненно. Сейчас взлетаю.

Но взлететь Нури не пришлось. Зверь прокусил-таки пластик и неперегоревшая глюкоза вылилась на траву. Нури стянул рваные края оболочки, наложил пластырь и задумался.

Запаса глюкозы не было. Можно бы, заменив ее сахарным раствором, кое-как добраться до Центра, но сахара тоже не было. Где-то он читал, что если ввести адреналин, то можно какое-то время лететь на почти сухой мышце, но где взять адреналин?

Зверь уже сидел, щуря зеленые глаза.

— Видишь, что наделал, — сказал ему Нури и замер в тихом восторге.

Из леса на поляну трусцой выбежал легий пузатый ослик, а на спине у него, задевая конечностями за траву, ехал кибер. Его анодированный золотом корпус блестел. Развевалось страусиное перо на соломенной шляпе. Над головой кибера летел синий с красным попугай и картаво кричал:

— Кибер дурак. Дурак.

Неожиданно кибер дернулся, вскинул манипуляторы, пытаясь поймать попугая, и свалился с осла.

— Глупая птица, — поднимаясь, сказал кибер. — Очень глупая. И не вижу причин для смеха.

— Сейчас, — вздрагивающим голосом сказал Нури. — Сейчас я просмеюсь и снова стану серьезным.

— Констатирую: кто-то повредил леопарда, — произнес кибер, не глядя на Нури. — Если каждый будет повреждать животных...

— Два вопроса, — перебил его Нури. — Во-первых, ты где взял перо? Если каждый будет выдергивать по перу, то страус облысеет и с хвоста. И во-вторых, что тебе леопард, что ты леопарду?

— Перо я нашел в саванне. И по второму: я по совместительству смотритель. И ответствен за благополучие животных. Мне поручена эта работа потому, что я добр и некусаем. Меня даже ногами топтали, и что? — кибер выпятил грудь.

— Вот именно, и что?

— И ничего. Ни одной вмятины.

— Значит, некусает.— Нури на секунду задумался.— За насекомых ты тоже в ответе?

— Об этом распоряжения не было.

— Тогда вот что. Принеси мне меду в сотах. Так, кусочек с ладонь. Здесь должны быть дикие пчелы, не так ли?

— Пчелы есть, но бортничеством я не занимаюсь.

— Когда-то нужно начинать. Мне нужен мед.

Кибер замолчал и стал думать. Ослик неподалеку хрумкал траву. Усатый окончательно пришел в себя и терся больной мордой о ноги неподвижного кибера. Нури раскинулся на траве, глядел в небо. Пахло зноем, легкий ветерок раскачивал ветви в вышине. Строго говоря, спешить было незачем, но он обещал деду прибыть пораньше и опаздывать было неловко. До экзаменов еще три дня. Интересно, как добираются другие?

— Я достану мед,— нарушил тишину кибер.

Нури кивнул, сорвал травинку и смотрел вслед киберу, пока тот не скрылся в кустах. Мысли текли ленивые и непривычные. У попугая красные штаны, а у вас, Нури, как говорил летный инструктор, сильно развито воображение, вы могли бы ласточкой летать, жаль времени мало. Ласточкой— это взмах, и крылья сложены, и полет-падение по инерции. Воробей тоже так летает. Вообще, задача пустяковая, азы баллистики и аэродинамики. Любопытно, живое использует инерцию, а машин, движущихся за счет инерции, почти нет...

— Киберр в зарослях! — крикнул попугай.

Кибер действительно вышел из кустов, неся на вытянутой ладони соты. Над ним роились пчелы, а вокруг туловища в три кольца обвивалась гигантская змея. Голова ее с желтыми пятнами у глаз лежала на плече кибера, из пасти на длинном стебле свисал белый цветок. При виде змеи ослик заморгал и попятился. Усатый тихо исчез.

— Принес мед,— сказал кибер.

Нури сел и молча рассматривал змею.

— Я ее смотал с дерева и обмотал вокруг себя,— счел необходимым объяснить кибер.— Она меня за внешность полюбила.

— Так сразу?

— Естественно. Любят всегда за внешность,— сказал кибер и, подумав, добавил.— И за быстроту реакции.

— Здорово и ново! Скажи, можешь ты исполнить еще одну мою просьбу?

— Обязан, если буду в силах.

— Тогда вот что. Отойди в сторонку, смотай гада с себя и снова намотай на дерево. Я уверен, что это тебе по силам.

Кибер положил соты на траву и ушел.

— Кибер дурак, — констатировал полугай. Ослик вздохнул.

Нури, отмахиваясь от пчел, бросил соты в котелок, плеснул наугад воды, взболтал и вылил смесь в заправочный бачок. Через минуту крыло обрело упругость, выпрямилось. Нури похлопал по нему, закрыл крышку седла, уселся и закрепил на бицепсах браслеты биоуправления.

Нури поднял машину в воздух. Поврежденное крыло слушалось плохо. Нури достаточно четко перевоплощался в здорового аиста — это давалось без особого напряжения. Но представить себя аистом с подбитым крылом Нури мог с великим трудом. Полет получался неровным, и он, чтобы влиться в образ, сделал несколько кругов над поляной.

— Только планер, — шептал он. — Орнитоплан. Можно пешком. Можно верхом.

Нури наклонился. У кустов кибер уговаривал осла.

— Как хоть зовут тебя, служивый?

— Телесик! — донеслось с земли. — Домовый кибер Сатона.

Широкими взмахами Нури набрал высоту и с облегчением перешел на привычный планирующий полет. Внизу, сколько видел глаз, расстился лесной массив ИРП. Проплывали редкие изумрудные прогалины и в непривычной тишине отчетливо слышались крики

обезьян и птичьи голоса. На маленьком пульте светил зеленым глазом единственный прибор — указатель курса. Орнитоллан был сделан таким образом, что, включаясь в биологическую систему управления, пилот ощущал его всем своим телом и диагностика неисправностей не вызывала затруднений. Поврежденное крыло чувствовалось как тянущая боль в предплечье. Но приключение на поляне окончилось благополучно, а в прозрачной дали уже виднелась игла главного корпуса ИРП. Нури расслабился.

— Здравствуй,— послышалось рядом. Нури оглянулся. В метре от него слева, едва шевеля крыльями, летел ворон.

— Привет! — ответил Нури.— У вас здесь что, все птицы разговаривают?

— Разумные,— сказал ворон.

— Я уже встречал говорящего полугая. Полуган тоже?

— Некоторые.

— Прогресс,— сказал Нури.— Видимо, Сатон не только реставрирует природу. Он ее модернизирует. А вообще, чего зря напрягаться. Садись, поговорим.

— Я ворон,— сказал ворон.

Нури задумался. Разговор стоило поддерживать. Не каждый день есть возможность поговорить с вороном.

— Женат? — спросил он.

— Трижды. Последний раз на берой ворроне,— с японским акцентом отметил ворон. Потом добавил: — Рразошрись. Харрактерр.

— Ай-ай, а сколько лет прожили?

— Портораств.

— С ума сойти! — Нури с уважением посмотрел на птицу.— Сто пятьдесят лет. С белой вороной. Я бы не выдержал.

Собеседник молча летел рядом. То ли ворон расстроился, то ли разозлился. Скорее разозлился, потому что, когда Нури, целясь на башню ИРП, сделал пологий вираж, ворон презрительно сказал:

— Ррожденный порзать...— Он чуть шевельнул хвостом и дал несколько кругов на уровне глаз Нури. Это получилось у него как бы само собой.

— С какой ноги ползет сороконожка! Твоя гордыня, ворон, непомерна,— пропел Нури. Твердое «эр» звучало в их беседе, как горошина в погремушке. Нури развеселился.— Тем не менее критику я принимаю. Но без злопыхательства. Позитивную. Научи, каким пером ты шевелишь, чтобы сделать вираж?

— Вопрос не труден,— сказал ворон.— Это делается так.

Он заглянул себе под живот, веером растопырил хвост и провалился вниз.

— Вот так,— сказал Нури.— Впредь не хвастайся.

Ворон, скрывшись с глаз, больше не показывался, и Нури вскоре благополучно приземлился на маленьком травяном аэродроме ИРП.

Нури проснулся от птичьего гомона в кроне старого тополя и лежал, прислушиваясь. Вот протопал на кухню Телесик, загредел крышкой комбайна. Издалека, похоже с аэродрома, донесся неясный говор динамика.

Скрипнула дверь, солнечный луч упал на лицо. Когда Нури открыл глаза, рядом стоял Телесик. Он неодобрительно щелкнул челюстью и сказал:

— Вставай.

Вставать не хотелось. Кибер потоптался возле кровати и ушел по хозяйственным делам. С самого появления на свет он не переставал удивляться человеческой способности спать.

Нури вышел на балкон. Внизу в бассейне плескался и фыркал дед. Он играл с дельфином, носился с ним в обнимку у самого дна. Нури проводил их взглядом до поворота, встал на перила, оттолкнулся и ушел в воду, описав длинную дугу. Он плыл в глубине у стен, заглядывая в гроты, вслугнул двух маленьких крабов, которые не поделили между собой ракушку, осмотрел колонию мидий и на последнем выдохе пробкой выскочил из воды.

У кромки бассейна на еще прохладном песке лежал дед. Он сыпал песок себе на живот и рассматривал Нури.

— Здоров, парень,— подытожил дед свои наблюдения.— Сидячая жизнь не повлияла на тебя.

Нури засмеялся.

— В общем, да, не повлияла. Но мышечная масса за этот год не увеличилась. Я остановился в физическом развитии... Надо бы рыбу развести в бассейне, пуст бассейн.

— Бесполезно, дельфин всю поест. Недавно сюда заплывла пара приبلудных макрелей, только их и видели.

По самой кромке бассейна, гоня перед собой овальный голыш припрыгал на одной ножке вундеркинд и акселерат Алешка. Он вежливо поздоровался с Нури и напомнил, что на утро намечена прогулка по городку ИРП.

— И вчера, Нури, вы обещали мне сказку.

— Каюсь,— вздохнул Нури.— Сказку может сочинить только гений. Мне это не по силам. Я попробую, но позже. И не суди строго.

— Не судить? — Вундеркинд задумался, нарисовал что-то ногой на песке, зачеркнул.— Что ж, посмотрим. Вчера вы не плохо взяли интеграл в функциях Матье. Мне понравилось, хотя интеграл в общем-то табличный...

— Хозяин! — послышалось издали. — Хозяин, пора завтракать.

— Хочу киберу голос сменить, — дед поднялся, не касаясь руками земли, стряхнул песок. — При его комплекции больше подойдет баритон. Слишком басит.

Они пошли через небольшой сад. Белокорые березы, сплошь опутанные лианами, ивы и пальмы, платаны и почти черные гладкие кактусы уживались в этом саду.

— Гибриды, — рассеянно сказал дед. — Ищем подобия старых форм.

Пока Нури завтракал, Алешка с нетерпением ждал его. Он отвес еду дельфину и загнал на тополь хота. Кот Синтаксис, с шишковатой головой и твердыми мурлами — так бабушка называла те места, из которых у кота росли усы, — скучно шипел. Шипел он в порядке профилактики, так как акселерат никогда ему не делал зла. Просто Синтаксис, заматерелый в своей угрюмой воинственности, не нуждался ни в чьем внимании, и меньше всего в Алешкином.

Потом они втроем, Нури, Алешка и кибер двинулись по широкой улице базового городка, в котором жили сотрудники Института реставрации природы. Осмотрели стоянку дежурных махолетов. Нури поговорил с механиками-хирургами: они пересаживали мышцу крыла его орнитоплана. Потом прошли к гостинице. За столиками, вынесенными на зеленый газон, в шортах и тапочках на босу ногу сидели странно знакомые люди и жадно поглощали виноград: сизые грозди его виселись в огромной корзине посередине стола. Рядом резвились два пестрых щенка. Веселый великан с перевязанной головой — Нури узнал знакомого по портретам десантника-йога, первым ступившего на раскаленную поверхность Венеры, — прищурил глаз. Другим он смотрел сквозь бокал с рубиновым вином. Он увидел Алешку, поставил бокал и жалобно сказал:

— Пожалей старика, парень. В некотором царстве выращивал я во какие овощи. А ночью на бахче взорвался сильно зрелый арбуз, и, видишь, зацепило осколком. Лечусь. — Он потряс бутылкой. — Сейчас мы ее утилизируем. Идите к нам, Нури.

— Оставь их, Рахматула, — вмешался сосед. Его длинное лицо было неподвижно, а голос возникал словно из окружающего пространства. — Люди идут своей дорогой. Пусть идут. Ты лучше посмотри, какой красивый и хороший кибер пришел. Сколько солнца отражается от его выпуклого живота. Я соберу его.

Он вытянул руки, и между ладонями зажглось солнце, маленький, с футбольный мяч и ослепительно белое.

— Солнышко! — сказал Алешка.

— Хочешь, я подарю его тебе? Нет? Тогда пусть летит.

Он слегка подкинул ослепительный шар, и маленькое солнце умчалось ввысь к солнцу большому и растворилось в его лучах.

И Алешка и Нури откровенно глазели на великого иллюзиониста, впервые увидев его не на экране, а живьем.

— Подари ему радугу, Иван,— сказал Рахматула.

Фокусник щелкнул пальцами, достал из воздуха черную коробочку, разделил ее на две части и развел их во весь размах. Радуга повисла над корзиной, и в воздухе запахло озоном, и мелкие капли прохладного дождика увлажнили виноградные кисти. Иван вместе со всеми полюбовался радугой, вздохнул, намотал ее на палец, уложил в коробочку и протянул Алешке. Вундеркинд взял ее трепещущей рукой и шепотом сказал:

— Большое вам спасибо. Я ее буду изредка выпускать по вечерам.

— Точно, самое главное, смотри, чтоб не выгорела,— сказал третий в компании, черный толстяк с толстыми губами. Толстяка все знали. Это был городской доктор Аганиус, единственный человек, которому всегда делать было нечего: он лечил абсолютно здоровых работников центра ИРП.

А когда они вновь зашагали по улице, Нури сказал:

— Зря, видимо, я прилетел. Если сюда все такие собрались, как Рахматула и Иван Иванов, то мне здесь делать нечего.

— Очень умный человек Иван Иванов.— Кибер погладил себя по животу мягкой лапой манипулятора. Он покосился на черную коробочку и добавил: — И добрый. Да.

Подошли к стадиону, на котором тренировались футболисты. Стадион почему-то был огорожен только с одной стороны и состоял из сплошного футбольного поля, переходящего в луг. У самой боковой линии паслась лосиха. Футболисты не обращали на нее внимания, она не них тоже.

Алешка побродил у ворот и вдруг присел на корточки: недалеко щипали траву гадкие утята. Один подошел совсем близко к Алешке, ухватил стебель, потянул. Трава не поддавалась. Утенок напряжился, широко расставив оранжевые лапы, акселерат и вундеркинд из сочувствия весь подобрался и замер. Наконец птенец изловчился.

— Откусил,— прошептал кибер и, нависая над утенком, добавил: — Непроизводительная трата энергии. Эту траву он все равно есть не будет.

Вдоволь насмотревшись, пошли дальше. Влекомая двумя зебрами, быстро проехала повозка с бидонами, мелькнула надпись «ИРП. Молоко кан». Кибер не захотел рисковать, спрыгнул на обочину и уставился на плакат. Написанный на листе ватмана от руки плакат гласил:

В понедельник состоится субботник
по сортировке яиц малиновки и соловья.

Домовые киберы без присосок в инкубатор не допускаются.

Телесик пошевелил четырехпалым манипулятором. Задумался. Из аптеки на углу вышел толстый Аканиус с пипеткой в руках. А потом откуда-то вывернулся мальчишка лет двенадцати. Он тащил за собой на веревке щенка. Весь облик мальчишки был по-гусарски независим и не предавщал щенку ничего хорошего. Круглую его физиономию, естественно, мальчишки, а не щенка, обрамляли уши. Нури подумал, что через них можно было бы наблюдать солнечное затмение, если, конечно, предварительно сговориться с мальчишкой. Паренок был гол по пояс и бос. Но что Нури совсем доконало, так это его штаны: они были тщательно отутюжены и слегка светились.

Алешка уставился на щенка, мальчишка — на Алешку. Потом он посмотрел Нури в глаза и сказал:

— Сначала оцелот. Оцелот — это шедевр. Ничего лишнего, последний мазок в той картине, которую зовут гармония. Потом собака: воплощение достоинства, ходячая преданность, сгусток гуманности и любви. Меняю собаку на браслет.

Нури выслушал выпренную речь удивительного ребенка и вздохнул. Что Алешка не уйдет без щенка, он понял сразу, но кодовый браслет...

— Не, вы меня не поймаете, — сказал мальчишка. — Давайте прибор, берите собаку, а то мы ее... — он запнулся, — изучать начнем.

Последние слова он адресовал Алешке и сделал зверское лицо.

— Таких щенков, как говорили в старину, за пучок — пятачок.

Ребенок нехорошо хихикнул.

— Как хотите. — Он дернул веревку, поволок щенка.

Алешка сел на траву и стал раскачиваться.

— А что вы думаете, — сказал кибер. — Дите, конечно, вундеркинд, но пять лет — это пять лет.

Он задрал вундеркинду рубашку, промокнул слезы и высморкал ребенка. Мальчишка горестно вздохнул.

— Животное не жалеете, пацана пожалейте, филателист.

Филателистом Нури еще никогда не обзывали, и вот дождался. Он отстегнул с руки браслет. Мальчишка бросил веревку, схватил браслет, захохотал.

— Ага! Еще пару щенков, и на сегодня хватит! — Он зашевелил ушами, повернулся на пятке и исчез, словно дематериализовался, оставив в воздухе дрожащее марево.

Толстяк с пипеткой, пока Нури торговался, стоял в стороне и с явным удовольствием наблюдал. Теперь он подошел поближе и радостно констатировал:

— Так-с, вы тоже сменялись!

Нури развел руками.

— Не огорчайтесь, Нури Метти, по-моему, вам оказана большая честь.

— От вас я не ожидал, доктор.

— Нури, для меня вы не более, чем потенциальный пациент. Но ребят можно понять. В музее героев ваш транзистор займет почетное место. Генеральный конструктор большой государственной машины не каждый день прибывает к нам. И вообще таких шансов пополнить музей больше не будет. Я и сам не предполагал увидеть сразу и в одном месте столько знаменитых.

— Но способ...

— Вот то-то,— доктор шлепнул Телесику по звонкому животу,— А что, слава гнетет?

— Филателист, вот я кто.

Щенок сидел на веранде. Он бодрился, хотя по всему видать, чувствовал себя несколько связанно. Алешка гладил его по шерсти. Вокруг реагировали члены семьи.

— Нет, это не пудель,— сказала бабушка и была как всегда права.— Глупые вы с Алешкой, но пусть, конечно, живет.

Дед потрогал несоразмерно большие щенячьи лапы, упругие усы, оглядел Алешку и ничего не сказал.

Кот Синтаксис лежал на кушетке, вывернувшись кверху брюхом. Он настолько всех презирал, что даже слегка подмурлыкивал, чего, как заметила бабушка, последние три года от него никто не слышал. Дед стал слегка подталкивать его на край кушетки. Кот замолчал, но даже не открыл глаз, хотя голова его свесилась вниз. Наконец он боком сполз на пол и остался лежать не шевелясь. И лишь когда бабушка стала подсмеиваться над ним, кот вскочил и окрысился на окружающих. Хвост его выгнулся и задрожал.

— С-сатон,— сказал кот.— Псся!

— Что ли, он говорить научился? — ни к кому не обращаясь, спросил кибер.

— Ругаться он с детства умел, с котячьего возраста,— ответила бабушка.— А говорить, сколько Алешка с ним ни бился, не хочет. Ленив.

Кот, не глядя по сторонам, ушел в сад, отряхивая лапы. Впрочем, к обеду он вернулся.

Мангуста Бьюти возлежала на спине золотого дельфина: две такие скульптуры украшали вход в здание центра. Бьюти равнодушно посматривала сверху на ожидающих. По стриженной траве прохаживались, перебрасываясь фразами, лучшие люди планеты. В позе

полного сосредоточения, подняв лицо к солнцу, сидел Рахматула. Он не дышал уже минут двадцать и не отвечал на вопросы. Пояс космонавта — лишь три человека на Земле были удостоены столь высокой награды — опоясывал его обнаженный торс. Рядом, с чертенком на руках, стоял Иван Иванов. Чертенок, небольшой, с кошку, сонно помаргивал, потом положил голову с маленькими винтами рожек на плечо и сладко зевнул.

— Настоящий? — спросил Нури.

— Более чем. Можете проверить.

— Свят-свят. Сгинь, нечистая сила! — сказал Нури и перекрестил чертенка. Тот никак не реагировал на заклятие, только в воздухе слегка повеяло серным ангидридом.

— Адова эманация, — извиняющимся тоном сказал Иван.

Чертенок удобнее уместился у него на руках, пробормотал:

— Идет коза рогатая... — и заснул.

Кутаясь в оранжевую тогу, подошел величественный Хогард Браун. Его глаза с подкрашенными фиолетовыми белками слезились. Великий спелеолог и юморист не носил прописанных ему темных очков. Зато он носил яркие одежды и в правом ухе серьгу с огромным зеленым рубином. Хогард большую часть жизни проводил под землей, а выходя на поверхность, вовсе наслаждался красками неба и леса и воды. Ибо его всегда ожидал новый спуск в царство темноты и тишины. Лучшие свои произведения из одной-двух фраз Хогард сочинял там, во мраке пещер, где смертельный риск был нормой жизни его и таких, как он. Хогард утверждал, что он начисто лишен чувства юмора и потому свои шутки проверяет на себе: если уж он сам улыбнется, то читатель будет хохотать неудержимо.

— Чертенок — это хорошо, — серьезно сказал Хогард. — Но меня интересует, почему ИРП? Я получил вызов и удивился. Конечно, приехал. На дважды сгорбленном верблюде. Но нас здесь не так уж много.

— Желающих с избытком, — сказал Нури. — Просто сегодня день экзаменов во всех центрах реставрации. Сто центров, и в каждом по десять человек. А почему в институтах реставрации? Полагаю потому, что требования к нам слишком уж противоречивы.

— Требования...

— Ну, вам-то бояться нечего. Правда, Бьюти?

Бьюти разинула пасть, показав розовую пружинку языка, и отвернулась.

— Доктор Нури Метти, вас просят подняться в кабинет директора Института реставрации природы, — послышалось из динамика над входом.

— Значит, вы первый. Не знаю, хорошо это или плохо. Я как-

то волнуясь,— сказал Иванов. Чертенюк завожился у него на руках, приоткрыл один глаз и крикнул вслед Нури:

— Ни пуха, ни пера.

— Иди к черту,— пробормотал Нури, закрывая кабину лифта. Он еще успел заметить, как исчез чертенюк, как замахал пустыми руками Иван Иванов, и, поднимаясь, услышал его крик:

— Что вы наделали, Нури! Я с таким трудом приручил его. Я вам этого никогда не прощу.

Подъем был стремителен. Не меньше полутора жи, прикинул Нури, ощутив легкое головокружение. Сверху, с широкой площадки, кольцом опоясывающей верхушку здания, голубая бухта казалась небрежным мазком, пририсованным к океану. Вдали различалась граница зеленого массива, гигантским полукружием огибающего бухту. Владения океанского филиала ИРП отсюда, с высоты километра, просматривались почти полностью.

Кабинет директора был огромен и почти пуст. Взгляд упирался в зеленый квадрат посередине. В квадрате разместились карликовые джунгли: самое высокое деревцо было едва по пояс Нури. Над этим лесом висел белый сферонд, а напротив за старинным письменным столом разместился Сатон. Он взглядом указал Нури на кресло рядом и постучал пальцем по столу.

Из джунглей на лужайку вышел крошечный олень. Это был настоящий олень, без всяких фокусов, грациозный и удивительно пропорциональный. Он замер, вскинув голову, увенчанную маленькими ветвистыми рогами, и было видно, как под коричневым бархатом шкурки шевелятся мышцы. Олень топнул ногой — мелькнуло глянцево-раздвоенное копытце — и двинулся вокруг стола. Сатон поднял его, поставил на стол, достал из ящика кубик соли и положил себе на ладонь. Олень обнюхал кристалл и начал облизывать его.

Нури, затаив дыхание, смотрел на это маленькое чудо.

— Карликовый олень,— грустно сказал Сатон.— Последний такой был убит в прошлом веке. Удалось восстановить, но у нас в стаде нет и двухсот голов, а спрос огромный. Но олень — это сравнительно просто: из большого сделать маленькое. Хуже с хищниками... — Сатон хмыкнул, подхватил оленя под брюшко и опустил на пол. Тот медленно скрылся в зарослях. — Или ты вообще против хищников? — Он посмотрел в угол. Там стоял кибер, держа на цепи леопарда с перевязанной наискось мордой.

В окно влетел и сел на стол ворон. Нури подмигнул ему:

— Здравствуй.

Ворон не ответил. Склонив голову набок, он индифферентно стал рассматривать свое отражение в полированной поверхности стола. Редкие перья топорщились у него на затылке, открывая синюю в морщинах кожу.

Потом тихо вошли и расселись за столом Алешка, мальчишка в светящихся штанах и доктор Аканиус. Сатон вынул из стола бумагу, положил перед собой и торжественно сказал:

— Комиссия в сборе. Социологи из ползунковой группы прийти не могут и присутствуют дистанционно.

Над столом засветился и исчез сфероид. На его месте возникло объемное изображение двух голых ребятишек, держащихся за низкие перильца, огораживающие небольшой бокс.

— Послушайте объективные данные. Нури Метти. Двадцать семь лет. Родился в третьей Марснанской колонии. На Земле работает восемь лет. Доктор математики. Последняя должность — генеральный конструктор большой вычислительной машины. Холост. Заявление подано два года назад. Все. Прошу задавать вопросы.

— Свидетельствую, товарищ Метти практически здоров. У меня вопрос: какая ваша вторая специальность? — спросил Аканиус.

— Механик-фаунист.

Социологи из ползунковой группы переглянулись. Продавец щенка шмыгнул носом.

— Дефицитная профессия, — сказал он. — Конечно, детские учреждения сейчас почти обеспечены живым зверьем. Но механических зверушек разбирают взрослые тысячами. Щенков и котят, которые не линяют и не растут, заводных пичуг с запрограммированным свистом, киберскворцов и синтетических амстов, щелкающих над крышами. Это все вы наделали?

— И я тоже...

— Не вижу, что в этом плохого, — сказал Алешка. — Тебе известно, что Совет Земли не ограничивает ИРП во времени и средствах. Но понадобятся десятки лет, пока мы восстановим леса и воды. Что касается фауны, то вряд ли когда-нибудь нам удастся реставрировать ее полностью. Проще создать новый вид животного — и, как ты знаешь, мы вывели чебурашку пятнистую многочисленную, — чем восстановить старый. Направленные мутации, операции на зародышевой клетке, селективный отбор — все это пущено в ход. Но слишком мало исходного материала... И пусть пока поют кибернетические соловьи.

Вся дискуссия между членами комиссии привела Нури в состояние веселого обалдения. А тут еще ворон: он сидел с таким видом, как будто ему принадлежало право решающего голоса. Однако нужна сказка. Нури готовился, но заранее ничего придумать не мог. Он начал экспромтом, и вот что у него получилось.

Сказка

— Ужасно жить без названия! — печально думал маленький и пухлый. — Но разве в этом дело, когда на лужайке вырос колючий чертополох.

Розовый и пухлый прибежал на коротких ножках и любовался красно-фиолетовым цветком. Он догадывался, что цветок пахнет зноем, и если солнце имеет запах, то это запах чертополоха. Все же он хотел понюхать цветок, но малый рост не позволял этого сделать. Он хотел попробовать чертополох на вкус, но мешали колючки. И тогда розовый и пухлый убежал по делам, оставляя на сизой от росы траве зеленую полосу следа.

Так, он привычно пришел ранним утром и увидел цветок и на нем золотистую стрекозу.

— Кто ты? — спросила прекрасная стрекоза.

— Кто я? Не знаю, — горестно ответил розовый и пухлый.

— Но ведь каждый кто-то есть, — сказала стрекоза. — Посмотри, у тебя мокрое пузо от того, что ты бегаешь по росе. Хочешь, я буду звать тебя поросенком?

— А что, — сказал бегущий по росе. — Мне это нравится.

Конец сказки.

— М-да, — сказал Сатон после долгой паузы.

— Нет ни слова о киберах, — сказал Телесик. — Хотя я допускаю, что золотая стрекоза — это все же кибер-стрекоза.

— Не фонтан, а? — спросил один из социологов, почесывая животик.

— А чего? — сказал второй. — Сказка — это за гранью даже наших возможностей. Попробуй, сочини. Я, например, не берусь...

— Мне нравится! — решительно сказал Алешка, и социологи уважительно замолчали. — Вообще мне нравится Нури Метти как личность. Мотивирую: он активен, добр и смел. Это то, что нам нужно. У него много хороших качеств...

— Напримеерр, юморр, — подсказал ворон.

— И это тоже.

— Он побил леопарда. Он подавил здоровый кусательный инстинкт рептильного животного. Вот доказательство, — жестяным голосом сказал кибер, поправляя повязку на морде зверя. Леопард замурлыкал басом.

— Диспетчер ИРП свидетельствует, что Нури не хотел этого, но был вынужден...

— Я думал, — перебил вундеркинда Нури, — что вас интересуют мои знания.

— Знания! Кого сейчас удивишь знаниями, — сказал продавец щенков. — Характер — вот что для нас основное. Индивидуальность, сохраняемая даже в чрезвычайных обстоятельствах. Неподхожесть и готовность подчинить себя общим интересам. Лично я поставил бы вам пятерку, ибо мне понравилось, как вы торговались со мной из-за браслета. Знаете, это сдюжительство «ах, мальчик, отпусти собачку», мне оно не по нутру.

— Мы анализировали поступки Нури Метти со дня вручения ему повестки, — сказал один из социологов. — И сравнили с запися-

ми в кодовом браслете. Он всегда оставался самим собой. Он такой, какой он есть. Он естествен.

Рахматула вышел из состояния нирваны.

— Люди,— сказал он, оглядывая окружающих.— Я вернулся к действительности, и она прекрасна. Я прочту вслух то, что заслужил Нури, один из нас, и да заслужит это каждый из нас. Слушайте.

Он взял из рук Нури деревянную табличку, показал ее всем и прочитал:

— Во имя будущего. Диплом. Экзаменационная комиссия при океанском филиале ИРП, сознавая свою ответственность перед человечеством, сим разрешает Нури Метти занимать должность воспитателя в дошкольных учреждениях планеты Земля.

ВЯЧЕСЛАВ РЫБАКОВ

Великая сушь

И все звезды станут точно старые колодцы со скрипучим воротом.
И каждая даст мне напиться...

Сент-Экзюпери

Медленно наступал вечер — прозрачный и тихий вечер Соли, наполненный медовым светом заката. На поверхности мутного, фиолетового моря, широко разметнувшегося в трехстах метрах под ногами, разгорались спящие блики. Прищурившись, я смотрел на огромный диск Мю, висящий над чуть выпуклым, кипящим горизонтом, и не думал ни о чем. Наступил отдых — странный, ненужный и пустой. Завтра улетаем. Завтра. Я стоял у стены диспетчерской и просто смотрел.

Дверь почти беззвучно раскрылась у меня за спиной. Я выждал секунду и спросил:

— Ну?

Тяжелые, старческие шаги прошаркали к столу, и после паузы смертельно усталый голос сказал:

— Пришлите еще кофе в диспетчерскую...

Я обернулся.

Он уже громоздился в кресле — огромный, ссутулившийся, с обвисшими коричневыми щеками. Дрожащая рука его в ожидании висела над столом.

— Ты будешь? — спросил он, не глядя на меня.

— Пока нет.

По столу чиркнула тусклая искра, и большая, акусно дымящаяся чашка возникла там, где ее ожидали. Но его рука не шевельнулась.

Да, подумал я. Он надеялся, что я ошибся. Тогда все было бы просто. Три недели, с первого дня своего пребывания на Соле, когда я рассказал ему о сути происшедшего, он надеялся, что я ошибся. И по мере проверки, с ростом доказательств моей правоты он загонял эту надежду все глубже, старался подавить, не обращать на нее внимания, но так и не смог победить...

На столе лежала небрежно брошенная плоская металлическая кассета. Конец металлизированной ленты размотался и, пробежав по столу, свешивался вниз, чуть заметно, массивно раскачиваясь и ритмично взблескивая в вечернем свете.

— Ну? — спросил я снова.

Он словно бы очнулся. Неверной рукой потрогел чашку, потом взял ее ладонями, поднес ко рту, шумно подул, пригубил.

— Все так, — сказал он потом.

Я ничего не почувствовал. Надежды уже не было. Когда он начинал проверку, мне было беспокойно, хотелось, чтобы он нашел ошибку, но он не нашел. Я следил за его работой — она повторяла мою. И теперь у меня не осталось живого в душе.

— Время вероятной биологизации... с учетом фактора мутагенной подкормки... порядка возраста Вселенной, — медленно сказал он.

Я отвернулся. Диск Мю распухал, становился рыжим; тонкие лезвия облаков распорили его натрое, и эти лоскутья, осколки катастрофы, обрывки мира, медленно рушились в пылающее море.

Смешно, подумал я. Каких-то два века назад человечество, ютившееся на Земле, было уверено, что оно не одиноко. Стоило создавать надпространственные средства коммуникации, чтобы убедиться в обратном, понять исключительность, уникальность, быть может, даже патологичность не только разума, но жизни вообще...

— Дельта тэ порядка сорока семи — пятидесяти миллионов лет, — сказал я.

Он покачал головой.

— У меня получилось шестьдесят...

Я пожал плечами.

— Впрочем, это неважно, конечно, уже неважно... да.

— Сроки ликвидации защитного облака ты не считал?

— Н-нет, Я не успел, я только этим... А ты?

— При равном напряжении ресурсов — не меньше пятидесяти лет, — сказал я.

— Половина времени прохождения через выброс. Это уже бессмысленно.

Мы помолчали. Да, думал я, защиту мы ставили тридцать лет. Большого человечество не в силах было сделать, это максимальное напряжение и максимальный темп, мы смогли это лишь потому, что верили... Мы успели. Мы успели поставить защиту в срок, за три месяца до встречи Солы с выбросом из Ядра, и двадцать семь миллиардов людей твердо уверены сейчас, что спасли эту планету. И себя. Своих потомков, которые смогут наконец стать не одинокими.

— Странно,— сказал он вдруг.— Как-то пусто... пропал стержень, или пружина, что ли... и непонятно, что теперь. Знаешь, ведь, наверное, так будут чувствовать все.

— Наверное,— согласился я.— И это страшнее всего.

— Ты думаешь?

— Да. После такого краха всегда наступает период равнодушия, и если дать ему затянуться — это страшнее всего.

— Все-то ты всегда знаешь заранее.

Я усмехнулся.

Мы дружили еще с детства. Потому-то именно он прилетел сейчас. Это стало неписаной традицией: если инспектор допускал ошибку, или оплошность, или просто что-то становилось непонятно, на контроль посылали его друга. Посторонний был способен проявить снисходительность, но друг не мог унизить его.

Прижав кулаки к щекам, он медленно мотал головой из стороны в сторону.

— Пыль растеклась на сотни тысяч кубических астроединиц,— проговорил он.— Не собрать.

— Не мучь себя,— сказал я.— Я ведь не сидел сложа руки, пока ты проверял.

— Пытался нащупать? — впервые он поднял на меня глаза.

Я кивнул.

— И?

Я пожал плечами.

— Может быть, какой-то искусственный источник излучения внести внутрь облака? — беспомощно, наугад предложил он.

— Экстрамеры требуют экстраэнергетики,— ответил я.— Я думал и об этом. И о вынесении планеты на щит, так, как мы буксировали объекты распыления для щита, но ведь теперь придется тянуть вместе с Мю Змееносца, со всей системой, нельзя же лишать планету звезды. Можно представить себе энное количество гравигенераторов, выведенных на статические орбиты внутри облака и стягивающие на себя пыль. Можно представить себе силовой кокон вокруг Солы, в котором малыми затратами поддерживается энергетическое статус-кво в период транспортировки за пределы щита и обратно, но сам такой кокон будет потреблять энергию, равную полной энергии четырех голубых звезд, не говоря уже о том, что для облучения

выбросом его придется открыть, и кто тогда заменит Соле ее солнце? Тоже мы? Можно, наконец, представить себе попытку перебросить излучение выброса сквозь возведенный нами щит через надпространственные каналы, ориентированные на Солу.

— Ну, это уже...

— Принципиально все это возможно, я считал. Но при осуществлении, помимо того, что для разработки проекта нужны многие годы, даже если эта разработка окажется успешной, нам понадобится в этом районе Галактики энерговооруженность, на два порядка превышающая ту, которой располагает сейчас человечество в целом. Можно представить себе колоссальную цепь гравигенераторов, которые искривят путь выброса на всем фронте, заставят обогнуть облако, а затем вторую такую же цепь, которая нацелит его обратно на Солу. Скажу по секрету, когда мне это пришло в голову, я решил было, что решение найдено, потому что ведь выброс можно направить вслед планете, и он раньше или позже нагонит ее, но ведь выброс уже уткнулся в щит и гаснет в нем... Выбор, как видишь, широчайший.

Он скорбно кивал. Его огромная размытая тень на дальней стене кивала тоже, и было что-то завораживающее, дьявольское в ритмичных, размашистых колебаниях мутной темноты, беспрепятственно и невесомо скользящей поверх обивки, поверх циферблатов и шкал на дублирующем щите.

— От такого выбора не становится легче,— сказал он.

Я улыбнулся.

— Какая глупость... Тридцать лет, выбиваясь из сил, губить то, о чем мечтали испокон веков.

Я не ответил. Что тут можно было ответить? Сосущая пустота в душе не уменьшалась и не увеличивалась, она была, и мир лишился красок и теплоты, и все было тщетно, и хотелось спать, и отдаться течению, которое несло по Вселенной нас одних, одиноких, из пустыни в пустыню, беспредельно, безнадежно, бессмысленно... Боли уже не было. Боль — спутница борьбы, и исчезает в миг осознания бессилия, и ее место занимает ничто. Сосущая пустота.

— У вас с этой девушкой... с дочерью его... что-то было? — осторожно спросил он вдруг.

— Нет.

— Но ты... прости, что я спрашиваю, это, конечно, не имеет отношения, но все же.

— Но, кажется, я начинал хотеть, чтобы было.

— Знаешь... Я чувствовал. Сразу что-то такое... А она?

Я пожал плечами.

— Послушай, что я хотел спросить... Ты с тех пор так и один?

— Да при чем это здесь?.. Один, один, успокойся.

— Перестань. Не сходи с ума.

— Хорошо,— я помедлил, а потом у меня вдруг вырвалось: — Я ведь все время... как-то ждал. Что она возвратится...

Он молчал, исподлобья глядя на меня из глубины диспетчерской, оранжевый и плоский в последних лучах уходящей звезды.

— А как же ты... сказал здесь?..

— А вот так,— ответил я.— Бывает и так. В какой-то момент вдруг с удивлением понимаешь, что уже не ждешь. И хаити!

Я вернулся после инспекции на гидрокибернетические плантации Бунгуран-Бесара, и дом мой был пуст. Осенью. К стеклу веранды прилип влажный кленовый лист, с серого неба медленно сеялся теплый дождь и легко шуршал по крыше, по траве, по листьям, засыпавшим землю и ступени крыльца, с реки натекал прозрачный туман. Я посадил гравилет над самым кленом, уже почти оголенным, печальным, с черной от влаги корой; откинул фонарь, и вместе с пряным сырым воздухом в кабину ворвалось неповторимое, сладкое ощущение родного дома — места, где ты нужен сам по себе, всегда, пусть даже усталый, пусть даже раздраженный — не как блестящий исполнитель, не как талантливый инспектор, не как интересный собеседник, не как влиятельное лицо в Контрольном отделе Комиссии капитальных исследований при Совете, не как надежный товарищ — как человек. Просто. Весь. Я стащил перчатки, лицом ловя ласковый дождь, швырнул их на сиденье, прыгнул на податливую землю и, на ходу расстегивая куртку, вошел в сени, громко топая, чтобы она успела проснуться, понять, что я иду, сделать вид, что спит, и приготовиться встретить меня... Осень, наше любимое время года. Семь лет прошло. Не знаю, где она теперь, с кем... Не сказала ни слова. Так тоже бывает.

— Лет пять прошло, да? — спросил он.

— Да,— устало ответил я.

— Железный ты. Ну скажи, что за дурацкая жизнь! Встречаешься с другом раз в пять лет только для того, чтобы узнать, не причастен ли он к смерти человека. Суматоха. Торопимся, торопимся и чем больше торопимся, тем больше теряем. Мы же за три недели ни словом не обмолвились ни о чем, кроме... вот этого всего.

Я так и не знаю, откуда он узнал тогда о моей беде. Он заявился внезапно, вечером того же страшного дня. Он был в это время на Плутоне. Прервал работу, за пятнадцать минут до отправления на Фомальгаут вошел в рубку рейсового лайнера и сказал: «Во мне нуждается человек». Рейс отложили, три тысячи пассажиров покинули каюты, впервые гиперсветовые моторы были использованы внутри Солнечной системы. Во мне нуждается человек... Этой формулы нет ни в каких законах и правилах, но с тех пор, как она стала ма-

гической, люди не решаются произносить даже похожие на нее фразы, потому что она сильнее и правил, и законов.

А нуждался ли я в нем? Он страшно раздражал меня, все время маячил рядом, требовал, чтобы я показывал ему все грибные места, и все ягодные места, и все рыбные места, божился, что будет приезжать ко мне каждое лето. И лишь неделю спустя, провожая взглядом точку его гравилета, стремительно ускользящую в облака, я понял, как он мне помог.

— Не беда,— сказал я, улыбнувшись.— Еще успеем.

— Слушай... я все хотел спросить. Он сделал это сразу... когда вы... сразу после?..

— Нет. Разве я тебе не рассказывал? Я показал ему расчеты, объяснил свою интерпретацию процесса. Мы вместе все проверили, и он не нашел ошибок. Он был... ну, потрясенным — да, но не настолько. Я был с ним еще несколько часов, он... вел себя нормально.

— Значит, не порыв?..

— Не порыв. Он был очень спокойным, сдержанным человеком. Очень ответственным человеком.

— Он решил, что виноват.

— Вероятно. Они здесь давно могли понять, если бы не шоры его теории. Она все подавила. Я ведь, в конце концов, пользовался их статистикой, они все держали в руках, но не смогли перешагнуть. Глава школы, создатель теории биологизации, научный руководитель проекта. Он первым подписал заключение и рекомендации Совету о необходимости спасения Сола. Одно к одному.

— А она?

— Кто? — спросил я и тут же понял.— А...

Он помедлил.

— Она тоже считает, что он виноват?

— Нет.

— Она считает, что виноват ты?

— Нет.

— Ты говорил с ней после... этого?

Я вновь услышал крик. Как наяву. Как тогда, полтора месяца назад. Он был так неожидан. Мы возвращались из бассейна. Я проводил ее. Она зашла к отцу. Я не успел дойти до лифта, и вдруг из кабинета раздался этот крик. Я побежал, и сразу понял, и проклял себя за то, что не предусмотрел, а ведь можно было, можно, можно догадаться, можно заподозрить, можно подстраховаться, можно было не оставлять профессора одного. Я бежал, узорчатые стены коридора летели мимо, а навстречу хлестал плотный поток крика, я тонул в нем, вяз, захлебывался, и дверь, перекошенная, качающаяся, не приближалась, словно во сне.

Я разжал кулаки. Пальцы были белыми, под ногтями — синева.

— Ты сам будешь рапортовать Совету? — спросил он.

Он вылетел сразу, как только мой рапорт о самоубийстве начальника биоцентра достиг Земли. Совет послал его на контроль. Проверять меня.

В Совете еще не знают всего. Не знают ничего.

— Если ты санкционируешь, — ответил я. — Формально я неправомочен с момента твоего прилета.

— А, перестань...

Тусклый и бесформенный горбик проваливающегося солнца угасал, и краски стали меняться. Золото и огонь пропали с вод, лишь кое-где на волнах промелькивали неяркие опаловые блики. Пустынное небо кренилось над нами.

— Не представляю, как они объявят об этом во всеуслышание, — пробормотал он. — Тридцать лет... И люди. Здесь же люди гибнут!

Его старший сын погиб здесь, на этой Стройке. Я узнал об этом только позавчера. Случайно он обмолвился и перепугался сам.

На Стройке погибло больше ста человек. Такие авралы никогда не проходят без жертв. Мы очень торопились... И мы успели.

— Что будет?.. — болезненно проговорил он. — Что будет? Для чего жить теперь?.. Каждый спросит так. Я не представляю... Кто теперь поверит Совету? Когда смогут верить науке, даже друг другу? Чем теперь дышать мы будем, все?..

Я пожал плечами.

— Может быть, существуют еще какие-то неучтенные факторы, которые опять повысят вероятность биологизации? — спросил он. — Может, мы все еще не знаем всего?

— Может быть.

— Знаешь, Совет планирует долгосрочную экспедицию в Магеллановы Облака. Об этом еще не болтают, но понемногу готовятся. Теперь, после... этого... подготовка пойдет быстрее, активнее, ведь правда? Может быть, удастся что-то найти там? В конце концов, Галактика так мала...

— Может быть.

Он молчал. Сливой я чувствовал его внимательный, испытующий взгляд.

— Ты... ты слетал бы туда... на ее станцию, чтобы...

— Прежде чем выбирать цель для экспедиций, следовало бы проанализировать, какие именно типы галактик обеспечивают по своим свойствам наибольшее количество биогенных выбросов, — перепрыгнул я его. — Туда нужно ориентировать поиски, понимаешь?

— Я понимаю, — медленно проговорил он. — Я понимаю значительно больше, чем тебе хочется, старый ты хрыч.

Он прав. Мне за пятьдесят, треть жизни позади. И... И даже не в этом дело.

Я с силой провел ладонями по щекам.

— Мы же ничего не сломали,— услышал я его голос. Я повернулся снова к нему и увидел, как он, растопылив пальцы, поднес свои тяжелые, смуглые руки к лицу и уставился на них.— Ничего. Не поставь мы щит, разве наверняка зародилась бы жизнь? Нет. Существовала достаточно высокая степень вероятности, и только. Ведь ничего не известно наверняка, почему же так больно? А? — Он поднял лицо и, словно ребенок, заглянул мне в глаза.— Почему же так пусто и больно? Ведь ничего же, собственно, не изменилось, ведь даже в самом лучшем случае наш успех увидели бы лишь через полмиллиона лет... Я не понимаю... я этого не понимаю...

Болезненно, тяжело было смотреть на него. Когда человек в таком состоянии, надо немедленно помочь — а как? Как помочь? Как мучительно бессилие.

— Скажи, почему ты догадался? Ведь ты оперировал их данными.

— Помогло то, что одна из предыдущих инспекций была связана с гидрокибернетикой,— ответил я.— Аналогичный случай, там был переизбыток мутагенных факторов, а здесь...

Дальше можно было не говорить.

Мутагенная подкормка... У биохимиков в голове не укладывалось, что даже при самых благоприятных условиях никакая Солнечная система не способна породить жизнь сама по себе. Мифы древних оказались вернее — планета была женою Неба, не Солнца даже, а именно Неба, всего космоса. Интуиция сработала там, где спасовали две с лишним тысячи лет развития науки.

Небо стало глубоким, иссиня-голубым, оно быстро наливалось тьмой, и лишь над океаном дотлеvalo оранжево-желтое трепетное зарево. Океан... Миллионы веков он ждал. Перемешивал, обогащал, фильтровал, расцвечивал свои воды, готовясь к звездному мигу оплодотворения...

В пронзительной синеве над нами заискрились первые звезды. Мертвые звезды.

Какое разочарование подстерегало тех, кто впервые вышел за пределы Солнечной! Альфа Центавра — ничего. Тау Кита — ничего. Эридан, Лебедь, Дракон, Парус — ничего... ничего... Пустота. Одиночество. Как понять умом это ощущение непереносимого одиночества, которое испытывают двадцать семь миллиардов людей, заселивших планеты восьми звездных систем, исходивших всю Галактику и убедившихся, что у них есть только они сами и никого, кроме них самих. И вдруг — Сола. Я, мальчишка, помню, с риском для жизни прыгал на крыше, над праздничной, счастливой толпой, и во-

пил: «Со-о-о-о-о-а!» Сорок два года прошло с тех пор, как Совет объявил о том, что найдена планета, на которой скоро повторится великое таинство возникновения жизни. Пусть лишь через многие века появится первая клетка, пусть нет еще и простейших вирусов, но мы обрели надежду, цель, смысл существования — лелеять, пестовать, заботиться о рождающейся младшей сестре. Забота... Добро... Мы так добры.

Сорок два года прошло с тех пор.

Мир наполнялся ультрамариновой чернью, последние теплые оттенки таяли. Холод... Я посмотрел было вверх, и тут же опустил взгляд — над нами разгорались ослепительные вихри, мешанина сверкающего крошева, которое не суждено увидеть ничьим глазам кроме человеческих. В детстве я так любил смотреть на звезды. Так любил.

Они манили восторгом неведомой дали, но эта даль оказалась мертвой, и как только я повзрослел достаточно, чтобы осознать весь ужас безжизненности и пустоты, висящей над нами, я перестал смотреть на небо.

Тридцать лет человечество жило Стройкой. Можно было прилететь на Денеб и, разговорившись в зале ожидания со стариком транзитом летящим с Бетельгейзе, спросить: «Ну, как там? Подтащили восемьдесят шестую?» И он немедленно ответил бы: «Как, разве не слышали? Уже ввели в заданный сектор и приступили к распылению!» И в глазах его сияли бы и гордость, и молодое ожидание. Тридцать лет. Мы так могущественны. Мы так добры. Так умны и всезнающи. Нам не хватает только друзей. И вот природе бросает нам шанс — планету, которая готовится стать матерью живого.

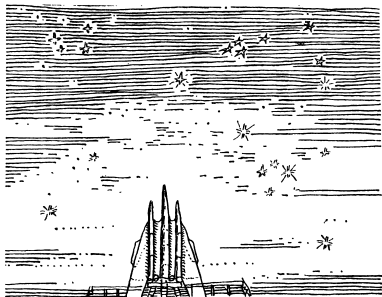
И буквально на следующий день дает понять, что этому живому не суждено родиться, что непредставимо нежная, едва теплящаяся завязь будет выжжена во чреве матери.

Мы так могущественны и хотим только добра...

Но даже нам эта задача казалась поначалу непосильной. Только вера, только потребность в великой цели заставили нас начать эту Стройку. Человечеству нужна великая цель. Вот уже больше ста лет как цель эта — найти жизнь. Высший критерий правоты, идеал, счастье, мечта миллиардов — найти иную жизнь. Нам одиноко, нам беспросветно пусто во Вселенной, в которой мы — единственные хозяева.

И когда нашелся вдруг крохотный росток такой жизни, росток под угрозой уничтожения, все человечество встало на его защиту.

Система Мю Змееносца должна была пройти сквозь мощный, концентрированный корпускулярный выброс из Ядра Галактики. Прохождение длилось бы немногим более ста семи лет — ничто по

критериям мертвой материи, но согласно теории биологизации планет излучение сожгло бы протожизнь Софы.

Это была задача на пределе возможностей и сил. Защитить, спасти — уже не столько жизнь Софы, сколько самих себя, свою надежду, свою любовь, которой не на кого излиться, кроме нас самих, и значит — не на кого... О, если бы мы не успели...

Любовь, которая живет только внутри того, кто любит, которая не спасает и не греет тех, кто вне, погибает. Отравляется. Медленно. Незаметно. Обязательно и неизбежно. Мы это понимали. Угасшая любовь опустошает, как ничто другое в мире. Мы не могли позволить угаснуть нашей любви. На глазах у нас погибала мечта, и мы пошли ее спасать, и не могли поступить иначе. У нас просто не было выбора.

Человеческий ум ограничен.

— Что же теперь? — снова услышал я.

— Надо погрузить материалы. Тело профессора... — я запнулся, — тоже.

— Да, вот что, — сказал он. — Я забыл... Она... просила нас взять ее с собой. Хочет быть с отцом... и сама позаботиться о нем на Земле.

— Ты с ней виделся? — медленно спросил я.

— Она звонила мне днем.

Она звонила. Ему.

— Пусть летит, — сказал я спокойно.

— Ты должен увидеться с ней. До отлета.

Я пожал плечами.

— Тогда я полечу туда и объясню ей все про тебя.

— Не глупи.

— Ты отвечай за себя, а я уж... да.

— Поступай, как знаешь.

Он помолчал, снова заглядывая мне в глаза, а потом отвернулся.

— Понимаешь, — глухо произнес он, — в такой момент, когда вся рухнуло, совершенно все, ты же видишь... жизнь и смысл двух поколений рухнули... и ничего не осталось... хочется, чтобы хоть что-то уцелело. Понимаешь? Хоть что-то. Хоть бы такая маленькая мелочь, все равно. Это очень важно. Потому я все время вспоминаю об этом, а ты не понимаешь... Все связано. А ты даже для этого не делаешь ничего сейчас.

— Я делаю, — сказал я. И улыбнулся.

Тридцать лет человечество было счастливо.

Мы обманули себя. Все оказалось наоборот. Сто двадцать три человека погибли, больше чем напрасно. Цель оказалась хуже, чем миражем.

И настал мой черед. Черед стервятника, который приходит туда, где произошла трагедия, и с холодной настойчивостью выясняет, кто хотел добра недостаточно добросовестно. Мечтал недостаточно активно. Любил недостаточно грамотно. Само мое существование обусловлено катастрофами. Я в стороне. Я могу мечтать, как другие, но моя работа начинается, когда мечта умирает.

Мы убили свою мечту.

Когда я вылетал сюда полгода назад, этого еще не знали. Даже здесь. Следившие за процессами в океане Сола работники биоцентра не понимали, что происходит. Горячие головы уже разрабатывали проекты ускорения эволюции Сола, чтобы не через миллионы, а лишь через тысячи лет появились крупные животные, потом люди, но в ежемесячных отчетах биоцентра вдруг пропали нотки гордости, и Контрольный отдел решил подстраховаться.

Все оказалось наоборот. Именно на этой стадии протожизнь требует лучевой стимуляции. Многие планеты — я по памяти могу назвать четыре, на которых были обнаружены все условия для возникновения жизни и которые все же не дали жизни по непонятным тогда причинам — доходили до состояния Сола, однако оставались безнадежно мертвыми, потому что в должный момент не по-

лучали мутагенной подкормки извне. Когда-то ее, вероятно, получила наша Земля. И вот теперь — неслыханное везение! — ее могла бы получить и Сола, если бы не вмешались люди, которые хотели только добра и во имя этого добра, во имя своей любви пошли на неслыханные жертвы, на чудовищное напряжение ресурсов и сил.

И никто не был виноват. Странно...

— Просто плакать хочется, честное слово, когда подумаешь, сколько нам пришлось преодолеть ради этого, — вдруг сказал он.

Я кивнул.

— Да садь же ты, хватит маячить! Хочешь кофе?

Улыбаясь, я подошел к столу, ногой придвинул второе кресло.

— Пока нет.

Он, не отрываясь, смотрел на меня, и вдруг щеки его отчаянно затряслись.

— Но что же было делать? — спросил он с мукой. — Разве можно было что-то сделать?.. Помнишь... помнишь, нас сняли с занятий и повели смотреть прямой репортаж из Совета? Как мы радовались, что все голосовали за Стройку, против — никто.

— Все радовались.

— Флаги, солнце, все блестит, смех... Какой был праздник!

— Был.

— А помнишь, двое ребят из параллельной группы пытались бежать на Стройку?

Я помнил. Я разведывал для них план грузовых трюмов корабля, которым они решили добраться до Плутона, потому что имел доступ на космодром к отцу. Я сам хотел бежать с ними, но меня защемило люком, автомат которого был вскрыт для текущего ремонта и по халатности техников все еще задействован. Мне раздробило голень. Ребята ждали у ворот порта, и когда гладер «скорой помощи» с воём промчался мимо них, вырывая на санитарную полосу дороги, я ухитрился в приоткрытое окно швырнуть им ком бумаги с планом и неисправным люком, обозначенным, как положено, черепом со скрещенными костями, которые я выводил еще там, в полутемном коридоре, опрокинутый на холодный пол.

— Помню, — сказал я.

— Неужели можно было что-то сделать?

Ничего, подумал я. Ничего. Если человек убежден, что на глазах у него гибнет его мечта, он не может не спасать. Он не может не помогать. Не может — этим сказано все. Если б мог, в пустой Вселенной он чувствовал бы себя не изгнанником, а хозяином. И проблемы не возникло бы вообще.

У нас не было выбора. Мы не могли иначе.

— Ничего, — сказал я.

— Да, — ответил он и тяжело вздохнул, словно малыш, успо-

канвающийся после слез.— Это как-то... понимаешь, не укладывается в голове, что-то в этом есть ненастоящее, что мы тридцать лет из всех сил убивали все это и так убили, что даже нет способа вернуть. Два поколения выросли на этом. Нет, не могу представить. Что все кончилось... и что теперь делать?..

Что теперь делать, подумал я. Мы все невероятно устали. Сделали все, что смогли. Выложились. И радостно ждали теперь, когда появятся всходы. Даже я. Работать приходилось на старом оборудовании, ограничивать себя то и дело — все съедала Стройка...

— По-моему, это ясно,— сказал я.— Осталось пятнадцать часов до отлета. Необходимо погрузить материалы, аппаратуру, чтобы, если там возникнут сомнения, сразу проверить ее дееспособность. Надо, кроме того, привезти сюда его дочь. Она по-прежнему на станции восемнадцатого сектора? Ты ведь должен знать,— вырвалось у меня.

— Да я же не об этом! — крикнул он, сорвавшись. Смутился, спрятал лицо, а потом уронил голову лбом на кулаки, тяжело развалившись на столе.— Я же не об этом,— глухо сказал он.— Девочку я привезу сейчас, полечу, это так, но я же — не об этом, я — обо всем...

Человек не может не помогать. Даже если не уверен, что его помощь полезна. Иначе мы вымерли бы еще в пещерах. Это у нас в крови. Это наш способ существования. Пока в нас живо человеческое, мы будем предлагать, навязывать, вбивать свою помощь друг другу. И звездам. Вот он полетит сейчас к ней, будет что-то объяснять, рассказывать, какой я хороший... Потому что у него тоже нет выбора. Потому что мудрость недействия бесплодна. Она скручивает человека в камень, лишает его тепла души. Тот, кто способен отказаться от возможности помочь из боязни повредить помощью, убит, сломался когда-то. Ничего никогда не знаешь наверняка, но когда машина просчитывает вероятность благополучного исхода, перед человеком нет выбора.

— Ах, обо всем,— сказал я, будто только что поняв.— Что же...— я улыбнулся.— Будем чуточку умнее. Теперь мы будем еще чуточку умнее.

Он встал. Огромный, грузный, казавшийся еще более огромным и грузным в синем мраке, затопившем диспетчерскую.

— Умнее...— проворчал он.— Все так. Кому он нужен теперь, такой ум. Да...

Я пожал плечами.

— Всегда лучше быть чуточку умнее.

Он долго, будто не доверяя, смотрел мне в глаза. Потом покачал головой.

— Я сам расскажу в Совете,— сказал я.— И постараюсь до-

биться, чтобы мне дали выступить по всеобщему вещанию. В тот же день. Так лучше и... лучше. Не нужно интервала. Успеют возникнуть слухи, а самое мерзкое, когда о смерти мечты люди узнают из слухов. Нет ничего честнее мечты, и смерть ее тоже должна быть честной,— я потер ладонями щеки.— Я добыю. Ты мне поможешь.

Он медленно кивнул.

— Все так,— сказал он. Я ободряюще подмигнул ему, он улыбнулся в ответ. Неловко потоптался.

— Так я лечу,— сказал он.

— Да, ты говорил,— ответил я, протянул руку к биоконтакту селектора и попросил: — Кофе сюда.

— Будешь работать? — спросил он.

— Да, посижу немного. Полетишь один?

— Но... — он растерялся. — Ведь ты же не...

— А! Нет, нет. Я имел в виду кого-то из техников. На станции есть несколько аппаратов, которые нужно демонтировать или поставить на консервацию по крайней мере. Один ты справишься до утра?

— Ах да, вот ты о чем... Я справлюсь. Там же есть какой-то штат киберобслуги.

— Ну, тогда с богом.

Он не уходил.

— Она тебе не простит, если ты не поддержишь ее сейчас.

— Наверное,— ответил я. — Но если не простит, значит, и хлопотать не из-за чего. Разве я не прав?

— Ты прав,— сказал он. — Ты такая бестия, которая всегда права, но правота твоя — ни уму, ни сердцу.

— Ну почему? — отчаянно спросил он. — Почему в этой чертовой жизни все как-то по-дурацки устроено?

— Я и на это могу ответить,— заявил я.

— Ну, ответь.

— Потому что все вот это,— я сделал широкий жест, обведя весь окружающий мир,— все еще куда сложнее, чем укладывается вот здесь,— согнутым пальцем я постучал себя по лбу. — Можно, конечно, плюнуть на все и поплыть по воле волн, и тогда жизнь сразу станет очень простой и гладкой. Но перестанет быть человеческой, вот в чем штука.

Он опять помотал головой.

— А ты все такой же позер,— укоризненно проговорил он. — Все такой же... Ничего тебя не берет.

Я засмеялся и выпил свой кофе.

— Понимаешь... я даже не об этом. Ошибки были, есть и будут, все так, но я... Ведь посмотри, чем сильнее и добрее мы станем, тем все это тоже возрастает. Наверное, это закон. Но не-

ужели мы будем вечно подчинены ему? — он запнулся. — Мы будем становиться умнее, сильнее, красивее. Когда-нибудь мы встретим других или создадим новую жизнь сами, все это будет, я знаю, но ужели размер и трагичность ошибок всегда, всегда будут возрастать пропорционально... гуманизму мечты и мощи средств, призванных ее осуществить?

Он помолчал. Я слышал, как часто, глубоко он дышит.

— Не знаю, понимаешь ли ты это так, как я понимаю... Неужели через сто, двести, тысячу лет люди, решая проблемы, размах и красоту которых мы даже не можем себе представить, будут ошибаться — и даже не так, как мы, а стократ ужаснее? Неужели тоже будут убивать себя, не выдержав разочарования? Неужели тоже будут распадаться отношения, калечиться судьбы?..

Я хотел было ответить, но он, боясь, что я прерву, заговорил еще быстрее, взволнованно, невнятно и как бы чуть задыхаясь:

— Да. Я понимаю. Тот не ошибается, кто ничего не делает, все так, но... Мне дико думать, что реакция мира на нашу ошибку — всегда, всегда! — будет не уменьшаться, а возрастать. И тех, кто окажется лучше, чище, честнее, добрее... — он задохнулся, торопливо глотнул воздух и почти простонал: — раннее нас... мир отхлещет во столько же раз сильнее, во сколько их замыслы будут честнее и благороднее наших. Неужели когда-нибудь наши промахи, наше недомыслие, совершенно естественное, я согласен, не злобное, просто обусловленное уровнем понимания всего вот этого, — он неловко повторил мой широкий жест, — начнут взрывать звезды? Сталкивать галактики? Мы потеряли право на ошибки. И мы не можем застраховаться от них, потому что по природе своей не можем не идти вперед... Что же будет? Неужели нет другого пути?

Наверное, можно было бы ответить ему примирительно: мы не знаем пока другого пути. Но этим его вопросам нельзя дать жить. Они задавят, если попытаться ответить на них, если будешь все время носить их в душе. Они не дадут работать. Возможную ошибку будешь видеть во всем и в страхе перед нею не сможешь сделать ни одного движения, как в параличе.

— Тезис, антитезис, синтез, — медленно сказал я. — Целеположение, выявление погрешности, коррекция. Нет другого пути. Абсолютно безошибочное действие такая же абстракция, как, скажем, абсолютно твердое тело. Приближение к нему, как и ко всякому идеалу, асимптотично. И надо работать... корректировать, черт тебя побери, а не философствовать на пустом месте. И использовать каждый шанс, выжимать из каждой мелочи все возможности, чтобы стать хоть чуточку умнее. Потому что лишь это — лишь это, а не прибавления к каждой фразе слова «неужели» — поможет снизить процент ошибок. Понимаешь?!

— Ты... — выговорил он. — Ты...

Он замолчал, и я молчал тоже. Мы все сказали друг другу. Я отвернулся и через несколько секунд услышал, как он тяжело за-топал к двери, а потом раздался ее едва слышный вздох, и стало удивительно тихо.

Я подошел к окну. Моря не было видно, было лишь небо. Окончательно наступила ночь, и на фоне звездной тьмы бесплотной тенью мелькнул смутный призрак стремительно уносящегося гравилета. Он улетел. Он улетел туда.

Бесконечные густые потоки звезд пылали в небе. Я старался не смотреть вверх, не видеть этого чужеродного празднества — но слишком много звезд. Слишком они яркие. И я взглянул. И словно в тот давний миг, когда я понял, что дом мой пуст, у меня стиснулось горло, и мозга коснулось безумие. Но я выдержал. Я выдержал снова.

Я выдержал, но мне нечем было ответить на этот вызов.

И вдруг я понял. Почувствовал и поэтому понял, что это не вызов. Что это не злоба.

Нет. Исполинским гирям морозно сияющих галактик, этим бесчисленным триллионам световых лет мертвой материи, гордой, отчужденной, так же как и людям, одиноко до боли. На меня смотрел беспредельный всемогущий мир, который тоже, как только мог, старался пробиться к нам — и у него тоже не получалось. Он звал и ждал помощи, а мы были еще слишком глупы, чтобы уметь помочь. И он знал это. И ждал. И я ничего не мог сказать ему в ободрение, кроме маленьких, бессильных и все же единственно верных слов, единственно возможных слов.

Будем чуточку умнее...

И я сказал это вслух. И ничего не произошло.

Смешно было бы надеяться, будто что-то может измениться так внезапно. Годы, годы, годы работы. Годы надежды, которую нечем поддержать. Нет другого пути.

Мне вдруг стало завораживающе легко. И я пошел к столу, чтобы попросить еще кофе, потому что надо было работать, впереди только ночь. Следовало точно сверить его и мои расчеты и объяснить все расхождения, какие найдутся, чтобы ни у кого не могло остаться сомнений. И еще — хотя бы приблизительно посчитать, насколько повышается вероятность спонтанной биологизации в галактиках при максимально возможной, пусть пока идеально-абстрактной, активности ядер. Чтобы было что сказать Совету и человечеству, кроме покаяний и оправданий. Надо спешить. Этого хватит до утра, а если я не успею или напутано, ошибусь, я отложу старт и начну сначала.

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ДЖЕЙМС БОЛЛАРД

Конец

Днем они всегда спали. К рассвету все домики были уже заперты изнутри, и когда над расползающимися валами соли взойдет солнце, спасающие от тепла ставни снаружи окон будут уже плотно задраены, и уже потом из домиков не будет слышно ни звука. Большинство жителей поселка были люди преклонного возраста, и они быстро засыпали в своих жилищах, но Грэйнджер, с его беспокойным умом и одним-единственным легким, после полудня часто просыпался и уже больше не спал — лежал и пытался, сам не зная зачем, читать старые бортовые журналы (Холлидэй извлекал их для него из-под обломков упавших космических платформ), между тем как сделанные из металла наружные стены его домика гудели и время от времени полаягивали.

К шести часам вечера тепловые волны начинали отступать через поросшие ламинариями равнины на юг, и кондиционеры в спальнях один за другим автоматически выключались. Поселок медленно возвращался к жизни, окна открывались, чтобы впустить прохладный воздух вечерних сумерек, и Грэйнджер, как всегда, отправился завтракать в бар «Нептун», поворачивая голову то вправо, то влево и вежливо снимая темные очки, чтобы приветствовать престарелые пары, усаживающиеся на своих крылечках, разглядывающие друг друга через залитые тенью улицы.

Холлидэй, в пяти милях к северу, в пустом отеле, обычно проводил в постели еще час, слушая, как поют и свистят, постепенно охлаждаясь, башни кораллов, сверкающие вдалеке как белые пагоды. В двадцати милях от себя он видел симметричную гору: это Гамильтон, ближайший из Бермудских островов, возносил с высохшего дна океана к небу свой срезанный верх, и в лучах заката была видна каемка белого песка — словно полоса пены, которую оставил, уходя вниз, океан.

Холлидэй и вообще-то не очень любил ездить в поселок, а ехать сегодня ему хотелось даже меньше обычного. Дело не только в том, что Грэйнджер будет сидеть в своей всегдашней кабинке в «Нептуне» и потчевать неизменным пойлом из юмора и нравоучений

(фактически это был единственный человек, с которым Холлидэй мог общаться, и собственная зависимость от старшего неизбежным образом стала его раздражать), дело еще в том, что тогда состоится последняя беседа с чиновником из управления эмиграции и придется принять решение, которое определит все его будущее.

В каком-то смысле выбор был уже сделан — Буллен, чиновник, понял это, еще когда приезжал месяц назад. Никаких особых умений, черт характера или способностей к руководству, которые могли бы оказаться полезными на новых мирах, у Холлидэя не было, и поэтому особенно уговаривать его Буллен не стал. Однако чиновник обратил его внимание на один небольшой, но существенный факт, который стал для Холлидэя предметом серьезных размышлений на весь этот месяц.

«Не забывайте, Холлидэй,— предупредил его Буллен в конце беседы, происходившей в задней комнате домика шерифа,— средний возраст жителей вашего поселка перевалил за шестьдесят. Вполне может оказаться, что лет через десять уже не будет никого, кроме вас с Грэйнджером, а если сдаст его легкое, вы останетесь один».

Он замолчал, чтобы дать время Холлидэю хорошо это себе представить, а потом тихо добавил: «Молодежь отправляется следующим рейсом — оба мальчишки Мерриуззеров и Том Джуранда [этот балбес, скатертью ему дорога, подумал Холлидэй, ну, не завидую тебе, Марс] — понимаете вы, что вы останетесь здесь единственным, кому еще нет пятидесяти?»

«Кэйти Саммерс тоже остается», — быстро возразил тогда Холлидэй; внезапно ему представились белое платье из органди, длинные, соломенного цвета волосы, и видение это придало ему смелости.

Чиновник скользнул взглядом по списку заявлений об эмиграции и неохотно кивнул.

«Это правда, но ведь она ухаживает за своей больной бабушкой. Стоит старушке умереть, и Кэйти поминай как звали. Что ее тогда может здесь удерживать?».

«Ничего», — машинально согласился Холлидэй.

Да, теперь ничего. Долгое время он заблуждался на этот счет, думал: что-то может, Кэйти столько же, сколько и ему, двадцать два, и она, если не считать Грэйнджера, казалась единственным человеком, который понимает его решимость остаться на позабытой Земле и нести на ней вахту. Но бабушка умерла через три дня после отъезда чиновника, и на следующий же день Кэйти начала упаковывать вещи. Наверно, какое-то помрачение разума побуждало Холлидэя до этого думать, что она останется, и теперь его трево-

жила мысль, что, быть может, так же ложны и все его представления о себе.

Выбравшись из гамака, он вышел на плоскую крышу отеля и стал смотреть на фосфоресцирующее сверкание в грядах, уходящих вдаль, частиц других веществ, выпавших вместе с солью в осадок. Он жил в надстройке на крыше десятиэтажного отеля, в единственном защищенном от тепла помещении здания, но отель неумолимо опускался в океанское дно, и от этого в несущих стенах появились широкие трещины, которые вскоре должны были достигнуть крыши. Первый этаж уже ушел в дно совсем. Ко времени, когда уйдет следующий (месяцев через шесть, самое большее), ему придется покинуть этот старый курорт Айдл Энд, и это будет значить, что придется жить в одном домике с Грэйнджером.

Примерно в миле от него раздалось жужжание мотора. Сквозь сумерки Холлидэй увидел, как к его отелю, единственному местному ориентиру, плывет по воздуху, неумолимо крутя пропеллерами, вертолет чиновника из управления эмиграции; потом, когда Буллен лопая, где находится, вертолет изменил курс и направился к поселку — туда, где была посадочная полоса.

Уже восемь часов, отметил про себя Холлидэй. Беседа назначена на восемь тридцать утра. Буллен переночует у шерифа, выполнит другие свои обязанности в своем качестве мирового судьи и регистратора актов гражданского состояния, а потом, после встречи с Холлидэем, отправится дальше. Ближайшие двенадцать часов Холлидэй свободен, у него еще есть возможность принять окончательное решение (или, точнее, такового не принимать), но когда они истекнут, выбор будет сделан, и назад дороги уже не будет. Это последний прилет чиновника, его последнее путешествие по кольцу опустевших поселений, от Святой Елены к Азорским островам, от тех — к Бермудам, а оттуда — к Канарским островам, где находится самая большая во всей бывшей Атлантике площадка для запуска космических паромов. Из крупных космических паромов еще держались на своих орбитах и оставались управляемыми только два; остальные (их были сотни) все падали и падали с неба, и когда наконец сойдут с орбит и те два паромы, Землю можно считать покинутой людьми. Тогда единственными, кого еще, может быть, подберут, будут несколько связистов.

На пути в поселок Холлидэю пришлось два раза опускать противосолевой щит, закрепленный на переднем бампере его джипа, и счищать с дороги, сделанной из проволоки, соль, натекшую за послеполуденные часы. По обеим сторонам дороги, похожие на огромные кактусы, высились мутирующие ламинарии (радионуклиды фосфора ускоряли генетическую перестройку); на темных грядах

соли словно вырастали белые лунные сады. Но вид надвигающейся пустыни только усиливал желание Холлидэя остаться на Земле. Большую часть тех ночей, когда он не спорил с Грэйнджером в «Нептуне», Холлидэй проводил, разъезжая по океанскому дну, взбираясь на упавшие космические платформы или блуждая вместе с Кэйти Саммерс по ламинариевым лесам. Иногда удавалось уговорить Грэйнджера пойти с ними тоже — Холлидэй надеялся, что знания старшего (когда-то Грэйнджер был биологом моря) помогут ему лучше разобраться во флоре океанского дна; однако настоящее дно было теперь похоронено под бесконечными холмами соли, и с тем же успехом можно было бы искать его под песками Сахары.

Когда он вошел в «Нептуна» (бар с низкими потолками и с интерьером, где преобладали кремовые тона и блеск хромированного металла; он стоял у начала взлетной полосы и прежде служил салоном для транзитных пассажиров — когда к Канарским островам летели тысячи эмигрантов из южного полушария), Грэйнджер окликнул его и постучал палкой по окну, за которым, ярдах в пятидесяти, на бетонированной площадке перед ангаром, маячил темный силуэт вертолета.

— Да знаю я, — сказал почти брюзгливо Холлидэй, подсаживаясь к нему со стаканом. — Не мечите икру, я и сам видел, что он летит.

Грэйнджер растянул рот в улыбке. Исполненное твердой решимости лицо Холлидэя, на которое падали пряди непослушных русых волос, и его абсолютное чувство личной ответственности всегда завлаживали Грэйнджера.

— Не мечите икру вы сами, — сказал он, поправляя наплечную подушечку под гавайской рубашкой с той стороны, где у него не было легкого (он потерял его, ныряя без маски, лет за тридцать до этого). — Ведь не я на следующей неделе лечу на Марс.

Холлидэй смотрел в стакан.

— И не я.

Он оторвал глаза от стакана и посмотрел в угрюмое, с застывшей гримасой недовольства лицо Грэйнджера, потом сказал, иронически улыбувшись:

— Будто вы не знали?

Грэйнджер захохотал и застучал палкой по окну, теперь словно подавая вертолету знак к отбытию.

— Нет, серьезно, вы не летите? Решили твердо?

— И нет и да. Я не решил еще, и в то же время я не лечу. Улавливаете разницу?

— Вполне, доктор Шопенгауэр.

Грэйнджер снова заулыбался. Потом резко отодвинул стакан.

— Знаете, Холлидэй, ваша беда в том, что вы относитесь к себе слишком серьезно. Вы не представляете себе, до чего вы смешны.

— Смешон! Почему? — вскинувшись, спросил Холлидэй.

— Какое значение имеет, решили вы или нет? Сейчас важно одно: собраться с духом, махнуть к Канарским островам и — в голубой простор! Ну зачем, скажите на милость, вы остаетесь? Земля скончалась и погребена. У нее больше нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Неужели вы не чувствуете никакой ответственности за вашу собственную биологическую судьбу?

— Ой, хоть от этого избавьте!

Холлидэй достал из кармана рубашки свою карточку на право получения промышленных товаров и протянул ее через стол Грэйнджеру, ответственному за выдачу.

— Мне нужен новый насос для домашнего холодильника, тридцативаттного «Фрижидэра». Остались еще?

Грэйнджер театрально простонал, потом, раздраженно фыркнув, взял карточку.

— О боже, да ведь вы Робинзон Крузо наоборот — возитесь со всем этим старым хламом, пытаетесь что-то из него мастерить. Последний человек на берегу: все уплывают, а он остается! Допустим, вы и в самом деле поэт и мечтатель, но неужели вы не понимаете, что эти два биологических вида уже вымерли?

Холлидэй не отрывал взгляда от вертолета за окном, на бетонированной площадке, от огней поселка, отраженных холмами соли, обступившими поселок со всех сторон. Каждый день эти холмы приближались немного ближе, стало трудно даже раз в неделю собирать людей, чтобы отбрасывать их назад. Через десять лет он и в самом деле может оказаться в положении Робинзона Крузо. К счастью, в огромных, как газгольдеры, цистернах воды и керосина хватит на пятьдесят лет. Если бы не эти цистерны, выбора бы у него, конечно, не было.

— Отстаньте от меня, — сказал он Грэйнджеру. — Отыгрываетесь на мне, потому что сами вынуждены остаться. Может, я и принадлежу к вымершему виду, но, чем исчезнуть совсем, я лучше буду цепляться за жизнь здесь. Что-то мне говорит: настанет день, когда сюда начнут возвращаться. Кто-то должен остаться, в ком-то должно сохраниться ощущение того, что значило когда-то жить на Земле. Земля не какая-то ненужная скорлупа — сердцевину съел, а ее отбросил. Мы на ней родились. Только ее мы помним по-настоящему.

Медленно, словно раздумывая, Грэйнджер кивнул. И уже хотел, по-видимому, что-то сказать, но тут мрак за окном прорезала ослепительно белая дуга. Точку, где она соприкоснулась с землей, увидеть не удалось — загорала цистерна.

Холлидэй встал и высунулся из окна.

— Должно быть, космическая платформа. И, похоже, большая,

В ночи, эхом отдаваясь от башен коралла, пронеслись долгие раскаты могучего взрыва. Потом, после нескольких вспышек, слышались еще взрывы, более слабые, а потом весь северо-запад заволокло белой пеленой пара.

— Озеро Атлантик,— прокомментировал Грэйнджер.— Давайте поедем и взглянем — вдруг платформа отрыла что-нибудь интересное!

Через полчаса, погрузив на заднее сиденье джипа старый грэйнджеровский набор пробирок для образцов флоры и фауны, а также слайды и инструменты для изготовления чучел, они выехали к южному концу озера Атлантик — за десять миль от них.

Именно там Холлидэй и обнаружил рыбу.

Озеро Атлантик, узкая лента стоячей морской воды к северу от Бермудских островов, длиною в десять миль и шириною в одну, было единственным, что осталось от прежнего Атлантического океана,— нет, от всех океанов, когда-то занимавших вместе две трети земной поверхности. Бездумная и лихорадочно поспешная добыча кислорода из морской воды (кислород был нужен для создания искусственных атмосфер вокруг новоосваиваемых планет) привела к гибели Мирового океана, быстрой и необратимой, в его смерть, в свою очередь, вызвала климатические и иные геофизические изменения, сделавшие неминуемой гибель всей жизни на Земле. Кислород, путем электролиза извлекаемый из морской воды, затем сжижали и увозили на ракетах с Земли, а высвобождаемый водород выпускали прямо в земную атмосферу. В конце концов остался лишь тонкий, чуть больше мили толщиной слой сколько-нибудь плотного, пригодного для дыхания воздуха, и людям, еще оставшимся на Земле, пришлось покинуть отравленные, ставшие теперь плоскогорьями континенты и отступить на океанское дно.

Холлидэй в своем отеле в Айдл Энде провел бесчисленные часы среди собранных им книг и журналов, где рассказывалось о городах старой Земли. Да и Грэйнджер часто описывал ему свою юность, когда океаны опустели еще только наполовину и он работал биологом моря в университете Майами; тогда берега Флориды, непрерывно удлиняясь, превращались для него в сказочную лабораторию.

— Моря — наша коллективная память,— часто говорил он Холлидэю.— Осушая их, мы стирали прошлое каждого из нас и в большой мере — наше сознание того, кто мы, каждый из нас, есть. Это еще один аргумент в пользу вашего отлета. Без моря жизнь оказы-

вается невыносимой. Мы становимся всего лишь жалкими тенями воспоминаний; слепые и бездомные, мечемся внутри пустого черепа.

До озера они доехали за полчаса, пробравшись кое-как через болота, которые служили ему берегами. Кругом в ночном полумраке были видны серые соляные дюны; трещины в ложбинах между дюн, разрезая соль, делили ее на шестиугольные пластины. За густым облаком пара поверхности воды не было видно. Они остановили джип на низком мысе и, задрав головы, стали оглядывать огромную тарелку — корпус космической платформы. Платформа была большая, почти в триста ярдов диаметром; сейчас она лежала, перевернувшись, на мелководье, обшивка ее обгорела и была вся во вмятинах, и огромные дыры зияли теперь там, где прежде были реакторы, выбитые ударом из гнезд и взорвавшиеся уже на другой стороне озера. В четверти мили от себя Грэйнджер и Холлидэй с трудом разглядели сквозь дымку пара гроздь роторов; концы их осей смотрели в небо.

Продвигаясь по берегу (озеро было от них по правую руку), с трудом разбирая одну за другой буквы, приклепанные к опоясывающему ободу, они подошли к платформе. Гигантский корабль рассекал цепочку водоемов у южного конца озера огромными бороздами, и Грэйнджер, бродя в теплой воде, вылавливал живность. То там, то здесь попадались карликовые анемоны и морские звезды, изуродованные и скрученные раковыми олухолями. К его резиновым сапогам липли тонкие, как паутина, водоросли; их ядра в тусклом свете сверкали как драгоценные камни. Холлидэй и Грэйнджер задержались у одного из самых больших водоемов, круглого бассейна диаметром футов в триста; сейчас он медленно пустел — вода уходила через прорезавшую берег глубокую свежую борозду. Грэйнджер осторожно двинулся вниз по склону, вилкой подхватывая образцы и засовывая их в пробирки в своем штатном; Холлидэй стоял, задрав голову, на узком перешейке между водоемом и озером и смотрел на край космической платформы, нависающий над ним во мраке как корабельная корма.

Он разглядывал разбитый люк одного из куполов для экипажа, когда вдруг увидел, как на обращенной вниз поверхности что-то промелькнуло. Какое-то мгновение он думал, что это, возможно, пассажир, которому как-то удалось спастись, но потом понял, что это просто отразился в алюминизированном металле какой-то всплеск в водоеме у него за спиной.

Он обернулся и увидел, что Грэйнджер, в десяти футах от него, по колено в воде, пристально во что-то вглядывается.

— Вы что-нибудь бросили? — спросил Грэйнджер.

Холлидэй покачал головой:

— Нет.

Не думая, что говорит, он добавил:

— Наверно, рыба прыгнула.

— Что-о? Рыба? На всей планете не осталось ни одной. Вась этот зоологический класс вымер еще десять лет назад. Да, странно. И тут рыба снова подпрыгнула.

Несколько мгновений, стоя неподвижно в полумраке, они смотрели, как ее тонкое серебристое тело обезумело выскакивает из тепловатой мелкой воды и, описывая короткие блестящие дуги, мечется по водоему.

— Морская собака, — пробормотал Грэйнджер. — Из семейства акул. Высоко приспособляема — ну, да это, я думаю, и так достаточно очевидно. Черт побери, вполне возможно, что она последняя рыба на Земле.

Холлидэй спустился вниз, глубоко увязая в глине.

— А вода разве не слишком соленая?

Грэйнджер нагнулся и, зачерпнув ладонью, с опаской попробовал ее на вкус.

— Соленая, но не чрезмерно.

Он оглянулся через плечо на озеро.

— Возможно, вода, постоянно испаряясь с поверхности озера, потом конденсируется здесь. Свообразная перегонная установка — каприз природы.

Он шлепнул Холлидэя по плечу:

— Довольно интересно, Холлидэй!

Морская собака ошалело прыгала к ним, извиваясь своим двухфутовым телом в воздухе. Из-под воды выступали все новые и новые низкие отмели из глины; только в середине водоема воды было больше чем на фут.

Холлидэй показал на место в пятидесяти ярдах от них, где берег был разворочен, жестом позвал Грэйнджера за собой и побежал.

Через пять минут пролом в берегу был уже завален. Потом Холлидэй вернулся за джилом и осторожно повел его по извилистым перешейкам между водоемами. Доехав до водоема, где была рыба, он опустил щит, закрепленный на переднем бампере, сел в машину снова и, маневрируя вокруг водоема, начал сбрасывать в воду глину. Через два или три часа диаметр водоема стал почти вдвое меньше, зато уровень воды поднялся до двух с лишним футов. Морская собака больше не прыгала, теперь она спокойно плавала под самой поверхностью воды, молниеносными движениями челюстей захватывая бесчисленные мелкие растения, которые джил сбросил в водоем вместе с глиной. На ее удлиннном серебристом

тела не видно было ни единой царапины, а небольшие плавники были упругими и сильными.

Грэйнджер сидел, прислонившись к ветровому стеклу, на капоте джипа и с восхищением наблюдал за действиями Холлидэя.

— Да, в вас, бесспорно, есть скрытые ресурсы,— изумленно сказал он.— Никак не думал, что такое вам свойственно.

Холлидэй вымыл в воде руки, потом через полосу взбитой глины, которая теперь окружала водоем, шагнул назад. Всего в нескольких футах у него за спиной резвилась в воде морская собака.

— Хочу, чтобы она жила,— сухо сказал Холлидэй.— Вы только вздумайте, Грэйнджер, и вам это станет ясно: когда, двести миллионов лет назад, из морей выползли на сушу первые земноводные, рыбы остались в море точно так же, как теперь остаемся на Земле мы с вами. В каком-то смысле рыбы — это вы и я, но только как бы отраженные в зеркале моря.

Он тяжело опустился на подножку джипа. Одежда его промокла и была вся в потеках соли, и он тяжело дышал от влажного воздуха. На западе вздымался с морского дна длинный силуэт Флориды — его верх уже освещали несущие губительное тепло солнечные лучи.

— Ничего, если так оставим ее до вечера?

Грэйнджер взобрался на сиденье водителя.

— Все будет в порядке. Поедемте, вам нужно отдохнуть.

Он показал на нависающий над водоемом край космической платформы:

— Загородит на несколько часов, так что температура будет ниже.

Они въехали в поселок, и Грэйнджер теперь то и дело замедлял ход, чтобы помахать рукой старикам, покидающим свои крылечки, плотно закрывающим ставни на окнах своих металлических домиков.

— А ваша беседа с Булленом? — озабоченно спросил он Холлидэя.— Ведь он наверняка вас ждет.

— Улететь с Земли? После этой ночи? Исключено.

Грэйнджер уже останавливал машину у «Нептуна». Он покачал головой.

— Не слишком ли большое значение придаете вы одной морской собаке? Когда-то их были миллионы, океаны буквально кишели ими.

— Вы упускаете главное,— сказал Холлидэй, усаживаясь поудобнее на сиденье и пытаясь стереть с лица соль.— Эта рыба означает, что на Земле еще что-то можно сделать. Земля, как выясняется, еще не истощилась окончательно — не умерла. Мы можем

вырастить новые формы жизни, создать совершенно новую биосферу.

Грэйнджер вошел в бар за ящиком пива, а Холлидэй, оставшись за рулем, сидел и глядел на нечто, доступное только его внутреннему зрению. Грэйнджер вышел из бара не один — с ним был чиновник из управления эмиграции.

Буллен поставил ногу на подножку джила и заглянул в машину.

— Ну так как, Холлидэй? Мне бы не хотелось больше здесь задерживаться. Если это вас не интересует, я отправляюсь дальше. На новых планетах пышным цветом расцветает жизнь, и это только начало — первый шаг к звездам. Там Джуранда и парни Мерриуэзров улетают на следующей неделе. Хотите составить им компанию?

— Простите, не хочу, — коротко ответил Холлидэй, втащил ящик пива в машину, дал газ, и в режущем облаке пыли джил понесся по пустой улице.

Через полчаса, освеженный душем, уже не изнывая так от жары, он вышел на крышу отеля в Айда Энде и проводил глазами вертолет, который, стремительно вращая пропеллерами, прострекотал у него над головой и унесся за поросшие ламинариями равнины по направлению к потерпевшей крушение платформе.

— Так поедете же скорей! В чем дело?

— Возьмите себя в руки, — сказал Грэйнджер. — Вы уже теряете над собой контроль. Так можно перегнуть палку — вы убьете проклятую тварь своей добротой. Что у вас там?

Он показал не консервную банку, которую Холлидэй поставил в ящик под приборной доской.

— Хлебные крошки.

Грэйнджер вздохнул, потом мягко закрыл дверцу джила.

— Ну и тип вы, скажу я вам! Серьезно. Если бы вы так заботились обо мне! Мне тоже не хватает воздуха.

До озера оставалось еще миль пять, когда Холлидэй, сидевший за рулем, подался вперед и показал на свежие отпечатки шин в мягкой соли впереди, перетекающей через дорогу.

— Кто-то уже там.

Грэйнджер пожал плечами:

— Ну и что? Наверно, решили посмотреть на платформу. — Он тихонько фыркнул. — Ведь наверняка вы захотите разделить ваш новый Эдем с кем-нибудь еще! Или это будете только вы и ваш консультант-биолог?

Холлидэй смотрел в ветровое стекло.

— Меня раздражают эти платформы, — сказал он, — их сбрасывают на Землю, как будто она свалка. И все же, если бы не эта платформа, которая сюда упала, я бы не наткнулся на рыбу.

Они доехали до озера и начали пробираться на джипе к водоему, где осталась рыба; впереди, исчезая в лужах и снова возникая, вился след другой машины. Чужой автомобиль стоял, не доезжая двухсот ярдов до платформы, и загоразивал им путь.

— Это машина Мерриуззеров,— сказал Холлидэй, когда они обошли вокруг большого облезлого «бьюика», исчерченного полосами желтой краски, снабженного наружными сиренами и разукрашенного флажками.— Наверно, оба мальчишки приехали.

Грэйнджер показал рукой в сторону:

— Вон, один уже на платформе.

Младший из двух братьев стоял наверху, на самом краю платформы, и паясничал, кого-то изображая, а его брат и Том Джуранда, высокий, широкоплечий юноша в куртке кадета космического флота, бесновались около водоема, в котором Холлидэй оставил рыбу. В руках у них были камни и большие комки соли, и они швыряли их в водоем.

Холлидэй, бросив Грэйнджера, сорвался с места и, страшно крича, помчался к водоему. Слишком поглощенные своим занятием, чтобы его услышать, те продолжали кривляться и забрасывать водоем импровизированными гранатами, а младший Мерриуззер наверху восторженными воплями выражал им свое одобрение. Вот Том Джуранда пробежал по берегу несколько ярдов и начал, разбрасывая комья, разбивать ногами невысокий глиняный накат, сделанный Холлидэем вокруг водоема, а потом снова начал бросать в водоем камни.

— Прочь отсюда! Джуранда! — заревел Холлидэй.— Не бросай камни!

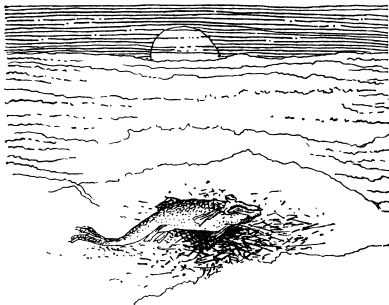
Юноша уже размахнулся, чтобы швырнуть в водоем ком соли с кирпич величиной, когда Холлидэй схватил его за плечо и повернул к себе так резко, что соль рассыпалась дождем влажных мелких кристаллов; потом Холлидэй метнулся к старшему Мерриуззеру и пинком прогнал его прочь.

Водоем был осушен. Берег пересекала глубокая канава, и по ней вода уже ушла в соседние водоемы и впадины. Внизу, в самой середине, среди камней и соли еще билось в дюйме воды, который там оставался, раздавленное тело морской собаки. Из ее ран, окрашивая соль в темно-красный цвет, текла кровь.

Холлидэй бросился к Джуранде, яростно затряс его за плечи.

— Джуранда! Ты понимал, что ты сделал, ты...

Чувствуя, что у него больше не остается сил, Холлидэй разжал руки, сошел, пошатываясь, в середину водоема и, отбросив ногой несколько камней, остановился над рыбой, стал смотреть, как она судорожно дергается у его ног.

— Простите, Холлидэй,— нерешительно сказал у него за спиной старший из Мерриуэзеров.— Мы не знали, что это ваша рыба.

Холлидэй отмахнулся от говорившего, и его руки снова появились как плети. Растерянный и сбитый с толку, он не знал, как дать выход своим обидам и гневу.

Том Джуранда начал смеяться и прокричал что-то издевательское. Для юношей атмосфера разрядилась, они повернулись и побежали через дюны к своей машине, воля во все горло и лоя друг друга, передразнивая Холлидэя в его возмущении.

Грэйнджер дождался, чтобы они его миновали, потом подошел к яме посередине водоема; когда он увидел, что воды там нет, лицо его искривилось в болезненной гримасе.

— Холлидэй! — позвал он.— Пойдемте.

Не отрывая глаз от избитого тела рыбы, Холлидэй покачал головой.

Грэйнджер спустился к нему и стал рядом. В отдалении слышались гудки, потом слабеющий шум мотора — «бьюнк» уезжал.

— Чертовы мальчишки,— и он мягко взял Холлидэя за лопоть.— Простите,— сказал он тихо.— Но это не конец света.

Наклонившись, Холлидэй протянул руки к рыбе, которая теперь уже не двигалась; глина вокруг нее была залита кровью. Руки на миг остановились в воздухе, потом бессильно опустились.

— Ведь тут ничего нельзя сделать! — сказал он, словно обращаясь к самому себе.

Грэйнджер осмотрел рыбу. Если не считать большой раны в боку и раздавленной головы, кожа нигде не была повреждена.

— А почему бы не сделать из нее чучело? — задумчиво сказал Грэйнджер.

Холлидэй уставился на него, словно не веря своим ушам; лицо его задергалось. Молчание длилось несколько мгновений. Потом почти вне себя от гнева Холлидэй закричал:

— Чучело? Да вы что, спятили? Может, и мне стать чучелом, набить себе голову соломой?

Он повернулся и, задев плечом Грэйнджера, как будто его не видя, выскочил из ямы наверх.

Перевел с английского
РОСТИСЛАВ РЫБКИН

ГЕРБЕРТ В. ФРАНКЕ

Анклавы

Они стояли группами перед стеной из искусственного стекла и смотрели вовнутрь. Им приходилось щуриться, так как помещение было ярко освещено изнутри — свет шел от прожекторов, чьи слепяще-белые лучи образовывали правильную сетку световых точек на потолке. Неприятная белизна лежала, словно пыль, над всем ландшафтом, устроенным и поддерживаемым там, внутри: уложенные камнем дороги вели через траву и цветы, кое-где виднелся куст или дерево, но так, что они не заслоняли вида. Там и сям можно было рассмотреть странных, заросших волосами четвероногих животных. Они лежали на земле или устало бежали вдоль стеклянной стены. Но самое неприятное впечатление оставляли главные обитатели этого сооружения — человекоподобные существа с бледной, белесоватой кожей, широко раскрытыми глазами и вывернутыми ноздрями, с сухими, хрупкими кистями рук. На них была такая же одежда, что и на тех, кто разглядывал их сквозь стекло, но одежда эта выглядела на них как-то неуместно, даже непристойно.

— Они вправду такие же люди, как и мы? — спросила маленькая девочка, цепляясь за рукав отца.

— Вправду, это люди. Точнее говоря, были ими. У них те же предки, что и у нас. Раньше мы были больше похожи на них, много поколений сменили друг друга, прежде чем различия стали такими большими. Собственно, никто и не знает, почему так получилось.

Они замолчали, продолжая смотреть. Иногда одна из этих карикатур на человека подходила с той стороны к стеклянной стене и всматривалась в них — и тогда стоявшие снаружи невольно отступали назад. Описать эти лица тяжело — людскими были они и в то же время какими-то другими. Кожа их была нездоровой, почти прозрачной, мутнели белки глаз. Были ли они разумными? Опасными?

Девочка спряталась за родителями и выглянула лишь тогда, когда никого из неприятных существ вблизи уже не было.

— А почему их держат в неволе? И что случится, если они вдруг выйдут наружу?

— Они не могут выйти, — объяснил отец. — Они дышат другим воздухом. То, что они едят, подвергается искусственной обработке. Все, что им нужно, стерилизуется и поступает к ним через герметически закрывающиеся шлюзы. Они могут жить только там, внутри. Снаружи они погибли бы.

Среди зрителей прошло движение. Целая стая чужеродных существ пробежала по вольеру и исчезла в одном из зданий, построенных для них. Эти помещения были настолько тесными, что их обитатели не могли находиться там долго — и все же они старались забиться куда-нибудь в уголок, чтобы избавить себя от взоров зрителей.

— Пойдем! Зрелище не из приятных.

Отец потянул ребенка за руку. Но, уходя, девочка оглянулась на вольер — там, укрывшись за кустом, стоял мальчишка и корчил ей рожи.

ЗА 400 ЛЕТ ДО ТОГО

И вот наступило то, чего боялись на протяжении жизни уже нескольких поколений. Договоры, которые регулярно продлевались, суровые предписания, поправки к поправкам, строжайшее разграничение, даже угроза самыми крутыми санкциями — все это теперь потеряло смысл. Полиция, армия, охранные войска тоже ни к чему. Пара открытых люков — и воздух будет зачумлен. Несколько разрушенных плотин — и вода окажется испорченной навсегда. Добровольно ли, по долгу ли службы, кто взялся бы обороняться от врага, невосприимчивость которого защищает его лучше, чем герметически закрытые бронированные двери?

Сперва это было даже приятно. Свободные жители города приветствовали принятое Ответственными решение о продаже участков. Больше не увидишь эти мрачные фигуры, это отребье человечества. Исподтишка обыватели смотрели сквозь щели жалюзи на своих окнах, когда «инородцев» везли на открытых грузовых машинах. Выглядели они ужасно — грязные, подобные слизнякам. И можно было представить, как они, прижатые друг к другу, потеют, издавая неприятный запах. А затем они спрыгнули с грузовиков — мужчины, женщины, дети — и закопошились на отвалах, как муравьи.

Были устроены воздухозащитные завесы, стены, электрические заборы, позаботились о том, чтобы все, что уж попало сюда, тут бы и осталось. По гигантским трубопроводам, в которых постоянно поддерживался односторонний воздушный поток, шли туда отходы: пищевые отбросы, останки автомобилей, мусор из жилищ, фабрик, учреждений, отходы дезинфекционных станций и больниц, старая одежда, трупы животных. По трубам отводили туда сточные воды из жилых кварталов и химических заводов — жижу из размытого гнилого ила, нитритов, арсенидов, антимонидов, солей свинца и ртути, радиоактивных отходов, моющих средств, антибиотиков. Все это засасывалось, пожиралось, словно каким-то ненасытным зверем, и непонятным образом переваривалось.

Биологи и врачи предсказывали скорый конец этих потерявших человеческий облик людей, добровольно подававшихся туда, где невозможно прожить, а некоторые даже протестовали против этого. Однако в конечном счете и они согласились с тем, что другим путем решить проблему перенаселенности невозможно, и перестали сопротивляться. Но — как это часто бывает — специалисты были неправы. Те люди чувствовали себя вроде бы совсем неплохо, они остались живыми и здоровыми, куда там — они процветали! И они выполнили свою задачу — принесли порядок в хаос, создали пространства для новых отходов, способствовали лучшему использованию территории. Но одновременно они строили дороги и жилые дома, выращивали водоросли и грибы, плавил металлы... Об этом докладывали комиссии, время от времени рисковавшие спускаться в бездну.

Да, они процветали и размножались. Никто не думал, что это возможно, но так произошло. Проблема их плодовитости вставала заново и делалась все острее. Их становилось все больше, им уже не хватало места. И вот зазвучали их требования: участки для них нужно расширять, им требуется больше мусора!

Не оставалось ничего другого, как пойти на удовлетворение их требований, тем более что они ведь были выдержанны в духе развита. Участки, занимаемые свалками, расширялись, чистое, год-

ное для обитания пространство сокращалось, и, наконец, вышел закон, запрещающий дальнейшее отмежевание свалок...

Издали доносится вопль. Над серыми блоками компостерных установок поднимается коричневый дым. Воздух пропитан омерзительным, удушливым запахом. Долго так продолжаться не может...

ЗА 300 ЛЕТ ДО ТОГО

— Мы делаем вам хорошее предложение, — сказал посол. — Мы покупаем все территории, о которых идет речь. Цену мы даем не очень высокую, но эту землю вы ведь все равно не используете. За вами остается право по-прежнему сваливать там свои отходы. А мы, со своей стороны, обязуемся проводить все необходимые работы. Для вас наше предложение весьма выгодно — вспомните, сколько вреда нанесли и наносят эти участки здоровью ваших граждан. А мы снимем с вас эту заботу.

Группа политиков, с которой разговаривал посол, старалась держаться от него на расстоянии, которое допускало приличие. Хотя внешне он и не очень отличался от них, но все знали особенности того народа, который он представлял и к которому он в конечном счете принадлежал. К этим людям испытывали отвращение и не скрывали этого, если вдруг редкая случайность как-то сводила с ними. Правда, сейчас ситуация была несколько иной. Предложение, которое он им делал, было настолько заманчивым, что они просто должны были принять его — продать лишенную какой-либо ценности землю за приличные деньги да вдобавок еще получить кое-какие выгоды. Конечно, и другая сторона тоже была в тисках: их маленькая страна буквально лопалась по швам, а эмигрировать их людям было некуда. Ну, куда им было деваться?

И вот появилась эта идея анклавов. Никто не знал, кто, собственно, был ее автором. Но она была такой заманчивой! Она давала и политическую выгоду: подписание договора означало бы, что в свободном мире устранялся очаг волнений, уменьшалась и опасность военной экспансии...

После короткого обсуждения предложение было принято.

ЗА 200 ЛЕТ ДО ТОГО

— Я не вижу выхода, — сказал министр экономики. — Страна вроде нашей — маленький кусочек земли, лежащий между двумя великими соседями, — не сможет долго оставаться независимой. Я не вижу пути к спасению от финансового краха, тем более что господин министр здравоохранения как раз сегодня выступил с утопи-

ческими требованиями финансирования охраны окружающей среды...

Вскочил полный седой господин:

— Господа, здоровье важнее денег! Мы не можем допустить, чтобы вода, которую мы пьем, была отравлена, чтобы воздух, которым мы дышим...

— Но это же миллионы!

Председательствующий поднял руку:

— Прошу вас, успокойтесь! Комиссия по выживанию представила результаты одной своей работы — результаты эти просто потрясающи, и не только потому, что благодаря им все наши проблемы решаются одним махом. Я вношу предложение: получить соответствующую информацию из первых рук. Если вы согласны, мы встретимся после обеда в биологическом институте университета.

Правительственную комиссию встретил сам директор института:

— Наши исследования начались с выращивания городоустойчивого дерева. Оно должно было выживать на засоленной почве, быть невосприимчивым к первой очереди к распыляемым солям. Оно должно было обладать способностью стерпеть выхлопные газы, пыль, сажу. Чтобы ни искусственный свет, ни вибрация, вплоть до инфразвукового диапазона, не могли ему повредить. И результат превзошел все ожидания. Смотрите!

Не скрывая своей гордости, биолог указал на большую цветочную кадку в углу помещения, на которую посетители вначале не обратили никакого внимания. Из серой, засохшей земли торчал узловатый ствол, от него отходили несколько ветвей. С них свешивались крупные, толстые, перистые листья.

— Вот он — выведенный нами новый сорт, который мы назвали городоустойчивым деревом. Мы подвергали его самым тяжелым испытаниям. Оно не только переносит выхлопные газы — оно даже нуждается в них! В воздухе, не содержащем окиси углерода и двуокиси серы, оно погибает, — ученый встал. — А теперь я попрошу вас следовать за мной.

Пока группа шла по институтским коридорам, он продолжал:

— Наши рассуждения покоятся на старой истине: человек — это тоже существо, способное приспосабливаться. И в значительно большей степени, чем какое-то там дерево. Но именно это обстоятельство не учитывалось до последнего времени наукой о выживании. Пытались приспособить окружение к человеку — трудное и дорогостоящее дело! — и потерпели неудачу. А почему не пойти противоположным путем? Почему не приспособливать человека к окружению? Мы со страхом регистрируем каждое изменение в составе воздуха, попадание в воду чужеродных веществ. А почему мы не реагируем на каждое такое изменение положительно и не предо-

ставляем самому человеку возможности подстраиваться под них?..
Прошу вас войти сюда.

Он распахнул дверь в одну из лабораторий, политики последовали за ним. Их глазам представились стеклянные кубы, наполненные мутными растворами или клубами грязного пара. Смутно можно было распознать какое-то движение, дрожание, трелетание...

— Мы вырастили зародыши в питательной жидкости, а затем, когда они доросли до стадии грудных младенцев, продолжали следить за ними в камерах-инкубаторах. В этом нет, собственно говоря, ничего необычного. Особенными являются окружающие их условия, которые мы поддерживаем: воздух содержит высокий процент окиси углерода и двуокиси серы, дополнительно он искусственно обогащен канцерогенными веществами, содержащимися в выхлопных газах автомашин. Воду мы добываем из отстойника очистного сооружения. Она содержит все существующие загрязнители в сверхвысокой концентрации, особенно богат тут набор патогенных бактерий, есть и некоторые весьма ядовитые вещества, процент которых мы постепенно повышаем. Все эти ингредиенты должны были бы, по сути дела, действовать смертоносно. Но действуют ли? Нет, напротив, организмы приспособились! Вы видите сами — младенцы живы, чувствуют себя превосходно, вырастают в жизнеспособных детей. Они будут здоровее нас!

Политики молчали, смотрели, удивлялись. Чувство, которое они испытывали, было, конечно, не из приятных. Однако они понимали: люди, приспособившиеся к повышенному уровню загрязненности, не нуждаются в дорогостоящих мерах по содержанию жизненного пространства в чистоте...

Первым прервал молчание министр финансов.

— Чрезвычайно впечатляет, но э-э... я не понимаю, каким образом это разрешит наши финансовые проблемы?

— Очень просто, — ответил премьер-министр и положил ему руку на плечо. — Мы не только экономим на средствах, которые пришлось бы выделить для охраны окружающей среды, но и получаем дополнительный источник доходов. Мы заявим о своей готовности забирать все отбросы из соседних с нами держав — за хорошую оплату, разумеется.

— Но это будет означать полный отход от общепринятых принципов, — буркнул министр здравоохранения.

— И разрешит все наши проблемы, — возразил премьер-министр. — Господа, я полагаю, наш путь в будущее обеспечен.

Перевел с немецкого
А. ФЕДОРОВ

Час Привидений

Это был самый лучший час.

Самый замечательный час суток.

Это был Час Привидений.

Посередине комнаты Тимоти что-то закрутилось, и возникло невероятное привидение.

Посередине комнаты Ральфа стал второй призрак, немислимой величины и загадочного облика.

Посередине логовища Элис, на другой стороне коридора, сошелся из света, снующего взад-вперед, из воздуха и из танцующих пылинок третий — печальная, со скорбным взглядом незнакомка.

В гостиной, внизу, встречал неожиданных гостей отец.

А мать? Мать в это время хозяйничала на кухне, между тем как Ведьма-Повариха качалась в горячем воздухе над плитой, что-то напевала пряностям, листала поваренные книги, что-то добавляла в кушанья. Только дотронувшись рукой, ты узнал бы, которая из двух настоящая. Старую толстую Ведьму твои пальцы проткнули бы насквозь. Пальцы остановились бы, ткнувшись в жаркую петную плоть Хозяйки Дома.

— Вот здорово! — крикнул Тимоти.

— Его можно обойти вокруг! — воскликнул Ральф.

И это была правда.

И они стали кружить и кружить вокруг своих Привидений, электронных див, принесенных невидимыми лучами специально для них, в их комнаты.

— Они настоящие!

— И все-таки не совсем...

— Повторите все снова, — сказала Элис лучезарному воздуху.

— Да, — попросили мальчики. — Говорите еще!

И призрак Марли в комнате Тимоти затряс своими цепями из копилок и висячих замков и, впервые в мальчика взгляд похожих на бледные устрицы глаз, загоревал по своей погибшей душе:

— О, горе мне! Я ношу цепь, которую сам сковал себе при жизни... Мне нет отдыха, нет покоя! Да будет тебе это уроком, Эбинизер Скруджд!

А у постели Ральфа, между тем, призрак слепого Пью смял в руке маленький клочок бумаги с чернильным кружком на нем и воскликнул:

— Черная метка! Я обречен!

И почти потерял сознание, когда откуда-то из темных углов комнаты донеслась — топ-тумп, топ-тумп — поступь одноногого человека, шагающего в темноте по дороге вдоль берега какого-то далекого моря.

Элис была в восторге. Ее Привидение, молодая женщина с волосами, развевающимися на ветру, постучало в залепленное снегом окно и прокричало имя необузданного человека:

— Хитклиф!

И в зимней ночи распахнулась висятая в воздухе, в середине комнаты, дверь. Откликнувшись на зов, оттуда выбежал человек и исчез с Грозового Перевала, затерялся в буре снежинок, падающих на пол и тающих, не оставляя следа.

— Голограммы,— прошептал Тимоти,— телесвязь. Лучи лазеров и небывалые машины...

— Замолчи! — остановил его Ральф, младший, но более мудрый. — Не хочу этого знать. Я хочу только смотреть! Лучше Привидений нет ничего на свете. После слепого Пью у меня побывали фараон Тутанхамон и Рикша-Призрак, и... черт возьми, может, прямо сейчас?

Он нажал на кнопку. Свет лазера переткал наново свой ковер. Слепой Пью исчез, а с ним и стук деревянной ноги на далекой дороге.

Из туманов над болотами, в свете молнии, под мелким дождем поднялась и залаяла, сверкая глазами, собака.

— Милый лес, — сказал Ральф, — милые Баскервилли!

В гостиной горевал дух отца Гамлета:

— О, слушай, слушай, слушай! Если только ты впрямь любил когда-нибудь отца...

— Одну чашку шерри, — напомнила Покровительница Кухни, компьютерная память, которая всегда посоветует, как лучше приготовить то или другое блюдо. — Две...

— Благодарю вас, — прервала ее хозяйка и щелкнула переключателем.

Повинуясь силе молний, Кухонное Привидение исчезло.

— Обед готов! — крикнула, выглянув в коридор, мать.

— Вы, — сказал то ли Тимоти, то ли Сирудж, — вовсе не вы, а лишь капля горчицы, непрожаренная картофелина...

После чего старый Марли провалился с криком отчаяния в собственные кости и растаял.

— Приходи снова в восемь! — сказал Ральф.

И собака ушла в трясину ковра.

— Как малко! — заплакала Элис, когда Хитклиф и его возлюбленная убежали сквозь стены комнаты.

Гостинная: свет утра в Эльсиноре. Отец Гамлета удалился. А отец этого дома встал и пошел обедать.

Точно так же, как и его реальные дети, побежавшие на зов реальной матери, к реальной пище.

Час Привидений кончился.

Полумрак лазерных визитов рассеялся.

Но предстоял еще вечер. И когда с уроками было покончено, их всех уже ждали новые призраки. В стенах таились Духи Прошлых, Нынешних и Будущих Святых. Своим призрачным фонарем сигналил с верхних ступенек лестницы Стрелочник-Призрак. Их дом был теперь настоящим «Домом с привидениями».

— Я взял на себя смелость, — сказал отец, — пригласить к обеду Платона и Аристотеля.

— Уж слишком много они говорят! — проворчал Ральф.

Но тут эти два старика вдруг неслышно встали около них.

— Как дела в «Государстве»? — спросил Тимоти.

— Как дела?..

И Платон рассказал ему, быстро, хорошо и правдиво.

И изумленный Ральф выпрямился на своем стуле, поморгал и сказал:

— Раз так, то не исчезай. Расскажи снова.

И Платон рассказал.

И это было почти так же хорошо, как слепой Пью или вой собаки Баскервильей на болоте, среди трясины*.

Перевел с английского
РОСТИСЛАВ РЫБКИН

---

* Трехмерное телевидение, о котором рассказывает в «Часе Привидений» Рэй Брэдбери, заимствует своих персонажей главным образом из мира классической английской и американской литературы — из широко известных у нас в стране произведений Шекспира, Диккенса, Стивенсона, Киллинга, Шарлотты Бронте, Конан-Дойля.
— *Прим. переводчика.*

■ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА: ФАНТАЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

ВЛ. ГАКОВ

«Феномен Крайтона», или как фантасты прозевали проблему

Настанет день, когда деревья будут из металла, луга — из войлока, а морские побережья — из металлических опилок!.. Это «прогресс».

Жюль Верн

Есть такое твердое правило.. Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету.

Сент-Экзюпери

Американский еженедельник «Пабlishерс Уикли» по праву называют законодателем мод на книжном рынке. И тот факт, что в 1969 году список бестселлеров, постоянно печатающийся на страницах журнала, несколько месяцев подряд возглавлял роман мало кому известного молодого автора, не мог не привлечь внимания. Автора звали Майкл Крайтон*, а роман был озаглавлен «Штамм «Андромеда». Издательство «Кнопф» не снабдило книгу никакими ярлычками, указывающими на ее жанровую принадлежность, однако по краткому пересказу содержания на суперобложке создавалось впечатление, что речь шла о научной фантастике. Это-то и было самым фантастичным... О популярности жанра научной фантастики в США долго распинаться не стоит, достаточно цифр — около 1000 изданных книг в одном только 1976 году. Но чтобы научно-фантастический роман новичка долго лидировал в «общем» списке бестселлеров, оттеснив серьезную прозу, мемуары знаменитостей, поваренные книги и сексуально-сенсационную «клубничку»!.. Такого еще не бывало.

Роман переведен на русский язык**, и пересказывать его нет

* Правильно фамилия автора читается «Кричтон», но мы будем придерживаться установившейся транскрипции.

** Русск. пер. — изд-во «Мир», 1971.

надобности. Лаконичный язык, интеллигентность и эрудиция автора, безусловная компетенция в вопросах, которых он касался. Плюс четко вычерченный сюжет да искусно поддерживаемое до самого финала напряжение. Больше никакими литературно-художественными откровениями роман не отмечен. На какой же струнке в душе массового читателя сыграл Крайтон, чем захватил читательское воображение? Полетом фантазии, невероятными приключениями, интригой? Да нет, в том же году вышли куда более захватывающие и оригинальные книги.

Объяснение пришло позднее, когда повалила волна коммерческих подделок «под Крайтона». Оказывается, успехом роман был обязан столь неприметной в фантастике составляющей — актуальности. Даже можно употребить это слово: «сегодняшность». Ведь то, о чем поведал читателю Крайтон, иначе как «превосхищением настоящего» не назовешь, и в этом смысле осторожность издательства, отнесшего книгу к разряду «просто романов», кажется оправданной. Ситуация, описанная в «Штаме «Андромеда», уже потенциально существовала в реальности, массовый читатель психологически был к ней подготовлен.

Судите сами. Спутник, запущенный по сверхсекретной программе Пентагона с целью поиска эффективных средств ведения бактериологической войны, занес на Землю невидимую глазу смерть, первыми жертвами которой стали ничего не подозревавшие мирные американцы. «Джинн», выпущенный учеными, работающими на военно-промышленный комплекс, оказался неуправляемым и стал угрожать всему человечеству. Это — «фантазии» Крайтона. А через год после выхода романа в свет четыре сотни бетонных контейнеров с нервно-паралитическим газом были затоплены недалеко от берегов Флориды. И как знать, не происходит ли до сих пор утечка газообразной смерти в океан, омывающий берега трех континентов... Это уже из газет. Если еще учесть, что события в романе происходят... в 1967 году, то задача определения жанра, в котором написана книга, становится и вовсе не разрешимой.

И все-таки ясно, что книга Крайтона как-то связана с научной фантастикой. Все говорит за это: детали, общий настрой, постановка проблемы. Да и читательская интуиция прочно закрепила роман за ведомством фантастики. Если говорить точнее, мы имеем дело с «романом об экологической катастрофе» — эти-то магические слова и принесли начинающему автору невиданный успех.

«Роман о катастрофе»... Удивительно емкая «этикетка», мгновенно подготавливающая читательское восприятие. Иной критик тут же задает язвительный вопрос: что же это за такое литературное произведение, которое исчерпывается столь лаконичной

аннотацией? Можно ли вообще говорить в этом случае о каком-то художественном уровне?..

Согласны, процесс «навешивания ярлыков» никогда не пользовался доброй репутацией у литературоведов, и прибегали к нему в тех случаях, когда ни о какой литературе речи быть не могло. Но почему же тогда многие авторитеты (назовем самого известного — Станислава Лема) ничтоже сумняшеся делят всю современную научную фантастику на такие вот выделенные, выраженные одним словом темы — «катастрофа», «вторжение», «контакт», «роботы», «утопии» и «антиутопии»? Причем это отнюдь не пренебрежение к разбираемому материалу: в раздел «катастроф», оказывается, попал Уиндэм, а в раздел «роботов» — Азимов. Не говоря уж о теньях великих — Уэллса и Чапека...

Значит, «ярлыки» в фантастике еще не свидетельствуют о недоброкачественности литературного материала. И прежде чем продолжить разговор о Крайтоне и иже с ним, стоит остановиться на этом вопросе поподробнее.

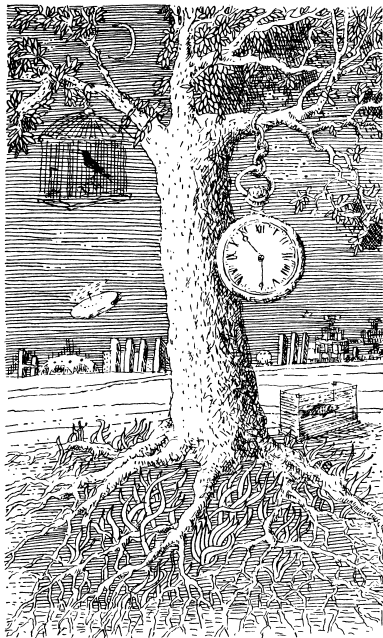
Вот, например, «семейная сага». Стоит только читателю услышать эти два слова — и он уже эмоционально, психологически подготовлен, знает, о чем пойдет речь на страницах еще не прочитанной книги. И это априорное ожидание знакомого, эту предрасположенность (или, наоборот, антипатию) не изменить теми конкретными впечатлениями, которые будут накапливаться по мере чтения.

В том-то и специфика литературного «жанра»*, что одно упоминание о нем мгновенно рождает в мозгу читателя набор условностей, заранее принятых «аксиом». Если вы любитель «семейного эпоса», то окажетесь подготовленными к чтению книги независимо от того, чье имя прочтете на обложке — Золя, Голсуорси или Фолкнера. Ну, а понравится роман или нет, зависит от личного вкуса и от самого писателя — кто-то из авторов окажется более созвучным вашим настроениям, кто-то менее.

Сложнее обстоит дело с научной фантастикой, которую когда-то по недомыслию называли «жанром», да так и привилось. Именно по недомыслию, ведь с самого начала было ясно, что фантастик — великое множество: утопическая, сатирическая, популяризаторская, социальная, прогностическая и прочая и прочая... Есть, в частности, и «фантастика о катастрофе» — со своей историей, своими «прави-

---

* Слово емкое, но неудачное. В англоязычной критике *genre* означает тематическое подразделение: жанр вестерна, жанр детектива, жанр любовного романа и т. д. Относят к «жанрам» (хотя это и неверно) и научную фантастику. В русском языке значение слова другое, но... никакого, столь же лаконичного заменителя придумать не удалось, потому-то дальше везде употребляются кавычки.

лами игры», своим героем, своими возможностями, недостатками и пределами. И, прочитав на обложке «роман о катастрофе», поневоле тоже подготавливаешься ко вполне определенному типу литературы.

Разумеется, как только речь заходит о писателях уровня Брэдбери или Воннегута, никакие «микрoаннотации» не помогут. Но все читавшие «Штамм «Андромеда», вероятно, согласятся, что Крайтон — не Брэдбери. Его, Крайтона, роман действительно характеризуется (и даже исчерпывается) всего двумя словами: «экологическая катастрофа».

Попробуйте восстановить в памяти облик, имена, черты характеров героев. Можно держать пари — ничего у вас не получится. Люди не вспоминаются, память подсказывает лишь аморфные собирательные образы-штампы «кученных», «политиков», «военных». Кто-то там из них «прогрессивный», кто-то «реакционный»... Все, дальше память буксует. Герои в книге — лишь функциональные зинтики. Винтики, а не рычаги. Зато подлинный герой — проблема — всплывает в мозгу тотчас же.

Проще всего списать художественные недочеты романа за счет «второсортности», «ущербности» научной фантастики как литературы. Многие критики, презрительно относившиеся к ней, поспешили так и сделать. Однако назвать роман «Штамм «Андромеда» пустой, развлекательной поделкой, сказать, что книга скучна, что в ней полно «ляпов», что она антихудожественна и рассчитана на обывателя — такие слова были бы не просто обидными, они оказались бы незаслуженными.

По критериям «высокого» литературоведения роману действительно недостает психологизма, глубины, запоминающихся характеров. Но давайте задумаемся вот над чем: а может быть, сам век нынче такой, что столкновение двух обобщенных образов — абстрактно-собирательного «человечества» и таких же абстрактных «бомб», «вирусов», «электронных интеллектов» и прочих героев-тем научной фантастики — захватывает не меньше, чем конфликт двух индивидуальных психологий?

Автор уже слышит обращенный к нему вопрос: так что же, снова набившее оскомину противопоставление «литературы» идей «литературе людей»? О противопоставлении никто и не говорит, речь идет, наоборот, о взаимном дополнении, о союзе этих двух составляющих современной литературы.

Никто также не станет утверждать, что традиционная психологическая литература вышла из моды: огромные массы читателей по-прежнему зачитываются и сопереживают книгам, в которых вновь и вновь ставится проблема проблем, не решенная и, вероятно, не решаемая в принципе — «Он, Она и Некто третий». Но выяс-

нилось, что переживаниями только такого плана в наш век духовно сыт не будешь, и современника столь же остро волнуют конфликты совсем иного порядка. Изменилось и разграничение литературы на «массовую» и «элитарную»: то, что в прошлом веке давало пищу уму сотни-двух интеллектуалов, в XX веке начинает волновать миллионы читателей.

При художественной обрисовке конфликта «человечество против опасности», ясно, не до психологических нюансов, и можно наверняка утверждать, что слава «Штамма «Андромеда» не переживает и двух десятилетий, не говоря уж о конкуренции Эскилу или Шекспиру. Но и эта литература доказала свою жизнеспособность, свое право называться литературой, ничем не хуже других отражая окружающую жизнь. Быстроизменяемую, парадоксальную, стремительную, чреватую неожиданностями на каждом своем повороте — словом, обыкновенную жизнь эпохи НТР. Когда кажущиеся «за горизонтом» абстрактные проблемы вдруг прельстительно ударяют нас по затылку своими конкретными преломлениями.

Конфликт двух природ человеческого окружения — исконной и «второй», технологической — никому не грезился даже в фантазиях во времена Эскила. От литературы же нельзя требовать отражения того, чего не существует и в потенции. В наши дни эта проблема, увы, превратилась в реальность, стала одной из ее граней. Что ж тут удивительного, что писатели пытаются отразить эту «грань», да какую — угрожающую самому существованию реальности.

Те, кто отрицает «литературу идей», сводя ее к переживаниям индивидуума, забывают (или не знают) об одной существенной детали: эмоции, психология, чувства и переживания тоже производные среды, окружающего мира. Долгое время этот «мир» казался неизменным, а потом словно сорвался с цепи, и, как точно заметил французский ученый Филипп Сен-Марк, намекая на фатальное воздействие загрязнения на организм человека, «тоску сегодня вызывает, как правило, не метафизическая грусть, а плохое санитарное состояние физической среды». Вот почему интересен феномен «экологической фантастики», и, занимаясь «наклеиванием ярлыков», следует все-таки объективно отметить его место в современной литературе.

Другое дело — место «Штамма «Андромеда» и ему подобных в самой же системе отсчета научной фантастики. Здесь возникают вопросы другого порядка. Предугадали ли фантасты экологический кризис? Привлекли ли вовремя внимание к этой проблеме, «обратили» в нее широкие читательские массы (как не раз делали до того, например, в книгах, посвященных освоению космоса)? Забили ли вовремя в набат, предложили какие-то пути решения?

А вообще была ли такая «экологическая» тема в научной фантастике? Вот это-то мы и попытаемся выяснить.

Еще одна, последняя остановка, перед тем как отправиться на Машине Времени в прошлое этой литературы. Автор явственно слышит возражения оппонентов, а должна ли вообще научная фантастика что-то предсказывать? Или, сняв категорию долженствования, а может ли?..

Чтобы не мучиться с формулировкой ответа, предлагаем контр-вопрос: а предсказали ли фантасты освоение космоса? Точные детали, этапы, сроки — практически нет*. Зато налицо другой, бесспорный результат воздействия этой литературы на целые поколения читателей: выйдя в космос, совершив гигантский прыжок в своей эволюции, человечество, в общем-то, не удивилось. В каких-то особых измерениях массового сознания космос был уже обрисован и обжит, к нему — как к символу, как к философской и обыденной категории, как к источнику проблем — привыкли...

А роботы? Ведь с 1818 года, когда вышел в свет «Франкенштейн» Мэри Шелли, самые жгучие проблемы, связанные с вторжением в жизнь человека его механических двойников, весь спектр социальных последствий такого вторжения впервые обсуждались фантастами, а уж затем — специалистами... А демографический взрыв? А вопросы, связанные с урбанизацией современной жизни?

Нет, что и говорить, фантасты все-таки славно поработали за последнее столетие! Если они и не были в состоянии соперничать с учеными по части деталей (да и кто призывает к такому соперничеству?), то уж по части предчувствий, социального осмысления проблем, создания у читателя «настроения грядущего» не знали себе равных.

Во многих вопросах так оно и было. Во многих, но не в тех, что были связаны с экологией.

* * *

Конечно, неразумно утверждать, что взаимоотношение человека с природой совсем не отражено в художественной литературе. Впервые над проблемой соотношения цивилизации с тем, что может дать ей природное окружение, задумался один из героев еще древнеавиловонского эпоса «Сказание о Гильгамеше». Это было давно — почти четыре тысячи лет тому назад... И позже, куда ни кинь взгляд, на какой исторический отрезок развития мировой литера-

---

* Правда, отдельных удачных и часто совершенно невероятных «попаданий» можно насчитать десятки, однако при том обилии научно-фантастических произведений «про космос», которое накопилось к началу XX века, подобных статистических совпадений следовало ожидать. Ну, повезло в конце концов...

туры, всюду — от античности до Мелвилла и Фолкнера — мы легко проследим эту нить, накрепко связавшую человека с окружающим его миром природы.

Отдала дань этой теме и ранняя научная фантастика. Не обошлось без крайностей, бурный расцвет пережили две ее «составляющих» — утопическая, описывающая патриархальный рай на лоне природы, и пессимистическая, пугающая всевозможными ужасами нарушения природного равновесия с глобальной катастрофой в финале. К началу XX века вышли десятки романов, в которых были описаны различные природные катаклизмы — землетрясения, наводнения, нашествия болезней, встреча с кометой и тому подобное. Это естественно — вплоть до изобретения самоубийственных технических средств склонное к мрачным раздумьям человечество возлагало роль всадников Апокалипсиса как раз на процессы стихийные.

Но ранние писатели-фантасты недосмотрели-таки один существенный момент — возможность природной трагедии, разыгранной по невольному сценарию человека. Точнее, человечества.

Почему этот вопрос прошел мимо внимания традиционной литературы, легко сообразить. Может быть, дело как раз в этом самом «человечестве вообще». Что это за аморфный герой среднего рода, как с ним «работать»?

Поэтому, например, канадский исследователь Джозеф Микер в своей книге «Комедия выживания» (1972) выдвигает предположение, что тема экологической катастрофы долгое время игнорировалась литературой именно ввиду отсутствия индивидуума-виновника. «Эдип своим греховным браком и убийством отца осквернил Фивы, но кто виноват в засорении Нью-Йорка?». Гниль датского королевства взялся излечить Гамлет, но кто понесет ответственность за гниющий мусор в Чикаго?..» Традиционную литературу очень уж смущал такой необычный, уникальный «герой» (или «злодей», что все равно). Но ведь научной фантастике не привыкать иметь с ним дело, кому, казалось бы, как не фантастам братья за подобные проблемы!

Нельзя сказать, что до середины XX века таких произведений не было вовсе. Они появились еще веком раньше, когда ощутимо стал набирать обороты мотор научно-технического прогресса. Однако мало кто заметил эти первые сигналы об опасности. Да и малочисленны были эти первые сигналы...

Подписчики старейшей английской газеты «Таймс» были немало удивлены, развернув один из январских номеров за 1862 год. Циф-

---

* В оригинале игра слов: по-английски «pollution» означает одновременно и «осквернение» и «засорение».

ры, значившиеся под заголовком, «№ 55, 567. 1962 год» трудно было отнести за счет оплошности корректоров: опубликованные в номере материалы были один фантастичнее другого. Шуточный выпуск газеты «отражал» один день будущего — мир удивительных механизмов, шокирующих мод и невероятных политических событий. И среди всей этой совершеннейшей в глазах англичан того времени фантастики была коротенькая заметка о том, что Темза, наконец, очищена от грязи и промышленных отходов. «Наконец» — это в 1962 году, через сто лет! Значит, не столь юна наша тема, как могло показаться на первый взгляд.

А вот и другие примеры, тоже англоязычные. Роберт Барр в романе «Лицо и маска» (1895) рисует картины будущего Лондона, задыхающегося от удушья: смесь угольного дыма и тумана оказалась более эффективным убийцей, чем кровожадные уэллсовские марсиане, «свалившиеся» на город двумя годами позже. В ханжеской прокапиталистической утопии Мэри Гриффит «Через триста лет» (1836) загрязнение окружающей среды даже и не вызывает удивления, а воспринимается, как непреходящее свойство общества частного предпринимательства. И наоборот, в одной из бесчисленных в те времена социалистических утопий, романе «Шаг за шагом» (1873) Э. Мейтленда Лондон благополучно очищен от смога...*

Книги, подобные описанным, сейчас могут взволновать сердце разве что библиографов и не стоят большего, чем те строчки, которые мы им посвятили. Единственным примером, оказавшим значительное воздействие на современников (среди которых был и молодой ученый-биолог Герберт Уэллс, пробуящий себя и в журналистике), был вышедший в 1885 году толстый роман в двух томах, озаглавленный «После Лондона». Написал его известный английский натуралист Ричард Джеффрис и написал не по-научному ярко, даже лихо. Вероятно, этот роман и заслуживает печального титула «первой книги, в которой художественно впечатляюще описаны картины загаженной Земли». Но пример, повторяем, был единственным...

Писатели-фантасты века промышленной революции завораживали читателя увлекательными перспективами освоения космического пространства, чудесными изобретениями, призванными коренным образом изменить быт людей, сценариями будущих политических событий. Технологический «Золотой век» оптимистов чередовался

---

* Книжки эти были прочно забыты еще при жизни их авторов, и немудрено: никаких художественных достоинств в них не находишься при всем желании. Однако обратите внимание вот на что: как точно подмечена связь природного и социального! К этому вопросу мы еще вернемся.

то сценами, нарисованными воображением скептиков — именно в начале прошлого века были заложены основы двух главных, по мнению Станислава Лема, «проблемных полей» западной фантастики: конфликт человека и робота и цивилизация перед лицом катастрофы (причем рождение обоим дал один писатель)*.

Удивительно, но в потоке «романов о катастрофе» мы снова не найдем искомого: сами катастрофы выходили одна другой эффектнее, но так и не кашелься писатель, рискнувший взвалить вину за них на человечество.

А поезд прогресса уже летел вперед на всех парах. К середине двадцатого столетия появились другие проблемы, другие моды. Взрыв над Хиросимой 6 августа 1945 года подтолкнул мысль и воображение писателей-фантастов в ином направлении: стали появляться роман за романом, живописующие ужасы грядущей термоядерной бойни. Разные цели двигали писателями, от чисто коммерческого чутья до библейского предостерегающего гнева, но уже к середине шестидесятых количество неизбежно обернулось качеством: ядерным «грибком» стало трудно кого-либо удивить...

Менялись времена, и новые магниты притягивали авторов научной фантастики: перенаселение, государство-компьютер, параллельные миры, гениальная инженерия. А вполне реальная опасность необратимого засорения планеты, опасность, которую уже можно было разглядеть воочию, по-прежнему оставалась для фантастов в «слепой зоне» поисков. Вот уж воистину, чем славна история этой литературы, так это своими парадоксами!

Лишь в считанных книгах проскользнуло облачко тревоги. Мелкие, но эффектные штрихи встречаются в известном у нас романе Фредерика Пола и Сирила Корнблата «Торговцы Космосом» (1953; в русском переводе — «Операция «Венера»). Но лишь штрихи — волновали писателей, как мы знаем, вопросы совсем другого плана... За десяток лет до выхода в свет романа Кита Педлера и Джерри Дэвиса «Мутант-59», также известного нашему читателю, английский писатель Джон Блэкберн описал первого «пожирателя пластмасс», выпущенного на волю ученым-маньяком, бывшим нацистом (роман «Запах скошенного сена», 1958). А в сатирическом произведении американца Уорда Мура «Зеленее, чем ты думаешь» (1947) новый тип удобрений вызывает нежелательные мутации; появляется «чертова трава», уничтожающая все живое на Земле. До середины шестидесятых годов такие примеры можно было пересчитать по пальцам.

---

* Мэри Шелли в романах «Франкенштейн» (1818) и «Последний человек» (1826).

Произвели эти книги потрясение в умах? Вызвали тревогу у общест­венности, ученых? Нисколько. Даже известный роман патри­арха английской фантастики Джона Уиндэма «День триффидов» (1951) был по инерции воспринят как еще один «роман о катастро­фе», явление, что и говорить, в британской литературе ordinарное. А ведь в книге была описана беда, явившаяся не стихийно, а вслед­ствие слепоты человечества (в данном случае и в прямом и в пе­реносном смысле).

Роман не был забыт: триффиды потрясали читателя художест­венно, книга была написана мастером и переиздается по сей день. Однако тему никто не подхватил, и еще полтора десятилетия она будет пребывать на заброшенной периферии научной фантастики.

* * *

Тем временем отнюдь не периферийное место заняла пробле­ма в реальной жизни. Джинн был выпущен из бутылки и принялся яростно мстить тем, кто по неразумению освободил его. Слово «природа» не зря женского рода — женщины не прощают безраз­личия. И встают против насильников.

Произнося сейчас слово «экология» (а ему уже более века), мы меньше всего склонны представлять себе продуманную, много­связную и идеально функционирующую фабрику Природы, органи­зованную миллионами лет поисков и экспериментов. Где каждый аг­регат, самый последний винтик на своем месте и не способен вы­полнить полагающейся ему операции без тесного взаимодействия со всеми остальными. Где человек — мудрый, рачительный хозяин, ведущий учет каждому узлу, каждой детали.

Это видится в идеале, в какой-то розовой дымке. «Оператив­ная память» подсказывает другие видения.

Висящие над западными городами клубы смога. Чайку, в ис­ступлении бьющую крылом... по воде? — по нефтяной пленке, по­крывающей океанские воды. Медицинские диаграммы, свиде­тельствующие о непрерывном притоке канцерогенов в океан, в атмо­сферу, в грунтовые воды, в пищу. Древесный срез, пролежавший в ко­нарте с фотобумагой, на котором траурным кольцом отмечен 1945 год: деревья всего мира, оказывается, «помнят» первый ядер­ный взрыв.

Драматизм нынешней ситуации в том, что человечество уже не может полностью посвятить себя абстрактно-теоретическим иссле­дованиям в экологии — молодой, бурно развивающейся дисципли­не. На повестке дня срочные, требующие безотлагательного реше­ния вопросы. Как приостановить процессы разрушения среды оби­тания, зашедшие в ряде случаев слишком далеко? Как спасти то, что

еще можно спасти? Потому-то, произнося «экология», мы все чаще подразумеваем совсем иное словосочетание — «экологический кризис». А то и «катастрофа».

Что толку теоретизировать о месте и значении для общего экобаланса планеты простенькой птицы — голубя перелетного, огромные тучи которого еще не так давно закрывали собою солнце? Выводов такого исследования уже не опровергнешь и не подтвердишь на практике — нет больше такого вида на Земле. И никогда не будет. Точно так же перешли в разряд «палеонтологии» олень вапити, желтоклювый дятел, луговой петух и десятки других видов. Бывших видов... И если за 1800 лет нашей эры в столетие исчезло в среднем два вида млекопитающих, то между 1800 и 1900 годами один вид исчезал раз в полтора года, а начиная с XX века — ежегодно. И столетий не понадобилось «прогрессу», чтобы уничтожить то, что неторопливая, но упрямая эволюция лепила миллионы лет.

Экология сейчас означает все. Засоренный, становящийся ядовитым воздух. Плановмерно уничтожаемый биофонд Мирового океана. Фрукты и овощи, обработанные пестицидами, которые не только убивают вредителей прямо на глазах, но, возможно, незаметно от взора — наших детей и внуков. Один американский публицист горько сиронизировал по этому поводу: оказывается, уделять серьезное внимание экологическим проблемам стало первое поколение землян, в костях которого есть стронций-90, а в тканях — ДДТ...

Экология — это и разрастание свалок, и истощение природных ресурсов. Хищническое вырубание древесины и смерть целых биологических видов. Это радиоактивные отходы, сбрасываемые куда угодно, и постоянный шум, травмирующий нашу психику, и гигантские свалки мусора — спутники любого крупного города. Человечество, не стоит забывать об этом, уже вмешалось в процессы, носящие глобальный характер, — так, например, по одним подсчетам средняя температура на Земле (высчитывается и такая!) лишь за семьдесят лет XX века поднялась на 1° С. Немного? Однако еще двух градусов окажется достаточно для того, чтобы начали таять полярные шапки. И прощай тогда Голландия и другие приморские страны...*

И если в будущем ужасные картины погружения Японии, описанные фантастом Саке Комацу, обернутся реальностью, это не будет просто природной трагедией — это будет преступлением.

---

* На Международном симпозиуме по охране окружающей среды (Тбилиси, 1977) приводилась еще более устрашающая оценка: если все будет идти теми же темпами, то уже к 2000 году средняя температура поднимется на 6° С. Достаточно?

Так что же — выхода нет? Действительно, катастрофа? Ведь не уничтожать же заводы и фабрики, всю нашу машинную цивилизацию, не возвращаться же в пещеры? Многие, впрочем, именно это и предлагают.

Панические настроения в последнее время даже приобрели оттенок моды. Паниковать, как известно, проще всего; сложнее, хотя и важнее, разобраться. А разобраться во многих вопросах просто необходимо. Дело в том, что после «признания» экологической темы западным книжным рынком тема эта превратилась в источник самой беззастенчивой спекуляции. С одной стороны, многие опасности заведомо преувеличиваются — читатель, как известно, любит страшненькое. А с другой — традиционный буржуазный оптимизм пытается убедить перепуганного обывателя в мощи науки и техники, которым будет под силу справиться с любой опасностью (о социальном аспекте, естественно, предпочитают помалкивать).

Экологический кризис в какой-то мере явился объективным следствием научно-технической революции, и закрывать на это глаза не следует. Много, вероятно, можно было предвидеть, кое-что свалилось как снег на голову. Однако кризис — это еще не агония: после кризиса может наступить катастрофа, но может начаться и медленный процесс выздоровления.

Экологический кризис превращается в экологическую катастрофу не везде и не с необходимостью, а только тогда, когда осуществляется планомерное уничтожение природы, когда отдельные группы людей, от которых зависит уничтожить природу или окружить ее заботой, более пекутся о вполне весомых прибылях, чем о каком-то там эфемерном экобалансе. Имеют ли смысл многочисленные мероприятия американского правительства по охране окружающей среды, раз влиятельное лобби нефтяных, горнодобывающих, химических концернов в состоянии торпедировать любой законопроект, направленный прямо или косвенно против их хозяев? И торпедируют. Сказал же один из авторов нашумевших книг по экологической опасности: «Охрана природы — это юридический некрополь. Был бы сделан огромный шаг вперед в деле охраны нашей естественной среды, если бы только выполнялись законы, которые ее охраняют».

Вот мы и пришли к тому, что не «человечество вообще» несет ответственность за совершающееся преступление, вероятно, тяжелейшее в истории. И не рок это судьбы, не трагическая слепота, а в значительной мере и политика. И достаточно вдуматься в название книги Филиппа Сен-Марка — «Социализация природы», чтобы заключить, что эта мысль уже не претендует на оригинальность.

Читатель, вероятно, заметит, что сфера нашего внимания практически ограничена англо-американским материалом. Дело даже не

в том, что фантастическая литература Англии и США ввиду своей многочисленности — идеальный материал для подобных тематических изысканий, и именно в американской фантастике тема экологической катастрофы проявилась на редкость ярко. Причина такого ограничения другая.

Экологическая проблема не знает государственных границ. Но именно в США тупая и самоубийственная война, объявленная человеком природе, приняла особенно яростные формы. По современным подсчетам, на долю США приходится больше трети мировых загрязнений, а американцы составляют всего 6% мирового населения. Это уже не секрет ни для кого — ни для ученых, ни для общественности, ни даже для государственных чиновников. И конечно, наиболее ярко откликнулись писатели. Не где-нибудь, а в США пользуются наибольшим успехом книги английских и американских писателей, разошедшиеся по свету миллионными тиражами: документальные произведения Джералда Даррелла, Джой Аддамсон, Рэйчел Карсон, которыми в наши дни зачитываются как беллетристикой; пламенные трактаты в защиту природы Барри Коммонера, Рене Дюбо; философские притчи-фантазии Ричарда Баха и Ричарда Адамса. Что же, как говорится, «у кого что болит»...

Как же произошла катастрофа? И когда?

Американский фильм «Зеленый Сойлент» режиссера Ричарда Фляйшера, снятый в 1973 году по роману Гарри Гаррисона, начинается удивительным кинопредисловием. На экране под аккомпанемент четоропливой, приятной мелодии выцветшая от времени фотография. Семейный портрет конца прошлого века: дамы в кринолинах, мужчины лихо подкручивают усы. Благословенная викторианская пора!.. Еще один долгий стоп-кадр: фотография одного из первых автомобилей. Еще одна фотография, потом еще и еще... Кадры бегут все быстрее, кое-где перемежаясь кинохроникой: прогресс! Меняется и музыка, становится резче, но для тревоги пока еще нет оснований. Станки, первые аэропланы, извозчики на улицах сменяются редкими, а диловинку, авто. Растут города. Гуще, чернее дымы от заводских труб...

Вот уже машины в городах мельтешат как муравьи. Растет количество потребителей мясных консервов и пива в банках — и громятся хеопсовы пирамиды из пустых жестянок. Меняется мода на автомобили — и растут, закрывая собой небо (уже не безоблачно ясное, а бурое, тяжелое), знаменитые автомобильные кладбища. И когда от неспешной, бесхитростной мелодии не осталось и следа, когда ее сменила какофония из звона, скрежета, грохота — начинается вакханалия, вальтасаров пир прогресса...

Пройдена вторая мировая война, расцвела химия, и пошло! Яды, ртуть, вредные фосфаты, радиоактивные отходы, токсичные

кислоты, мусор, ДДТ и гербициды — все это течет в океан из заводских труб, выбрасывается в атмосферу, распыляется с воздуха на землю, проникает в грунтовые воды, впитывается в почву... Рядом — кадры варварской бойни, но не на полях сражений, а на обычных полях, в лесах, на реках и озерах. Сотни трупов животных, горы загубленной древесины, разлагающаяся пленка тухлой рыбы на поверхности водоемов. Стали, бетона все больше — а биосфера тает на глазах.

Уже в невероятном темпе сменяются кадры, ритм жизни растет, и постепенно утрачиваешь значение самого этого слова — «жизнь». И вдруг — резкий обрыв. Опять чередуются долгие стоп-кадры, на этот раз — в гробовом молчании.

Мир начала третьего тысячелетия, конечная остановка поезда прогресса. Безлюдные, безжизненные пустыни. Кладбищенский вид — обрубки деревьев, словно кресты, протыкают серое небо. Нью-Йорк, миражем просвечивающий сквозь мутное марево. Покрытые липкой нефтяной кашицей воды океана — они накатывают на берег, на сотни метров вымазанный ядовитой тinou из химических отходов. И ни одного живого существа, кроме людей с землисто-серой кожей, забившихся в свои ненадежные отныне крепости-города.

Удивительный, трагический переход: человечество из агрессора превратилось в обороняющегося. Бывший насильник теперь затравленная жертва. Без пищи, без воздуха, без жизни рядом с собой... А сам переход от идиллического спокойствия к кошмару почти неразличим. Копилось постепенно, а когда прорвало, то уж сразу, отовсюду.

Эта экспозиция в фильме пока еще, к счастью, фантастика. Тревогу все-таки забили; случилось это раньше, чем такие вот кадры обрели черты реальности. В преддверии семидесятых годов критичность положения стала очевидна — и в 1969 году в США был принят закон о национальной политике в области охраны окружающей среды. Крупнейший астрофизик и писатель-фантаст Фред Хойл предположил, что причиной такого «взрыва ответственности» послужили цветные фотографии земного шара, снятые американскими астронавтами. Возможно... ведь впервые человечество увидело свою планету извне — и испугалось.

В последующие годы охранительные законы посыпались один за другим — об охране воздуха и рек, об охране лесов, об охране девственных земель, об охране животных, об охране горожан от шума. Экология превратилась в серьезный козырь на выборах, в мощный рычаг политики. В начале семидесятых были созданы министерства по охране окружающей среды в Великобритании, Франции и других странах.

Однако законы-то приняли, да что толку! Трагическая ирония: американский законопроект 1969 года скреплен государственной печатью с изображением птицы — эмблемы Соединенных Штатов. Так вот, едва ли следующее поколение американцев увидит свой символ даже в зоопарке: орлан белоголовый уже сейчас занесен в разряд вымирающих видов.

А научная фантастика? Увлечшись страшными картинами реальности, мы как-то забыли, что существует литература, которая всегда претендовала на роль «индикатора опасности». Так что же фантасты?

Увы, «экологическая катастрофа» как проблема научной фантастики так и останется для этой литературы проигранным шаром. Как проблема, которую могли бы исследовать загодя, но не исследовали. Прозевали... А когда спохватились, было поздно: предупреждений уже не требовалось, нужны были реальные меры. «Экологическая катастрофа» перешла в ведение документальной прозы.

* * *

«Бум» экологической тематики в западной фантастике начался в конце шестидесятых, когда отсутствие фантазии с лихвой искупала простая наблюдательность. И хотя сюжеты обычно отсылались в будущее, где можно было сгустить краски, что-то позффектнее преувеличить, ошеломить новизною было трудно. В «гонке с преследователем» в лидерах шли ученые и публицисты, а писатели-фантасты лишь старались по мере сил угнаться за ними.

Перед нами тринадцать научно-фантастических романов английских и американских авторов. «Чертова дюжина» неоднородна — тут и сильные произведения и посредственные, нацеленные в далекое будущее и посвященные событиям сиюминутным, мрачно-пессимистические и сохраняющие проблеск надежды. Некоторые, как «Штамм «Андромеда», даже не снабжены ярлыком «научная фантастика». Все они вышли в период с 1964 по 1976 год, в год по книге. Все вызвали определенный интерес у читателей, да иначе и быть не могло — фантастическая «хроника экологического конца света» звучала в унисон с реалистической. Итак, тринадцать лет — тринадцать книг.

1964. Пленка, образовавшаяся в воздухе в результате выделения промышленных отходов, воспрепятствовала естественному испарению водоемов. Мир обезвожен, планета превращена в выжженную пустыню (Джеймс Боллард «Сожженный мир»).

1965. В «недрах» городской канализации скопились огромные запасы различных минеральных веществ, содержащих энергию, достаточную для проведения практически любых химических реак-

ций,—остатки мыльной пены и детергентов, лекарств, красителей, чернил, косметических средств, отбеливающих веществ, резины, катализаторов и ферментов. В таком химическом «винегрете» случайно зарождается жизнь — чужая и смертоносная (Теодор Томас и Кейт Вильгельм «Клон»).

1966. Нью-Йорк 1999 года — не город, а смердящий, разлагающийся труп. Не осталось ни листика, ни капли неучтенной воды... Среди множественных неизлечимых недугов, подтачивающих этот колосс на глиняных ногах,—и засорение города мусором, и уничтоженная живая природа (Гарри Гаррисон «Подвиньтесь! Подвиньтесь!»*).

1967. Еще один смертный приговор океану, казавшемуся неисчерпаемой кладовой органической жизни. Химические отходы уничтожили аквасферу — единственный к описываемым временам источник пропитания для перенаселенной Земли. И если в фильме «Зеленый Сойлент» люди превратились в каннибалов неосознанно и даже не подозревают об этом, то в книге, о которой идет речь, каннибализм — единственный выход. Другой альтернативы голодной смерти нет (Ирвинг Гринфилд «Воды смерти»).

1968. Мало суши, мало океана? Принимаемся за горные породы. Разлом Сан-Андреас на западном побережье США, о котором пишут газеты уже сейчас, разошелся, и часть Калифорнии погрузилась в Тихий океан. И в отличие от ситуации, описанной Саке Комацу в романе «Гибель Дракона», в американском варианте ответственность за трагедию несут не только слепые и неуправляемые геологические силы, но и власти штата, в течение десятилетий покрывавшие беспрепятственное уничтожение природы Калифорнии (Пол Джентри «Последние дни великого штата Калифорния»).

1969. Напряжение нарастает, нарастает и опасность. Наконец, тема достигла своего пика. И в год появления американского законопроекта об охране окружающей среды появился роман Крайтона — удивительный «аккорд»!..

---

* Теперь уже нельзя отделаться от невольного «наложения» двух образов — романа «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и его вольной экранизации, фильма «Зеленый Сойлент». Постановщики фильма еще более сгустили краски, отодвинув действие в 2022 год, но зато подчеркнули интересующий нас экологический аспект. В этом мире не осталось даже человеческой пищи: все население города, кроме немногих толстосумов, питается безкусными зеленоватыми лепешками фирмы «Сойлент». Боссы утверждают, что лепешки приготовлены из океанского планктона, однако в действительности это переработанные органические вещества, выделенные из человеческих трупов (планктон давно уничтожен). «Решение» сразу двух проблем: перенаселение снимается широко практикуемой затаназией, что, в свою очередь, снимает проблему продовольствия. Американский прагматизм!..

Вот и замкнулась петля, приводя нас вновь к «Штамму «Андромеда». Однако теперь читателю по крайней мере ясно, в какой обстановке родился «феномен Крайтона», какие живительные соки пили его. Это отнюдь не самая сильная книга из «чертовой дюжины», просто в ту пору сработал стихийный механизм рынка: тема налилась соком, превратилась в моду. А книга — в бестселлер. Последнее подтвердили два с лишним миллиона американцев, раскупивших роман за первые полтора года со дня его выхода в свет. Крайтон оказался пионером, напавшим на «золотую жилу», но стоило событию состояться, как потянулись и другие «золотонискатели».

1970. Атмосфера планеты загублена вконец, и даже первичное, с момента рождения, право человека — право дышать — жестко регламентировано. Кислород выдается по карточкам (Йан Хартридж «Земной чехол»). Фантастика? Ведь уже сейчас 250 миллионов автомобилей в мире «пожирают» столько же кислорода, сколько все население Земли (данные 1975 года).

1971. Топливные ресурсы на исходе, началась эксплуатация недр Земли, использование ее подземного тепла. Однако решив проблему энергоснабжения, человечество выпустило на волю очередного (какого же по счету?) «джинна» — бесцветный газ, от которого все население Земли погружается в сон (Гордон Диксон «Мир сомнамбул»).

1972. Наметились первые признаки того, что тема начинает выдыхаться — меньше оригинальных произведений, больше повторов. И тут английский писатель Джон Браннер словно решает положить ей конец, собрав все возможные экологические напасти, которые могут угрожать человечеству, воедино — так родился роман «Взирают агнцы горё». Живя Иероним Босх в наши дни, он несомненно изобразил бы нечто подобное.

Америке, утверждает Браннер, хватит года (если вовремя не попридержаться «возжей»), чтобы из состояния относительно радужного, каким оно видится иным оптимистам, прийти к агонии. В финале книги Америка умирает, а ядовитое облако ветры гонят через океан. Невольно вспоминаются кадры фильма Стэнли Крамера «На берегу»: такая же невидимая и безжалостная смерть, которая подкрадывается отовсюду — из воздуха, из океанской волны, из дождевой капли. Но у Браннера это не радиоактивность, а химия; не вражеское, а свое собственное. Не во время войны, а в мирные дни. И на все это понадобился год.

Ну а потом, как и положено, налетели «мародеры» от литературы. Обывателю нужно сделать «красиво», так жутко, чтобы мороз по коже? Отлично. Раз инопланетные чудища да злодеи-роботы больше не в чести, поищем чудищ другого плана. Больших и микроскопических. Живых и неживых. И уже на взрывы галактик, не

звездные войны и не приближение кометы сладко щекочут нервы читателя, а такие, казалось бы, маленькие и внешне «неэффективные» вирусы, микробы и насекомые.

Причем «космический вестерн» в наши дни не проходит, времена не те. Гвоздь сезона — все по науке, и бойкие сочинители бестселлеров начинают залпом поглощать популярные журналы и энциклопедические справочники. Приложения научно-популярного толка, ссылка на реальные заметки в периодических изданиях, строгая детализация, аккуратность в обращении с научной терминологией, и даже научная библиография в конце романа* — все это, разумеется, накладно и трудоемко, но... Часы, проведенные в библиотеке над подшивками «Сайнс Дэйджест» или «Нейчур», не пропадут даром! Ибо теперь роман «про экологию» автоматически становится вероятным претендентом на верхнюю строчку в списке бестселлеров. Издатели чутко уловили «феномен Крайтона», и отныне на обложках не редкость встретить надпись типа: «Самое потрясающее со времени «Штамма «Андромеда» — и в том же духе».

Наша экологическая летопись тем временем исполняется новыми записями. 1973. В середине 80-х годов XX века, несмотря на переход автотранспорта с бензина на пар и электричество, воздух не только не очистился, но, наоборот, смог стал вечным спутником города. Над Чикаго постоянно желто-серое «небо», а в Лос-Анджелесе Луну можно увидеть только на экранах телевизора. «Выход», предложенный монополиями, прагматичен и прост: новое устройство «фрэш-эр» будет очищать воздух внутри помещений; что до остального мира за пределами собственного дома-крепости, то пусть катится в тартарары. (Дин Маклафлин «Кто кличет грозу»).

1974. Безответственные генетические эксперименты в Южной Америке вызвали к жизни огромных пчел-убийц. Объединенные в идеально организованные и практически неуязвимые «штурмовые колонны»-рои, пчелы атакуют Нью-Йорк... Кошмарные фантазии! Но роман открывается реальными газетными заголовками наших дней — там о подобной опасности вещается в колонках научной хроники (Артур Херцог «Рой»)**.

---

* Между прочим, к оригинальному изданию «Штамма «Андромеда» приложена обширная библиография, в которой можно разыскать и работы... героев романа! Жаль, что этот момент был опущен при переводе: последовательно проводимый принцип документальности дает новое качество роману.

** А. Херцог начинает роман газетными вырезками, сообщаящими о результатах опытов энтомолога д-ра Варвика Керра, который в 1965 году вывел новый вид «сверхпчелы» (фактически он просто внедрил африканский вид *apis mellifera adansonii* в Бразилию). В результате и появились пчелы-мутанты. Эти эксперименты дейст-

1975. В некоем «желтом тумане» сходят с ума и гибнут тысячи англичан, наших современников. И это не козни пришельцев и не потусторонняя мистика, это даже и не фантазия — ведь не фантазия же те бетонные контейнеры с нервно-паралитическим газом, что были опущены на дно океана в 1970-м! Так много ли усилий стоит вообразить, что произойдет, окажись какой-то из контейнеров с течью (Джозеф Херберт «Туман»).

В этом нагнетении беспросветности случались и относительно светлые полосы, кто-то что-то предлагал позитивное, но... то был глас вопиющего в пустыне. Массовый читатель требовал ужасов, причем не сверхъестественных, а по последнему слову науки (в эти годы были все кассовые рекорды такие фильмы, как «Челюсти» и «Ад в поднебесье»), да и саму науку казалось весьма соблазнительным ангажировать на роль виновника-злодея. Раз не смогла она сыграть роль «палочки-выручалочки», пусть сыграет другую роль — мрачного демона века, стихии, более бесчеловечной, смертоносной, чем стихии природные. И как-то так получилось, что ответственность под шумок переложили на плечи ученых, а главный виновник не только остался в тени, но, оценив ситуацию, прибавил свой веский голос к хору, воспевающему анафему науке.

Правая рука проталкивала в законодательных органах предложения, выгодные монополиям, которым экологический баланс был «до фонаря». Левая в то же время создавала бешеную рекламу таким боевикам, как «Челюсти» или «Рой».

Находились, впрочем, трезвые умы и среди писателей-фантастов. Трезвые, потому что видели не один только кошмар, но и его причину. Не только пугали, но и искали модель спасения.

Завершает наши тринадцать кругов экологического ада роман дебютанта — «Эффект Святого Франциска» (1976) Эзры Хьюза. Роман прост, даже схематичен, однако привлек внимание, и вот почему.

Во-первых, прозрачен его символ. Производя добычу руды в океане, американская компания «вытягивает» дорогой на белый свет очередного невидимого убийцу. Вирус, мгновенно уничтожающий всю влагу в организме человека, столетия пролежал на дне морском законсервированным. Страшная болезнь быстро распространилась по Земле и чуть было не подвела черту человеческой цивилизации. Итак, вторгаясь в природу, всегда ждите неожиданного, отмечает автор. И, вероятно, опасного, добавляет он.

вительно имели место, о них и об их последствиях рассказывает, например, американский автор Энтони Поттер в научно-популярной книге «Пчелы-убийцы», вышедшей в США в 1977 году.

Впрочем, сказав «а», он находит нужным сказать и «б» (ведь не отказываться же по этому поводу от каких бы то ни было исследований вообще?). А коль скоро такие исследования ведутся и не вестись не могут, то неусыпный контроль за ними должны осуществлять ученые, и не одной страны, а представляющие все человечество,— такое второй вывод романа. Третьим, самым важным, является социальный акцент книги.

В романе Хьюза опасность стала по-настоящему смертельной прежде всего из-за политиков, военных, промышленников, не допустивших вовремя на зараженный остров международную комиссию врачей. Сам вирус представляется автору детскими игрушками по сравнению с другими, социальными «вирусами». Вирусом алчности — когда интересы человечества оказываются слишком легковесными, чтобы перетянуть другую чашу весов, на которой интересы весомые, собственные. Вирусом подозрительности — когда любая международная инициатива, направленная на объединение усилий исследователей из разных стран, наталкивается на неистлевшие еще рогатки времен «холодной войны». Вирусом рутины — когда сигнал об опасности гасится в правительственных учреждениях «защитным бастионом» из бумаг, циркуляров, инструкций. И против этих заболеваний в обществе Хьюза лекарства пока не найдено.

* * *

Один мудрец сказал: «Стоит ли пугать людей грядущими бедами, если неспособен указать спасение?» А другой ответил: «Если как следует не испугать, то ничто не заставит людей готовиться к отражению беды». Тогда опять спросил первый мудрец: «А испуг — разве не подавляет он, не парализует воли человека? Испугавшийся — плохой боец». И ответил второй: «Когда человек видит перед собой смерть, сил и разума у него прибывает вдесятеро. Опасно, когда человек беспечен в минуту опасности, и смерть застанет его врасплох...» А правы оба, каждый по-своему.

Изрядно напугав своих читателей, западные фантасты почти не видят да и не ищут выхода. Разве может называться выходом бегство на океанское дно, когда окончательно осквернена суша? А именно это и предлагает Д. Т. Басс в романе «Бог-Кит» (1974), апрочем, тут же и показывая, что это будет лишь отсрочкой конца, а не отменой его. Ну а когда придет черед всей планеты, то куда бежать — в космос, как это изображено в романе Филиппа Дика «Снятся ли роботам электроовцы?» (1968)?* И даже если средство

* Дик — сатирик язвительный, и на одном средстве «спасения» он в этом романе не останавливается. В «его» будущем величайшей роскошью, доступной единицам, станут «живые» животные! У кого денег поменьше, вынуждены будут довольствоваться кибернетическими эрзацами.

будет найдено, как, например, в повести Дина Маклафлина, то не породит ли такое «открытие» еще больших проблем? Пока все останется по-старому в мире, о котором лишут западные фантасты, останется и проблема — частные решения лишь отодвинут неизбежный конец.

Представить же себе иную социальную среду, в которой было бы гарантировано сохранение природной, буржуазные писатели не в состоянии.

Эта статья не случайно начиналась с упоминания о бестселлере. В мире, о котором шла речь, практически все является предметом купли-продажи. В том числе и проблема. А экологическая проблема сейчас — бестселлер номер один, и пишут на эту тему в большинстве своем не из-за каких-то высоких соображений гуманизма и социальной ответственности за будущее, а просто потому, что за это платят. И притом недурно.

Встречались, правда, и отдельные счастливые исключения, но основной вал такой фантастики повторил в своем развитии все этапы развития экологической темы в документалистике. Сначала не заметили, потом, спохватившись, принялись пугать, впоследствии попытались приукрасить бодро-оптимистическим глянцем, а в конце концов плюнули и с покорностью отдались стихии рынка.

А животных и птиц все меньше, реки все опаснее для здоровья и даже жизни, в воздухе все меньше кислорода, в городах все выше уровень шума, теснота, грязь. А Земля-то у нас одна. Выдержит ли?..

И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА

Как люди вовремя разглядели опасность

На протяжении всей истории человечества, вплоть до самых последних лет, люди большей частью относились к породившей их матери — земной природе как неразумный ребенок к злой мачехе. Они боялись ее, униженно молили ее о милости, а где могли — торжествовали над ней свои маленькие победы. Справедливости ради надо сказать, что и природа далеко не всегда баловала людей своими поблажками. Нередко она беспощадно стирала с лица земли целые села и города, целые племена и народы. С другой стороны,

можно перечислить примеры любовного, даже самоотверженного отношения человека к земной флоре и фауне. Но все это были исключения, подтверждавшие правило. А правилом были страх и вражда.

Это только для нас сейчас лес — отрада души, «легкие», которыми дышит планета, бесценное «зеленое золото» мира. Только для нас степь — дивное раздолье с пахучими травами чуть ли не в рост человека, с «черным золотом» плодороднейшей почвы. Только для нас болото — экзотический уголок на туристском маршруте, кладовая торфа, регулятор водного режима для зелени целой округи. Только для нас реки, озера и моря — прелесть отдыха на воде, сложнейшая «фабрика-кухня» мировых масштабов, где тот или иной «кухонный комбайн» легко вывести из строя при варварском обращении, а также «котлы» и «трубы» системы «центрального отопления» земного шара, от которой полностью зависит земной климат, жизнь и смерть всего живого на Земле. Только для нас заяц и лиса, медведь и тигр, волк и олень, змея и крокодил, утка и орел — исчезающие на глазах чудеса природы, важные достопримечательности планеты Земля, «санитары леса», предметы дивной роскоши, если относиться к ним разумно. И так далее. Иными словами, только для нас земная флора и фауна, вся земная природа — бесценное материальное и духовное благо само по себе.

В глазах подавляющего большинства людей минувших веков все это выглядело совершенно иначе.

Конечно, лес — кормилец и крепость, в которой можно спрятаться от врагов. Но он и сам оплот бесчисленных врагов, грозящих гибелью. А главное — он прекрасное удобрение для почвы на целых несколько лет, если его спалить и вспахать прозоленную землю. Да и лесов было вокруг невпроглядь по всей планете, каждая отвоеванная у леса поляна — победа. Ну и само собой трофеи: избы, дрова и пр.

Конечно, степь — приволье для стад. Но если ее вспахать — получишь в несколько раз больше продовольствия. Да и сколько можно вспахать сохой? Долю процента степных просторов.

Конечно, болото — это влага и торф. Но когда кругом все болото и болото, то каждая осушенная лядь — победа. Да и много ли можно осушить лопатой? Долю процента.

Конечно, река и море — это уха и дорога. Но уха — неисчерпаемая, сколько ни черпай, дорога — не изрытая, сколько по ней ни езди. И вместе с тем очень удобная помойка: сколько ни плескай, вода все смоеет и унесет. Поэтому бери из этого колодца, сколько влезет, и плюй в него, сколько плюется. Благодать! Но много ли можно было взять ручным неводом? Много ли можно было наездить под парусами и веслами? Много ли нечистот могла спустить в

реку самая большая и самая зловонная кожемятная мастерская ремесленника совсем недавних времен?

Конечно, всякий зверь — живое существо. Но если он нападает на человека, режет домашний скот и птицу, представляет смертельную угрозу самому существованию людей, то чего же с ним церемониться? Да и охота на зверя — важный промысел, подспорье в не бог весть каком обильном пропитании. И сколько ни убивай на охоте — это лишь доля процента от обычного улова хищников.

Напомним, что до самой середины нашего века, т. е. всего каких-нибудь четверть века назад, городское население мира составляло менее четверти всего народонаселения. Да и здесь удельный вес крупных городов, в свою очередь, был ничтожным, а в малых городах жизнь людей в бытовом отношении мало чем отличалась от сельской. Даже в крупных городах было немало домов, где хозяйство велось, как при дедах и прадедах. Крошечные островки многоэтажных зданий в крупных городах окружало безбрежное море поселений сельского типа, где господствовало веками установившееся равновесие человека и природы — своеобразный экологический баланс.

Все чаще и все сильнее этот баланс нарушался — и, разумеется, не в пользу природы. Но это было не глобальным, а локальным явлением. Где-то химический завод начинал отравлять воздух окрест, но можно было переселиться подальше. Где-то другой завод начинал спускать в реку ядовитые отходы производства, и рыба, а также купающиеся отплывали подальше. Где-то начинали один за другим подниматься терриконы отработанной породы, но вокруг оставалось много цветущей земли. Какой-нибудь галантный кавалер подносил даме букет цветов, а спустя некоторое время завядшие цветы шли на корм скоту. Несколько сот семейств какого-нибудь города устраивали для своих детишек новогодние елки, а через несколько дней елки пылали в печи как дрова. Какая-нибудь компания выезжала за город на пикник, а после ее отъезда сельские ребяташки подбирали пустые бутылки, банки, бумагу — в крестьянском хозяйстве все сгодится. Птицы, собаки доканчивали объедки — и через неделю место пикника готово было принять новых гостей. А в самой деревне кругооборот «окружающей среды» был установлен веками. Не пропадали даром даже черепки разбитого горшка.

И вот всему этому однажды пришел конец. Сразу после второй мировой войны, со второй половины XX века мировой научно-технический прогресс стал ускоряться невиданными прежде масштабами и темпами, причем все чаще это сопровождалось качественными изменениями нарастающих масштабов. Началась научно-техническая

революция наших дней с далеко идущими социально-экономическими последствиями.

Помните древнюю индийскую легенду об изобретателе шахмат, который попросил в награду у раджи, чтобы на одну клетку шахматной доски было положено одно зернышко риса, на другую — два, на третью — четыре, на четвертую — шестнадцать и т. д. Раджа обрадовался возможности дешево, как ему казалось, отделаться от просителя. Но радовался зря: всех зерен мира не хватило бы, чтобы исполнить просьбу. Такие процессы стремительного, лавинообразного роста называются экспоненциальными: 1 — 10 — 100 — 1000 — 10 000 и т. д. И именно такие процессы оказались наиболее характерными для научно-технической революции, когда многие показатели промышленного роста начали удваиваться за считанные годы.

Там, где дымила одна заводская труба, где обдавал людей пылью и бензинным смрадом проезжающий автомобиль, стали дымить десятки, а потом и тысячи труб несоизмеримо большей мощности и ядовитости, помчались миллионы автомашин, поднимая над городом тучи ядовитого смога. Там, где в реку или в море сбрасывались нечистоты из одной трубы, появились сотни и тысячи труб также несоизмеримо большей мощности и ядовитости, и целые реки, целые цветущие участки морских побережий превратились в зловонные лужи, в которых гибнет все живое. Там, где возвышался один террикон, земля на десятки верст округ превратилась в подобие лунного ландшафта. Там, где валялось под топором одно дерево, бензопила и трактор завалили бревнами реку до дна на сотню верст вниз по течению.

И это еще не все. Когда-то, во времена былые городские обыватели с возмущением просыпались вдруг от грохота проносившейся пролетки лихача, от ссоры под окнами загулявшей пьяной компании или от кошачьего концерта. Просыпались, бормоча про себя ругательства, и снова засыпали мертвым сном в мертвой тишине. А если компания не угомонялась, выходил дворник, и через минуту все затихало. А теперь рев моторов и скрежет тысяч автомашин с утра и до утра превратили улицу в шумный цех завода. Запущенные на полную мощность телевизор или радиолы оказались в состоянии довести до иступления не только соседей, но всех жителей соседних домов — население города средней руки в прошлом веке. Открывалась угроза не только воздушного, водного и ландшафтного, но и шумового дискомфорта, причем в степени, чреватой опасностью для физического и психического здоровья населения. А затем открывалась угроза радиационного загрязнения, теплового загрязнения и т. д. и т. д.

И это еще не все. За город на пикник двинулась уже не одна

компания, а тысячи и тысячи еженедельно. И выбранная ими поляна оставалась захламленной, а новые компании искали все новые и новые поляны, олушки, пляжи. Сотни тысяч «кавалеров» возвращались воскресным вечером с охапками цветов — и вот уже все труднее оказывалось сыскать за городом очей очарование, а завядавшие букеты забивали мусоропроводы. Не сотни, а миллионы семей устраивали новогодние елки, истребляя окрестные леса, — и вот уже пылали во дворах несчастные деревца, мстя за свою гибель выделением канцерогенных дымов. Миллионы ружейных стволов нацелились в последнего перепуганного зайца. Миллионы моторных лодок превратили речные, озерные и даже морские заводи в далеко не дружеский шарж на городские автомагистрали. Этот перечень можно продолжать без конца.

И самое главное: все это нарастало из года в год. И природа, казалось, сдалась на милость победителю-человеку.

Поначалу победители торжествовали. На протяжении второй трети XX века рос поток книг, статей, брошюр, в которых диктовались условия безоговорочной капитуляции «побежденной», разрабатывались планы окончательного «покорения природы» и даже полной «реконструкции земной поверхности»: перегораживания морских проливов гигантскими плотинами, поворачивания рек вспять, «упразднения» тайги и джунглей, пустынь и болот и т. д., вплоть до покрытия Мирового океана густой сетью плавучих островов-городов и «замены» естественной атмосферы планеты новой, синтетической, «более эффективной».

Сразу оговоримся, что во всей этой кампании (в которой в свое время принял посильное участие и автор этих строк) имелись определенные рациональные зерна, конструктивные стороны. Некоторые проекты имеют важное народнохозяйственное значение, мало того, без их осуществления невозможно дальнейшее развитие экономики целых регионов, и первые из этих проектов (например, поворот на юг, к Каспийскому морю и в Среднюю Азию части стока северных рек СССР) уже начинают претворяться в жизнь. Речь идет о другом, о том, что авторы многих глобальных проектов не задумывались, каким будет ответ природы и как будет выглядеть с этой точки зрения «большая эффективность».

Торжество продолжалось недолго. Надо отдать должное: среди «победителей» нашлись и такие, которые с честью оправдали хвастливое самоназвание земного народонаселения «гомо сапиенс — человек разумный» и всерьез заподозрили, что экспоненциальные процессы в весьма ограниченных земных условиях не то что без конца, но и вообще сколько-нибудь длительное время продолжаться не могут, что «покорение природы» наблюдавшимися масштаба-

ми и темпами ни к чему, кроме скорой глобальной катастрофы, не приведет.

Первые соображения на этот счет звучали довольно робко. Их авторы больше упирали на различные безобразия местного масштаба. О неприятных последствиях говорилось сугубо предположительно, а об угрозе человечеству в глобальных масштабах вообще и помина не было. Но прискорбная действительность не скупилась на факты, один другого поразительнее, и тон тревожных сообщений с фронта противоборствования с природой сначала год от года, а затем и месяц от месяца становился все более категорическим. Примерно со второй половины 60-х годов ударил настоящий набат тревоги, а к началу 70-х годов сделалось яснее ясного: так дальше продолжаться не может, ибо над человечеством нависла угроза экологической катастрофы, если не удастся свернуть с рокового пути и восстановить равновесие с природой на новом уровне, соответствующем достигнутому уровню развития производительных сил человечества.

Сейчас трудно, может быть даже совсем невозможно, установить, кто первый сказал «а» в развернувшейся экологической кампании. Да и неважно, кто первый, потому что в разных странах, в разной социально-экономической обстановке это самое «а» прозвучало по-разному, а за ним последовали «б», «в» и прочие буквы всех земных алфавитов. Тут смотря что считать началом: первое (может быть, даже устное) выступление в защиту природы, против какого-нибудь конкретного, пусть даже незначительного по масштабам, безобразия в этой области (такие выступления звучали и в 50-х годах и раньше), первое организованное выступление общественности на страницах печати или с трибуны собраний, первая научная констатация тревожных фактов и первый научный прогноз их катастрофических последствий или первое правительственное постановление по развертыванию борьбы с надвигающейся катастрофой.

Гораздо важнее установить другое: фундаментальные факты новейшей истории человечества. А факты эти говорят о том, что на протяжении второй половины 60-х годов прогрессивная мировая общественность, наконец, осознала серьезность экологической опасности в глобальных масштабах и что в начале 70-х годов с помощью самых совершенных электронно-вычислительных машин было досконально установлено и десятки раз перепроверено: если загрязнение природной окружающей среды и впредь будет продолжаться в масштабах и темпах 60-х годов, то самое позднее на протяжении первой половины XXI века оно примет необратимый характер, т. е. спастись от катастрофы будет все труднее. Третий и, пожалуй, самый важный из важнейших, фундаментальный факт за-

ключается в том, что наука не ограничилась анализом, диагнозом и прогнозом тревожного явления. Она разработала в общих чертах научные рекомендации по преодолению критической ситуации и решению этой сложнейшей проблемы. В предельно кратком и схематичном виде эти рекомендации сводятся к следующему.

1. Постепенный переход возможно большего числа производственных предприятий на замкнутый, безотходный цикл производства, подобный тому, какой устанавливается для космических кораблей: каждая капля воды, выделенной предприятию, должна пройти очистные сооружения и быть доведенной до такой степени чистоты, чтобы ее можно было снова и снова запускать в промышленный оборот; то же самое надлежит предпринять в отношении промышленных дымов и газов; любой отход производства, будь то шлак, пустая порода, оилки и пр., должен немедленно и эффективно утилизироваться на том же или смежном предприятии с целью получения той или иной промышленной продукции.

2. Многократное использование возможно более широкого круга пригодных для этого ресурсов. Не только каждое отработанное железное изделие должно идти в переплавку для изготовления нового, но и каждый флакон, каждая тряпка, каждый клочок бумаги. Стоимость изделия должна определяться не только по экономическим, но и по экологическим критериям. Например, предметы одноразового пользования, столь любимые писателями-фантастами (вплоть до платья, посуды и пр.), вряд ли получат большое распространение, если выяснится, что обычные, моющиеся обойдутся человечеству дешевле в экологическом отношении, с точки зрения расхода энергии и других ресурсов на их эксплуатацию.

3. Любая тара, от картонного или деревянного ящика до стеклянной или жестяной банки, пластикового мешочка и пр., должно быть либо повторно утилизируемой возможно большее число раз, либо сравнительно быстро саморазлагающейся на безвредные сырьевые элементы, либо, на худой конец, способной послужить хорошим топливом для тепловых установок. Никаких бытовых отходов и вообще городских свалок в принципе быть не должно: каждый недоеденный кусок должен направляться на корм скоту, всякий горючий хлам — в тепловые установки, всякий прочий хлам — на предприятия переработки вторичного сырья.

4. В топливно-энергетическом балансе все более значительный удельный вес постепенно станут занимать так называемые «чистые» источники энергии: солнечная, гидравлическая, ветряная, геотермическая (подземное тепло), гидротермическая (разница температур в верхних и нижних слоях морской воды), гидромеханическая (энергия волн), космическая (солнечная, передаваемая на Землю из космоса) и пр. В наши дни становится ясным, что топить дровами, неф-

тью, газом, углем, торфом — значит сжигать даже не просто ассигнации, как говорил в свое время Д. И. Менделеев, а прямо-таки бесценные сокровища. Ну а там, где пока еще неизбежна по разным причинам работа тепловых электростанций, все они постепенно должны быть преобразованы в такие теплоэлектроцентрали, в которых ни одна калория не пропадала бы даром, не выбрасывалась в атмосферу зря, увеличивая тепловое загрязнение планеты и усугубляя опасность перегрева земной атмосферы, таяния полярных льдов, подъема уровня Мирового океана на десятки метров, затопления миллионов квадратных километров материковых и островных территорий и т. д.

5. Все двигатели внутреннего сгорания постепенно будут преобразованы в электрические, эффективность которых должна определяться также и по разным экологическим критериям: насколько загрязняется окружающая среда. Здесь также целесообразно максимально использовать все мыслимые вспомогательные энергетические ресурсы: подзарядка в часы наименьшей нагрузки электростанций, использование энергии торможения и пр.

6. Расселение людей разумно осуществлять таким образом, чтобы по возможности избегать «противоестественного скопления гигантских масс людей в крупных городах» (В. И. Ленин) и транспортных перегрузок, стараясь располагать возможно большее число мест работы, учебы, закупок, бытового обслуживания, отдыха (в том числе и выход «на лоно природы») в пределах пешеходной или велосипедной доступности.

7. Возможно большую часть деловых и развлекательных поездок стоит заменять телеконтактами с помощью средств связи нового типа (видеофон, кабельное телевидение и пр.).

8. В общественном производстве и потреблении нужно постараться свести на нет удовлетворение псевдопотребностей людей, на которые ныне тратится значительная доля сил и средств. Что именно относить к категории псевдопотребностей — это все еще предмет научной дискуссии.

9. Чтобы не сдерживать дальнейшее развитие научно-технического прогресса, его отдаленные перспективы необходимо связать с выносом особенно энергоемких и материалоемких производств в космическое пространство, за пределы земной атмосферы. Кстати, в этом — жизненно важная роль для судеб человечества раздвигающихся ныне космических исследований.

10. Наконец, в дополнение к обычной этике, обычным правилам добропорядочного поведения людей, в современных условиях обязательно должна быть разработана и добавлена новая, непривычная, во многом странная для обыденного сознания нынешнего человека экологическая этика, экзотика, правила добропорядочно-

го поведения при общении с природой. Поскольку это непосредственно касается нас с вами, мы специально коснемся этого вопроса несколько ниже.

Разумеется, перечисленными пунктами не исчерпываются современные научные рекомендации преодоления глобального экологического кризиса. Перечень и здесь может быть продолжен*. Но не в количестве пунктов дело. Каждому ясно, что все только что сказанное очень дорогостояще, требует даже не миллиардных, а триллионных (в масштабах десятилетий и в масштабах всей планеты) затрат. Пока что таких средств в большинстве случаев взять попросту неоткуда. Расходы на очистные сооружения и другие нужды экологического характера составляют ныне большей частью всего несколько процентов общих капиталовложений. Между тем они должны быть уже сейчас по меньшей мере на порядок, т. е. вдесятеро, больше. И они будут возрастать все значительнее. В более отдаленном будущем расходы на нужды экологического характера, возможно, составят львиную долю капиталовложений, подобно тому как это имеет место в настоящее время с расходами на военные нужды. Сегодня странно представить себе промышленное предприятие, большая часть себестоимости продукции которого — издержки на очистные сооружения и другие экологические нужды. Но такое предприятие должно стать реальностью если не XX, то XXI века — это вопрос жизни или смерти человечества.

Каждому ясно также, что все сказанное начисто исключает вздорные, реакционные лозунги типа «долой научно-технический прогресс!», «назад к природе!» и пр. Назад к природе — это значит назад к тому состоянию, когда в среднем выживал лишь один ребенок из четырех родившихся, когда люди систематически голодали и бедствовали (и такие бедствия далеко не изжиты в ряде развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки), когда миллионы людей гибли (и гибнут поныне) от голода и болезней. Не назад к природе, а на единение с природой, к сыновней и дочерней заботе о матери-природе с помощью всех средств, которые дает человеку научно-технический прогресс, — вот как должен ставиться вопрос.

Наконец, каждому ясно, что все сказанное может и будет претворяться в жизнь совершенно по-разному в разных социальных системах мира, при капитализме и при социализме.

При капитализме голоса в защиту природы долгое время оставались гласом вопиющего в пустыне, пока не представили опреде-

---

* Достаточно напомнить о вредоносной для природы продолжающейся гонке вооружений, которая в данном отношении вообще представляется «врагом № 1». Но это тема особого разговора.

ленного социально-экономического и социально-политического интереса для правящих кругов. Как только выяснилось, что экологические вопросы могут сыграть роль козырной карты в предвыборных кампаниях, как только выяснилось, что одна монополия, протаскивая тот или иной закон об охране природы, может «утопить» конкурента и нажить миллиардные прибыли — тут, конечно, пошло-поехало...

Не следует представлять дело односторонне, будто все кампании в защиту природы на Западе — происки монополий. Как раз в этих вопросах голос прогрессивной западной общественности звучит особенно веско. Там закидают тухлыми помидорами и стащат с трибуны любого оратора, если он вздумает призывать к «покорению природы» языком 50-х — начала 60-х годов. Такое выступление сочтут просто-напросто глумлением над человечеством, оказавшемся в серьезной опасности. Но нельзя забывать и того, что для финансово-промышленных монополий Западе (особенно для так называемых многонациональных корпораций, не очень-то считающихся с правительствами отдельных капиталистических стран) главное — прибыли и сверхприбыли любой ценой. И если они во имя этого, не колеблясь, идут на человеческие жертвы, то дрогнет ли у них рука, когда жертвой еще и еще раз окажется природа? Словом, передовой общественности Западе предстоит тяжелая и сложная борьба в защиту природы с собственными правящими кругами и стоящими за ними монополиями.

Качественно иное положение в странах социализма. Здесь цель экономики — не прибыль любой ценой, а максимальное удовлетворение потребностей трудящихся. Здесь коммунистические партии и правительства сразу откликнулись на сигнал об экологической опасности и разработали ряд практических мероприятий по преодолению назревавшего кризиса. В частности, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли целый ряд постановлений, направленных на охрану природы. Аналогичные постановления приняты в других социалистических странах СЭВ.

Это не означает, конечно, что вопросы охраны окружающей среды решаются при социализме автоматически, в силу одних лишь преимуществ социалистического общественного строя самих по себе. Нет, здесь тоже необходима активная работа, напряженная борьба, но совсем иного плана, чем при капитализме. И здесь встречаются люди, не успевшие еще преодолеть «психологический барьер» традиционного отношения к природе как к объекту покорения, завоевания любой ценой. Лишь бы на «нашем» предприятии была чистая вода и чистый воздух, а соседям — что останется! И здесь встречаются люди, способные ради премияльной десятки загадить

и лес, и реку, и всю землю вокруг. И здесь пока еще встречаются дельцы, норовящие обойти государственные законы, народный контроль, элементарные порядки человеческого общежития. Поэтому охрана природы — дело буквально каждого гражданина страны. И здесь мы снова возвращаемся к вопросам экологической этики, о которых упоминалось чуть выше.

Никто не должен оставаться в стороне от борьбы с преступлениями против природы, как с тягчайшими в современных условиях преступлениями против человечества. Никакой поправки ответственным за загрязнение природной среды! Честь и слава тем работникам, которые сделали все возможное, чтобы рекультивировать воздух, воду, землю!

Ну а как обстоит дело с борьбой против так называемого бытового загрязнения природы?

Езда на мотоцикле без глушителя, включение на полную мощность телевизора, радиолы, радиоприемника не только поздним вечером, но и днем, гвалт и пляски ночью в квартире или на дворе — это акты варварства, равноценные в современных условиях злостному хулиганству. Чрезмерный шум — такое же загрязнение природной среды, как и всякое иное. А любой костер в городе — не просто тепловое загрязнение, но еще и повышенная опасность заболевания раком десятков людей. Срубленное дерево, засоренная поляна или пляж, охалка сорванных полевых цветов — такие же акты варварства, достойные не просто общественного порицания, а строгого взыскания. В городе ныне каждый зеленый листочек должен быть на вес золота. Наступить на травинку, а не то что загнить газон или целый сквер при современной ситуации — все равно что наступить на ногу человеку. Хочешь доставить радость любимой — посади цветы под ее окном. Хочешь порадовать ребят — посади елочку — посади ее у своего дома, ухаживай всю жизнь как за любимым псом и води вокруг нее хороводы в новогоднюю ночь. Признаюсь, мне и самому непривычны такие требования. Но как быть? Если мы и впредь будем продолжать рвать и рубить, что на глаза попадет, то к 2000 году для семи миллиардов таких любителей ни цветов, ни елок не хватит. Будут рассказывать о них детям, как нам о динозаврах.

Наконец, спортивные охота и рыболовство в современных условиях мыслимы только в рамках хорошо налаженных, полностью хозяйственных хозяйств. Как в тире: свалил зайца — из-под земли достань, а поставь нового. Иначе и зайцев постигнет судьба динозавров. Только на сей раз по вине человека.

Новое время — новые правила поведения в отношениях с природой.

«За десять с лишним лет в нашем сознании произошел переворот,— написал недавно в «Литературную газету» один из ее корреспондентов.— Мы стали особенно болезненно переживать... все те беды природы, которые прежде казались малозначительными происшествиями». Этот нравственный переворот в сознании людей — лучший залог того, что в условиях социализма человек одолеет угрозу природе. Рациональное природопользование — вот что становится ныне на повестку дня человечества. И эта книга, в частности, как смог убедиться читатель, познакомившись с ее рассказами,— тоже один из многих, пусть очень скромных, «пунктов» такой «повестки». Люди вовремя разглядели экологическую опасность. Теперь дело за тем, чтобы выйти победителями в борьбе не с природой, а за природу.

■ МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ

Хроника событий в мире научной фантастики

Июль—декабрь 1978 г.

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

25—28 сентября в Свердловске состоялось региональное совещание, проведенное совместно Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР и Комиссией по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей РСФСР. Среди участников совещания были известные писатели-фантасты — С. Абрамов, Д. Биленкин и З. Юрьев из Москвы, В. Колупаев (Томск), С. Снегов (Калининград); молодые фантасты — А. Балабуха (Ленинград), М. Клименко (Челябинск), Г. Прашкевич (Новосибирск), Р. Сагабалин (Ереван) и другие; писатели-фантасты из Свердловска — И. Давыдов, С. Другаль, В. Крапивин, А. Малахов, М. Немченко, С. Спелынин. Кроме того, с докладами выступили критики и литературоведы (Е. Брандис), представители центральных и периферийных издательства, Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП), работники аппаратов Союза писателей СССР и РСФСР.

Участники совещания выступали на Белоярской АЭС и в цехах Первоуральского новотрубного завода, в библиотеках, институтах и на предприятиях Свердловска. На совещании обсуждался широкий круг вопросов, среди которых особое внимание было уделено дальнейшему развитию научно-фантастической литературы на Урале и в Сибири. Была одобрена инициатива трех уральских издательства — в Свердловске, Челябинске и Перми — по организации выпуска регулярного сборника фантастики и приключений, в котором будут публиковаться авторы Уральско-Сибирского региона.

С единодушием был отмечен большой вклад редакции журнала «Уральский следопыт» (главный редактор Ст. Мешавкин, заведующий отделом Л. Румянцев, редактор раздела «Мой друг — фантастика» В. Бугров) в дело развития отечественной научно-фантастической литературы.

15—17 ноября в Никольске состоялась 2-я Всесоюзная научно-теоретическая конференция на тему «Проблема художественного изображения социалистического образа жизни в советской много-

национальной литературе» (организована совместно Институтом мировой литературы им. А. М. Горького, Всесоюзным обществом «Знание» и Николаевским государственным педагогическим институтом им. В. Г. Белинского). В рамках конференции работала отдельная секция «Своеобразие раскрытия настоящего и будущего в современных научно-фантастических произведениях советской многонациональной литературы» (руководители — Г. Федосеев и Н. Черная). В работе секции принимали участие писатели Г. Гуревич (Москва) и А. Балабуха (Ленинград), критики и литературоведы Е. Брандис и А. Бритиков (Ленинград), И. Бацула (Полтава), Е. Грамова (Николаев), Т. Сулейменов (Алма-Ата) и другие.

С 30 ноября по 3 декабря в Ленинграде проходила конференция молодых литераторов Северо-Западного региона. В рамках конференции работал семинар научно-художественной и научно-фантастической литературы (руководители Е. Брандис, А. Бритиков, Ж. Браун, Б. Стругацкий, Н. Томилин, А. Шалимов). Были рассмотрены произведения 11 молодых авторов из Ленинграда, Петрозаводска, Пскова, Риги и Вильнюса; лучшие работы рекомендованы к печати.

21 ноября исполнилось 75 лет старейшему советскому писателю Лазарю Иосифовичу Лагину — автору «Старика Хоттабыча», романа «Голубой человек» и остросоциальных фантастических памфлетов «Майор Велл Эндью», «Патент «АВ»», «Остров Разочарования», «Трагический астероид».

15 декабря исполнилось 60 лет Северу Феликсовичу Гансовскому, известному советскому писателю-фантасту, автору сборников научно-фантастических повестей и рассказов — «Шаги в неизвестное», «Шесть гениев», «Три шага к опасности», «Идет человек».

ЗА РУБЕЖОМ

Англия

10 июля исполнилось 75 лет со дня рождения классика английской научной фантастики Джона Уиндэма (1903—1969). Уиндэм был достойным наследником уэллсовской социально-критической фантастики, его произведения отличали литературный вкус, теплота и человечность. Лучшие романы писателя — «День триффидов» (переведен в СССР), «Крокен пробуждается», «Куколки», «Кукушки Мидвича» — по праву заняли свое место в «золотом фонде» мировой научной фантастики XX века.

Италия

8—15 июля в Триесте состоялся 16-й Международный фестиваль научно-фантастического кино, в котором принимают участие и кинематографисты социалистических стран. На одном из предыдущих фестивалей советская лента «Оtroки во Вселенной» была удостоена специального приза. На нынешнем фестивале по классу короткометражного фильма премии удостоена работа польских кинематографистов.

В октябре в Палермо состоялась встреча специалистов-литературоведов, работающих в области НФ. Советский Союз на встрече представлял доктор филологических наук, профессор Ю. Кагарлицкий.

Польша

8—12 ноября в Варшаве, в рамках Всепольского съезда клубов любителей фантастики (КЛФ), состоялся международный семинар «Орбита дружбы», в котором приняли участие писатели-фантасты и представители КЛФ из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Канады и Швеции (всего около 200 человек). Гостями семинара были известные фантасты Е. Парнов, К. Булычев и А. Шалимов (СССР), К. Борунь и К. Фиалковский (Польша), Й. Несвадба (Чехословакия), С. Лундвалл (Швеция) и другие. Было принято решение создать Информационный центр НФ социалистических стран.

США

В сентябре начались съемки нового телевизионного трехсерийного фильма по «Марсианским хроникам» Рэя Брэдбери. Снимает фильм режиссер Майкл Андерсон (его предыдущий фильм, также научно-фантастический, «Бегство Логана» демонстрировался на Московском кинофестивале в 1977 г.). Сценарий написан известным писателем-фантастом Ричардом Мэйтсоном, а комбинированные съемки будет делать Джон Стирз, прославившийся своей работой в нашумевшем фильме «Звездные войны».

Клиффорд Саймак, творчество которого хорошо известно в СССР, несмотря на преклонный возраст (писатель родился в 1904 г.), продолжает активно работать в НФ. Один из последних его романов — «Звездное наследство» (1977) осенью 1978 г. награжден специальным призом «Юпитер», присуждаемым ежегодно Ассоциа-

цией преподавателей НФ в университетах и колледжах США и Канады.

18 декабря исполнилось 65 лет Альфреду Бестеру. Творчество его также хорошо известно в СССР (роман «Человек без лица», рассказы «Звездочка светлая, звездочка ранняя», «Человек, который убил Магомета» и др.). Произведения Бестера отличаются «пиротехничность» стиля, динамичный сюжет, искрометный юмор.

«Героем» 1978 г. стал известный американский фантаст Фредерик Пол (советский читатель знает его по роману «Операция «Венера», написанному в соавторстве с С. М. Корнблатом, и рассказам «Туннель под миром» и др.). В 1977 г. его роман «Человек-плюс» (о попытке в недалеком будущем американского астронавта-киборга на Марс) получил премию «Небьюла» (присуждаемую писателями-профессионалами).

В конце августа 1978 г. на ежегодной (36-й по счету) Всемирной конвенции НФ (г. Феникс, Аризона) другой роман Пола, «Врата» (о гигантской покинутой орбитальной станции, оставленной в Солнечной системе неведомой цивилизацией и позволяющей земным исследователям совершать «экскурсии» в иные миры), получил высшую премию «Хьюго», присуждаемую любителями фантастики. «Врата» признан лучшим романом 1977 г. и по результатам представительного опроса, проведенного в августе специализированной «НФ газетой» «Локус».

Ф Р Г

24—26 ноября в Геттингене прошло совещание по проблемам НФ, организованное Писательским союзом ФРГ. На совещании присутствовали известные писатели Герберт Франке и Вольфганг Йешке, редакторы западногерманских специализированных научно-фантастических журналов («Времена НФ» и «2001»), австрийский критик и активный пропагандист НФ Франц Роттенштайнер и другие.

Материал подготовлен
Вл. ГАКОВЫМ

СОДЕРЖАНИЕ

«Будем же чуточку умнее» (об авторах и темах сборника)	3
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	8
Ольга Ларионова. Где королевская охота	8
Кир Булычев. Закон для дракона	37
Павел Амнуэль. Иду по трассе	76
Георгий Гуревич. Джоклоны	101
Андрей Балабуха. Двое	115
Дмитрий Биленкин. И все такое прочее	119
СЛОВО — МОЛОДЫМ	129
Феликс Дымов. Расскажи мне про Стешину, папа...	129
Эрнест Маринин. Узник	136
Галина Усова. Вода	162
Сергей Другаль. Экзамен	167
Вячеслав Рыбаков. Великая сушь	181
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА	197
Джемс Боллард. Конец	197
Герберт В. Франке. Анклавы	209
Рэй Брэдбери. Час Привидений	215
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА: ФАНТАЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ	218
д-л. Гаков. «Феномен Крайтона», или как фантасты прозвали проблему	218
И. В. Бестужев-Лада. Как люди вовремя разглядели опасность	239
МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ	251
Хроника событий в мире научной фантастики	251

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 21

Составитель Вл. Гаков

**Оформление В. И. Савелы,
иллюстрации М. А. Дорохова**

**Зав. редакцией
научно-художественной литературы**

М. Б. Новиков

Редактор В. М. Климачева

Мл. редактор В. Е. Саморига

Худож. редактор М. А. Гусева

Техн. редакторы Л. А. Кирякова,

С. А. Птицына

Корректор В. Е. Калинина

ИБ № 2217

Сдано в набор 13.11.78. Подписано к печати 16.04.79.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура журн.
рубленая. А 11237. Печать высокая. Бум. л. 4,0. Печ. л.
8,0. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 16,67. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 501. Заказ 1412. Цена 1 р. 20 к. Издательство
«Знание». 101835, Москва, Центр, Проезд Серова, д. 4.
Типография № 2 ордена Ленина комбината печати изда-
тельства «Радянська Україна», Киев, Аири Варбюса, 51/2.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

